

ВЕСТНИК МГЛУ

***СЕРИЯ 1
ФИЛОЛОГИЯ № 6 (121) / 2022***

Серия основана в декабре 1996 года

Редакционная коллегия:

Л. А. Тарасевич (*главный редактор*),
М. С. Рогачевская (*зам. главного редактора*),
А. Н. Баранов, Е. А. Булат, А. Н. Гордей, Е. А. Гапанович,
Е. Г. Задворная, Т. В. Поплавская,
А. А. Романовская, З. А. Харитончик

*Журнал «Вестник МГЛУ. Серия 1. Филология»
включен Высшей аттестационной комиссией
в перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований*

СОДЕРЖАНИЕ

Проблемы общего и типологического языкознания

<i>Дубасова А. В.</i> Устойчивость словообразовательных связей как фактор сохранности первичных латышских глаголов	7
<i>Мужейко И. А.</i> Образность адъективных устойчивых сравнений.....	15
<i>Романовская А. А.</i> Мифологическая единица произведения, Текста, дискурса	21
<i>Тарасевич Л. А.</i> Латераль «справа – слева» в описании пространства (на материале немецкого и русского языков)	29

Романское и германское языкознание

<i>Дудина А. М., Романова Е. Э.</i> Прагмасемантический аспект эвфемизмов во франко- и англоязычном медийном дискурсе.....	37
<i>Колб Е. С.</i> Агентивный компонент в значениях вещественных имен существительных в современном английском языке	44
<i>Кузьменко Н. В., Новик А. В.</i> Номинативные стратегии для обозначения антисептических средств в современном английском языке	52
<i>Марченко О. В.</i> Причины отказа от реализации коммуникативного замысла (на материале англоязычных диалогов).....	60

Исследования славянских языков

<i>Голубева В. К.</i> Типология конструкций с прилагательным/именем качества с учетом их трансформационного потенциала.....	68
<i>Забаштанская О. И., Клиффорд Б. Т.</i> Одесское городское койне в «Одесских рассказах» Исаака Бабея: фонетический и грамматический аспекты.....	81
<i>Карпук Г. В.</i> Средства интенсификации речевых актов непростения в русскоязычной межличностной коммуникации	88
<i>Ляшчынская В. А.</i> Культурна-моўная спецыфіка фразеалагізмаў-характарыстык чалавека паводле ўжывання спіртнога	96

Исследования восточных языков

<i>Филимонова М. С.</i> Идеографичность китайских фонетиков (на примере фонетиков 相 и 取)	107
---	-----

Литературоведение

<i>Дзігadzюк В. П.</i> Катэгорыі праспекцыі і рэтраспекцыі ў прозе У. Гніламёдава.....	116
<i>Пань Гаодзинь.</i> Влияние С. Т. Кольриджа и Т. С. Элиота на китайских поэтов	125
<i>Чарота К. М.</i> Маладзёжнае падполле і яго ўдзельнікі ў раманах “Маладая гвардыя” А. А. Фадзеева і “Сасна пры дарозе” І. Я. Навуменкі	131

CONTENTS

General and Typological Linguistics

- Dubasava A.* Stability of Word-Formation Connections
as a Factor of Preservation of Primary Latvian Verbs 7
- Muzheiko I.* Figurativeness of Adjective Similes..... 15
- Romanovskaya A.* Mythological Unit of Literary Text, Text, Discourse 21
- Tarasevich L.* The Lateral “Right – Left” in the Description of Space
(on the Material of the German and Russian Languages)..... 29

Romance and Germanic Linguistics

- Doudina A., Ramanava K.* Pragma-Semantic Aspect of Euphemism
in French and in English Media Discourse 37
- Kolb E.* Agentive Component in the Meanings of Substance Nouns
in Modern English 44
- Kuzmenko N., Novik A.* Naming Strategies for Designation
of Antiseptics in Modern English 52
- Marchanka V.* Reasons for a Refusal to Realize
the Communicative Intention (Based on English Dialogues) 60

Slavonic Languages

- Golubeva V. K.* Typology of Constructions with an Adjective / Quality Noun
Based on Their Transformational Potential 68
- Zabashtanskaya O., Klifford B. T.* Odessa City Koine
in *Odessa Stories* by Isaac Babel: Phonetic and Grammar Aspects 81
- Karpuk G.* Means of the Intensification of Speech Acts of Unforgiveness
in Russian Interpersonal Communication 88
- Liahshchynskaya V.* Cultural-Linguistic Specificity
of Phraseological Characteristics of People Regarding the Use of Alcohol..... 96

Studies of Oriental Languages

- Filimonova M.* The Ideographic Nature of Phonetic Components
in a Chinese Character
(on the Example of Phonetic Components 相 and 取) 107

Literary Studies

- Digadyuk V.* Categories of Prospection and Retrospection
in the Prose of V. Gnilomedov 116
- Pan Gaojin.* Chinese Poets Under the Influence of S. T. Coleridge
and T. S. Eliot..... 125
- Charota K.* Youth Underground Organizations and Their Participants
in the Novels *The Young Guard* by A. A. Fadeyev
and *A Pine Tree by the Roadside* by I. J. Navumienka 131

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕГО И ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

УДК 811.174

Дубасова Анжелика Витальевна
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры интенсивного обучения
иностранному языку № 2
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Anzhalika Dubasava
PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of Department № 2
of Intensive Foreign Language Learning
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
anzhalikad@gmail.com

УСТОЙЧИВОСТЬ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ КАК ФАКТОР СОХРАННОСТИ ПЕРВИЧНЫХ ЛАТЫШСКИХ ГЛАГОЛОВ

STABILITY OF WORD-FORMATION CONNECTIONS AS A FACTOR OF PRESERVATION OF PRIMARY LATVIAN VERBS

В работе изучаются словообразовательные связи между первичными глаголами и их дериватами с целью выяснить, почему первичные глаголы с дериватами-итеративами исчезали чаще, чем первичные глаголы с дериватами-каузативами. Анализ материала показал, что исходная (фиксируемая этимологическим словарем) каузативная связь является значительно более сильной и устойчивой по сравнению с исходной итеративной связью. Кроме того, было обнаружено, что первичные глаголы, не утратившие исходную словообразовательную связь со своими дериватами, чаще сохраняются в языке.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *первичные глаголы; словообразование; семантика; история языка; латышский язык.*

The paper investigates word-formation connections between primary verbs and their derivatives to determine why primary verbs with derivatives-iteratives disappeared more often than primary verbs with derivatives-causatives. The analysis of the material showed that the original (recorded in the etymological dictionary) causative relationship is much stronger and more stable compared to the original iterative relationship. Also, it was found that primary verbs that retain the original word-formation connection with their derivatives are more often preserved in the language.

К е у w o r d s: *primary verbs; derivation; semantics; history of language; Latvian.*

Первичные латышские глаголы составляют основу современной глагольной системы латышского языка. Исторически они образовывались от реконструируемых прабалтийских корней [1, 1pp. 332]. Суффиксальные¹ глаголы обычно считаются более поздними образованиями, согласно реконструкциям этимологического словаря латышского языка [2].

¹ В данной статье рассматриваются только отverbальные глаголы.

В нашей предыдущей работе [3] была показана связь между статусом первичного глагола (сохранился или исчез) и семантикой его дериватов: первичные глаголы с дериватами-итеративами исчезали чаще, чем первичные глаголы с дериватами-каузативами. Было сделано предположение, что такой результат может быть вызван спецификой семантической связи между дериватом и исходным глаголом.

Целью настоящей работы было проверить данное предположение и проанализировать семантические и словообразовательные связи между первичным глаголом и его дериватами – каузативами и итеративами. Для этого была сформирована новая база данных. В табл. 1 представлена статистическая информация о рабочей базе данных.

Т а б л и ц а 1

		Статус первичного глагола		Итого
		исчез	существует	
Группа дериватов	итеративы	84	107	191
	каузативы	22	60	82
Итого		106	167	273

По сравнению с первоначальной базой данных обновленная база уменьшилась, поскольку значения не всех первичных глаголов известны или реконструированы. Кроме того, нас интересовали только две группы первичных глаголов – с дериватами-каузативами и с дериватами-итеративами.

Следует указать на потенциальные проблемы, обнаруженные при анализе рабочей базы данных.

1. Значения большинства утраченных и части сохранившихся глаголов являются реконструкцией.

Так, например, для латышского глагола *burzīt* ‘комкать, мять; *dual.* тереть’ исходным является значение глагола **burzt* ‘тереть’, однако данная реконструкция подробнее не обосновывается. Фактически этот глагол реконструирован потому, что для существующего суффиксального глагола нужна словообразовательная база. Значение глагола **burzt* опирается на более старое диалектное значение и на фонетический вариант *berzt* ‘тереть’.

Если рассматривать существующий глагол *lobt* ‘быстро бежать’, то можно вести речь о реконструкции первоначального значения ‘лущить, очищать от кожуры’ (из праиндоевропейского **leub(h)-* ‘очистить от кожуры, отломать’). Образованный от него суффиксальный итеративный глагол *lobīt* ‘драть кору, лущить’ сохраняет древнее значение, в то время как исходный глагол претерпевает существенные семантические изменения (‘очищать от кожуры’ → ‘быстро есть, проворно работать’ → ‘быстро бежать’).

Кроме того, не всегда, согласно словарю, есть точные данные о словообразовательной основе суффиксального глагола. Так, итератив-дуратив *gulēt* ‘лежать, спать’ мог быть образован как непосредственно от глагола *gult* ‘склоняться, клониться → ложиться спать’, так и от прилагательного *guls* ‘горизонтальный’ (в качестве промежуточного звена).

Реконструированные лексемы или значения лексем не исключались из рассмотрения, однако их наличие учитывалось при анализе: он по возможности базировался на значениях дериватов, т. е. на точно известном материале.

2. Значения могли меняться – как у первичных глаголов, так и их дериватов. В такой ситуации в случае исчезновения первичного глагола сложно точно установить те семантические отношения между ним и его дериватами, которые непосредственно предшествовали исчезновению первичного глагола.

Например, глаголы *darīt* ‘делать’ и *derēt* ‘годиться; наниматься’ являются дериватами реконструированного первичного глагола **dert* ‘рвать, колоть’. Данным дериватам свойственны следующие семантические изменения:

а) делать: ‘рвать, колоть’ → ‘рубить’ → ‘изготавливать с помощью топора или других инструментов’ → ‘изготавливать, готовить’ → ‘делать пиво, колбасы, молоко’ → ‘работать, заниматься’;

б) годиться, наниматься: ‘(хорошо) колоть’ → ‘быть годным (о топоре)’ → ‘сделать (топор) годным’ → ‘сделать кого-то для себя подходящим, полезным (например, о слуге)’ → ‘нанять’.

Можно увидеть, что семантических изменений произошло много, но при этом нет возможности установить, в какой именно момент первичный глагол исчез из употребления.

Так как подобные примеры в словаре встречаются нечасто, данная проблема решается за счет применения статистического анализа, который по своей сути указывает на общие закономерности и не подразумевает, что эти закономерности должны проявляться в каждом конкретном случае.

Подготовка материала

Поскольку новая рабочая база была сформирована с целью исследовать ранее обнаруженную корреляцию, мы посчитали нужным проверить соответствие старой и новой базы данных. Для этого на материале новой базы данных были выполнены те же статистические операции, что и ранее. В результате статистического анализа повторно была обнаружена статистически значимая корреляция между параметрами «значение деривата» (итератив, каузатив) и «статус глагола» (исчез, сохранился): $\chi^2 = 7,104$, $df = 1$, $p < 0,01$. Снова оказалось, что первичные глаголы с дериватами-итеративами более склонны к исчезновению, нежели первичные глаголы с дериватами-каузативами. Таким образом, новая база данных может считаться подходящим материалом для дальнейшего исследования обнаруженной корреляции.

В академических грамматиках латышского языка значение каузатива обычно описывается как ‘заставить кого-то что-то сделать’ [4, lpp. 507] или ‘заставить совершить действие, выраженное исходным глаголом’ [1, lpp. 332], а итератива – как многократное действие [4, lpp. 539] или повторяющееся либо многократное действие [1, lpp. 332]. Однако если опираться на толкования слов в тезаурусе латышского языка [5], а также на статьи этимологического словаря, эти определения можно расширить следующим образом.

Грамматическое значение каузатива – заставить кого-то / позволить кому-то совершить действие, описываемое исходным глаголом; быть причиной такого действия. Примеры: *grimt* ‘тонуть’ – *gremdēt* ‘топить’, *ēst* ‘есть’ – *ēdināt* ‘кормить’, **virpt* ‘вращаться’ – *virpināt* ‘вращать’, **zūt* ‘погибать’ – *zudināt* ‘позволить погибнуть; уничтожить’.

Грамматическое значение итератива – продолжительное или повторяющееся действие, выраженное исходным глаголом, а также действие, совершаемое в нескольких местах или с несколькими объектами. Примеры: *bāzt* ‘совать, сунуть’ – *bāzīt* ‘совать (многократно)’, *celt* ‘поднять’ – *cilāt* ‘поднимать’, **knīpt* ‘щипать’ – *knīpēt* ‘щипать (многократно)’.

Данные грамматические значения мы будем считать исходными, прототипическими, а соответствующую словообразовательную связь между первичным глаголом и его дериватом – прототипической. Подчеркнем, что важно соблюдение обоих условий: прямая связь исходного глагола и деривата (общий корень, общее значение) и наличие противопоставления по каузативности-итеративности. Семантика исходного глагола и деривата должны отличаться только указанным грамматическим значением.

Анализируя связи между первичным глаголом и его дериватом, мы выясняли, насколько стабильна прототипическая словообразовательная связь и как она может меняться со временем.

Каузативы

Прототипическая связь в группе первичных глаголов с дериватами-каузативами сохранилась в 60 случаях. Примеры: *augt* ‘расти’ – *audzēt* ‘выращивать’, *dilt* ‘изнашиваться’ – *deldēt* ‘изнашивать’. В тезаурусе латышского языка в описании значений каузативов присутствуют словосочетания *быть причиной того, что...*, *добиться того, что...*, *допустить, что...* и под., при этом, как правило, дается отсылка к первичному глаголу. Сюда отнесены и редкие дериваты с переносными значениями. Так, у глагола может быть один дериват с прямым значением, а другой – с переносным: *kaist* ‘раскаляться’ – *kaitēt* ‘раскалять’, *kaitināt* ‘раздражать’. Или же дериват имеет только переносное значение: *gumt* ‘клониться, гнуться’ – *gumdīt* ‘склонять (к чему-то)’.

В дополнение к прототипической каузативной связи один из дериватов может получить и итеративное значение: *šķīst* ‘растворяться, разбрызгиваться’ – *šķiest* ‘разбрызгивать; расточать’ (прототипическая каузативная связь), *šķaidīt* ‘разбрызгивать многократно; расточать многократно’ (итеративная связь).

Прототипическая связь может сохраняться в каком-то одном (обычно не самом частотном) значении многозначного деривата (первичный глагол тоже может быть / стать многозначным): *jukt* ‘прерваться, не продолжаться (о событии, отношениях)’ – *jaukt* ‘расстраивать (планы), быть причиной того, что кому-то / чему-то мешают’.

Непрототипическая связь в случае каузативов возникает из-за того, что значения первичного глагола и деривата расходятся, часто очень суще-

ственно. При этом глагол-дериват, как правило, остается каузативным по своему смыслу (16 пар): *irt* ‘распадаться, рушиться’ – *irdināt* ‘разрыхлять’, *delt* ‘трескаться, раскалываться’ – *dalīt* ‘делить’, *plaukt* ‘распускаться’ – *plaucēt* ‘ошпаривать’. В тезаурусе часто сохраняются пометы, характерные для каузативов, однако нет отсылки к первичному глаголу.

Реже дериват утрачивает каузативное значение (6 пар): **mist* ‘сместаться’ – *misēt* ‘заблуждаться’ (исходное значение ‘вводить в заблуждение’), *prast* ‘уметь (первоначальное значение ‘понимать’)’ – *pratināt* ‘расспрашивать’ (исходное значение ‘заставить понять’).

Статистические данные в отношении каузативов представлены в табл. 2.

Т а б л и ц а 2

Связи между первичными глаголами и каузативами

Связь	Количество	%
Прототипическая	60	73,2
Непрототипическая	22	26,8
Итого	82	100

Как видно, прототипическая каузативная связь является довольно устойчивой (73,2 %). Утрачивая эту связь, дериват обычно становится лексическим каузативом.

Итеративы

Прототипическая связь в группе первичных глаголов с дериватами-итеративами сохранилась в 73 случаях. Примеры: *berzt* ‘тереть’ – *berzēt* ‘многократно тереть’, **gozt* ‘выгибать’ – *gozēt* ‘многократно выгибать’; *braukt* ‘ездить’ – *braukāt* ‘разъезжать’. Характерные пометы в тезаурусе: «многократно», «продолжительное время» и др.

В эту группу также включены следующие 4 первичные глагола:

а) *siet* ‘связывать (веревкой; в узел)’ – *saistīt* ‘связывать (о клее и под.; кого-то (отношения); что-то с чем-то (о понятиях))’; значения первичного глагола и деривата очень близки, но не взаимозаменяемы, при этом значение деривата, скорее, итеративное (а первичного глагола – нет);

б) *snaust* ‘дремать’ – *snaužot* ‘спать’; действие, выраженное первичным глаголом, по своему смыслу является более коротким по сравнению с действием, выраженным дериватом, однако получаемое противопоставление не является сугубо грамматическим («спать» не равно много раз «дремать»);

в) *trīt* ‘точить, тереть’ – *triņāt* ‘тереть’, диал. *triņāt* ‘многократно (легко) тереть’; один дериват первичного глагола не формирует с ним пару по итеративности, а второй (диалектный) дериват такую пару формирует;

д) **mirkt* ‘моргнуть, мигнуть’ – *mirkšķināt* ‘моргнуть; мигать’; дериват в одном значении описывает однократное действие, а в другом – продолжительное / повторяющееся.

Непрототипическая связь представлена следующими подгруппами:

а) связь с производящей глагольной основой отсутствует или является крайне отдаленной: *baust* ‘бить, будить’ – *baudīt* ‘наслаждаться; проверять’, *dīkt* ‘мычать, жужжать’ – *dīkāť* ‘бегать’, *mākt* ‘принуждать, мучить’ – *mācīt* ‘учить (чему-то)’;

б) значения первичного глагола и глагола-derivата трудноразличимы; сложно обнаружить исходное противопоставление по итеративности: *gārgt* ‘клокотать’ – *gārdzēt* ‘клокотать’, *berzt* ‘тереть’ – *berzēt* ‘тереть’, *slempť* ‘брести’ – *slempēt* ‘брести’, **dirt* ‘рвать’ – *dīrāt* ‘рвать’, **dziet* ‘петь’ – *dziedāt* ‘петь’. В случае существующего первичного глагола отсутствие разницы в значении между ним и его дериватом определялось по толковому словарю (например, в словарной статье *gārdzēt* дано просто как *gārgt*) или / и по примерам из корпуса (так, глагол *berzt* в корпусе используется вместе с наречием *долго*).

Сюда же включен глагол *vākst* ‘блеять (овцы, козы)’ – *vākstēt* ‘кричать, плакать (дети)’; значение исходного глагола и деривата близко, но не одинаково, при этом оба имеют, скорее, итеративное значение.

В обе подгруппы входят глаголы, обозначающие действия, которые по своей сути являются продолжительными или повторяющимися, например, описывающие звуки, движение, состояния, трудовую деятельность. Чаще всего в описании значений таких дериватов отсутствуют обычные для итеративов указания «множественно», «продолжительное время». Реже подобные пометы присутствуют в описании как деривата, так и первичного глагола: *kult* ‘множественно, продолжительное время бить’ – *kulstīt* ‘то же’. В любом из этих случаев можно говорить о том, что явного противопоставления по итеративности внутри пары нет.

Статистические данные в отношении итеративов представлены в табл. 3.

Т а б л и ц а 3

Связи между первичными глаголами и итеративами

Связь		Кол-во	%
Прототипическая		73	38,2
Непрототипическая:	утрачена исходная семантическая связь	45	23,6
	семантическая связь сохраняется, но нет противопоставления по итеративности	73	38,2
Итого		191	100

Сравним данные табл. 2 и 3: процент сохранности исходной словообразовательной связи первичных глаголов с каузативами – 73,2 %, с итеративами – 38,2 %. Очевидно, что итеративные значения менее устойчивы и более склонны к преобразованиям. Связь между исходным глаголом и дериватом-итеративом легко и часто разрушается (61,8 %). Это происходит либо за счет существенного расхождения в семантике исходного глагола и деривата (23,6 %), либо за счет исчезновения исходного противопоставления по итеративности вследствие того, что оба глагола выражают примерно одинаковое по смыслу и по продолжительности действие (38,2 %).

Если сравнить данные по каузативам и итеративам, можно заметить, что внутри тех и других есть аналогичные подгруппы: подгруппа с прототипическим словообразовательным значением и подгруппа с утраченной семантической связью (значения дериватов и, возможно, исходных глаголов претерпели существенные изменения).

Кроме того, внутри итеративов выделяется многочисленная группа, не имеющая аналогов среди каузативов. Дериваты этой группы не просто сохраняют семантическую связь с первичными глаголами – фактически они являются для них синонимами. Такие дериваты не утратили своего значения итеративности, однако противопоставление по итеративности в паре «первичный глагол – дериват» уже отсутствует.

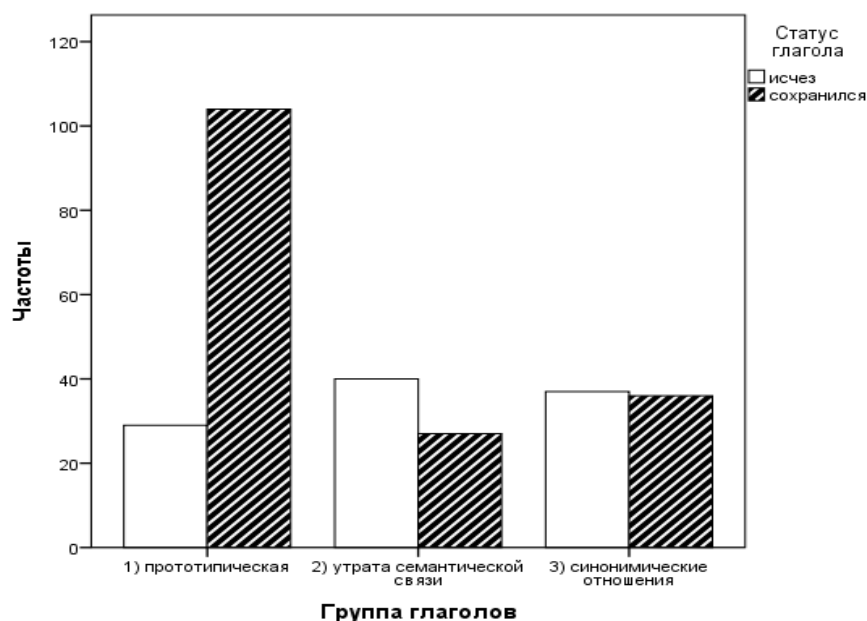
Таким образом, можно выделить три группы первичных глаголов (далее «группа глаголов»):

- 1) сохранивших прототипическую связь с дериватами;
- 2) утративших семантическую связь с дериватами (и, как следствие, исходную словообразовательную связь);
- 3) сформировавших с дериватами синонимические отношения (без противопоставления по итеративности).

Исходя из проведенного анализа, мы сформулировали следующую рабочую гипотезу: на статус первичного глагола (исчез или сохранился) влияет сохранность семантических и словообразовательных связей между ним и его дериватами.

Для проверки рабочей гипотезы в программе IBM SPSS Statistics были построены таблицы сопряженности между исследуемыми параметрами и применен критерий Пирсона.

Результаты анализа опровергли нулевую гипотезу (об отсутствии корреляции между параметрами) и, соответственно, подтвердили следующую рабочую гипотезу: $\chi^2 = 32,839$, $df = 2$, $p < 0,01$ (рисунок).

«Статус глагола» vs «группа глаголов»

На рисунке можно увидеть следующее:

- 1) первичные глаголы, сохранившие прототипическую связь со своим дериватом, значительно чаще сохраняются, нежели исчезают;
- 2) первичные глаголы, утратившие семантическую связь со своими дериватами, чаще исчезают, чем сохраняются;
- 3) первичные глаголы, сформировавшие со своими дериватами синонимические отношения, примерно в равной мере могут сохраняться или исчезать.

В целом, глаголы прототипической группы сохранились в 78,2 % случаев, в то время как глаголы непрототипических подгрупп сохранились лишь в 45 % случаев.

Таким образом, определяющим фактором сохранности первичного глагола является сильная семантическая и словообразовательная связь между ним и его дериватом. Чем сильнее формируемое за счет этих связей противопоставление внутри пары «первичный глагол – дериват», тем устойчивее элементы этой пары.

Данный вывод хорошо согласуется с ранее обнаруженной корреляцией между статусом глагола и типом его деривата (каузатив или итератив), поскольку, как было показано, прототипическая каузативная связь значительно сильнее и устойчивее по сравнению с прототипической итеративной связью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Mūsdienu latviešu literārās valodas gramatika. I. daļa. Fonētika un morfoloģija / atbild. red. : Ē. Sokols. – Rīga : LPSR ZA izdevniecība, 1959. – 830 lpp.
2. Karulis, K. Latviešu etimoloģijas vārdnīca : 2 sēj. / K. Karulis. – Rīga : Avots, 1992. – 1. sēj. A – O. – 639 lpp., 2. sēj. P – Ž. – 671 lpp.
3. Дубасова, А. В. «Выживаемость» первичных латышских глаголов : пилотное диахроническое исследование / А. В. Дубасова. – Вестн. Минск. гос. лингвист. ун-та. Сер. 1, Филология. – 2022. – № 2 (117). – С. 22–29.
4. Latviešu valodas gramatika / red. : J. Grigorjevs, D. Nītiņa. – Rīga : LU Latviešu valodas institūts, 2013. – 1024 lpp.
5. Tēzauris [Elektroniskais resurss]. – Pieejas režīms : <https://tezaurs.lv/>. – Pieejas datums : 2022.10.01.

Поступила в редакцию 10.10.2022

Мужейко Ирина Анатольевна
кандидат филологических наук
доцент кафедры иностранных языков
и межкультурных коммуникаций
Витебский филиал Международного
университета «МИТСО»
г. Витебск, Беларусь

Irina Muzheiko
PhD in Philology, Associate Professor
of Department of Foreign Languages
and Cross-cultural Communication
Vitebsk Branch of International
University "MITSO"
Vitebsk, Belarus
ira_yur@mail.ru

ОБРАЗНОСТЬ АДЪЕКТИВНЫХ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ

FIGURATIVENESS OF ADJECTIVE SIMILES

В статье рассматривается образность адъективных устойчивых сравнений (АУС), составляющих особый пласт фразеологических единиц, а также описывается механизм перехода логического сравнения в метафорическое, основанный на сближении трудно сопоставимых понятий. Анализ АУС, объединенных общими эталонами, позволил определить сходные и различные представления о человеке, отраженные в созданных образах. Выявление общих и специфических сравнений свидетельствует о единстве и своеобразии представленных лингвокультур.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *фразеология; адъективные устойчивые сравнения; образность; образ; эталон; лингвокультура.*

The article focuses on figurativeness of adjective similes, which make up a special layer of phraseological units, and also describes the mechanism for the transition of a logical comparison into a metaphorical one, based on the convergence of concepts that are difficult to compare. The analysis of AS, united by common standards, made it possible to determine similar and different ideas about a person, reflected in the created images.

К e y w o r d s: *phraseology; adjective similes; figurativeness; image; standard; linguoculture.*

Изучение сравнения имеет долгую историю: оно было объектом исследования риторики, логики, философии, психологии, и лишь во второй половине XX в. российские ученые В. В. Виноградов, а затем и Н. М. Шанский выделили устойчивые сравнения (УС) в отдельную группу фразеологизмов. С течением времени данные единицы рассматривались в лингвострановедении, контрастивной и когнитивной лингвистиках, лингвокультурологии с целью выявления и описания национально маркированных УС в различных языках.

Фразеологический фонд принято считать наиболее самобытным явлением языка, так как он является средством трансляции культурной информации каждого этноса. По мнению И. В. Холманских, «эта специфика обусловлена прежде всего тем, что устойчивые сравнения возникают на основе образного представления о действительности, отображающего исторический и духовный опыт языкового коллектива, связанный с его культурными традициями» [1, с. 94]. Ряд исследователей национально-культурного своеобразия устойчивых сравнений – Е. М. Верещагин,

В. Г. Костомаров, Д. О. Добровольский, В. Г. Гак, Н. Н. Кириллова, В. Н. Телия – не находят единства в вопросе, каким единицам присуща национальная маркированность.

Так, например, В. Н. Телия утверждает, что «источником культурно-национальной интерпретации является и характерная для данной лингвокультурной общности система образов-эталонов, запечатленных в ходячих устойчивых сравнениях типа *глуп как баран, стройная как березка* и т.п.» [2, с. 241].

В то же время все ученые сходятся во мнении, что устойчивые сравнения несут не только знания об окружающем мире, но, что наиболее важно, – оценивание этого мира в образах-эталонах, основанных на бытовых условиях носителей того или иного языка, традициях и духовной культуре этносов.

Д. О. Добровольский полагает, что «априорное закрепление за фразеологией того или иного языка национально-специфических черт оказывается при внимательном рассмотрении отнюдь не бесспорным» [3, с. 251]. Иными словами, немногочисленные тождества во фразеологии обусловлены, в первую очередь, несовпадением техники номинации, проявляющемся в различных актуальных значениях единиц или создаваемых образах.

В данной статье мы рассматриваем адъективные устойчивые сравнения (АУС) ряда славянских, балтийских и германских языков, представляющие собой особый пласт фразеологических единиц, характеризующихся особой моделью построения. Как отмечает Н. Б. Мечковская, устойчивые сравнения являются синтаксической универсалией [4, с. 307]. Так, структура любого устойчивого сравнения соответствует формуле АС_mВ, где элемент А (субъект сравнения) – факультативный член, который может не выражаться, но всегда предполагается; элемент С (первый компонент, основание сравнения) обозначает признак сравнения, элемент В (второй компонент, образная основа) называет объект сравнения, то, с чем сравнивается; элементом *m* выступает сравнительный союз. Например, в АУС *холодный как лягушка* элемент А не имеет словесного выражения, но подразумевает человека; прилагательное *холодный* – основание сравнения; союз *как* – элемент *m*; существительное *лягушка* – элемент С, образная основа, эталон. Аналогичная структура присуща АУС других языков, в частности, бел. *дужы як зубр*, чешск. *malý jako svrček* ‘маленький как сверчок’, болг. *черен като вампирин* ‘черный как вампир’, хорв. *ljut kao ris* ‘злой как рысь’, лат. *stalts kā briedis* ‘статный как олень’, англ. *as fair as a lily* ‘прекрасный как лилия’, швед. *röd som en kalkon* ‘красный как индюк’ характеризуют человека с разных сторон (внешность, характер).

Помимо универсальной конструкции выделяют и другие признаки АУС, позволяющие отнести их к фразеологическим единицам: 1) сравнительная семантика, выраженная сравнительным союзом; 2) «застывшие» субъект и объект сравнения; 3) постоянный признак, легший в основу сравнения; 4) чувственно-наглядное отражение окружающего мира. Безусловно, АУС

обладают и другими не менее важными фразеологическими признаками – воспроизводимость, отдельнооформленность, устойчивость, образность и эмотивность.

Как уже упоминалось выше, устойчивое сравнение построено на основе логического, однако, служит выражением не понятия, а восприятия, то есть чувственного отражения действительности в сознании. Именно здесь и рождается образ, дифференцирующий устойчивые сравнения от логических.

Как известно, значение фразеологической единицы не вытекает из семантики каждого отдельного слова, входящего в его состав: свободное словосочетание объединено в целостную единицу благодаря переносно-образному значению. Тожественные адъективные устойчивые сравнения русск. *белый как снег* – бел. *белы што снег* – чешск. *bílý jako padlý sniž* – болг. *бял като сняг* – хорв. *bijel kao snijeg* – лат. *balts kā sniegs* – англ. *as white as snow* – швед. *vit som snö* вовсе не означают, что кожные покровы лица и/или тела имеют тот же цвет, что и снег, так как такое невозможно в силу физиологии. Человек может побелеть из-за стресса (от сопутствующего спазма сосудов), из-за возраста (с годами ухудшается кровоснабжение), из-за малоподвижного образа жизни (в силу замедления кровотока), а также из-за ряда заболеваний. Но в любом случае оттенок кожи не будет столь интенсивно белым, как снег.

Фразеологизация сравнения предполагает переход сравнительного значения в метафорическое на основании общего признака сопоставляемых предметов и явления уподобления субъекта объекту сравнения. В то же время следует разделять метафору и сравнение, опираясь на следующие характеристики: 1) в сравнении присутствует компаративная связка, свидетельствующая об акте сравнения; 2) метафоре свойственно отождествление, в то время как сравнению – уподобление; 3) метафора есть наименование какого-либо предмета именем группы предметов иного рода; сравнение, в свою очередь, есть лишь сближение предмета с группой предметов другого рода.

Таким образом, в устойчивых сравнениях компоненты используются в своем прямом значении, не подвергаясь переосмыслению, но и не теряют образности внутренней формы. Создание образа достигается значительным превышением степени признака элемента В нежели элемента С, вследствие чего признак элемента С возрастает до степени признака элемента В. Например, в АУС чешского языка *chlupatý jako opice* ‘волосатый как обезьяна’ слово *обезьяна* является выразителем признака заросшего, нестриженного человека. Но сколь бы неухоженными ни были люди, они не станут (в силу физиологии) своим волосатым покровом походить на приматов. Или, к примеру, в шведском АУС *smärt som en furu* ‘стройный как сосна’ существительное *сосна* ассоциируется с хорошо сложенным, фигуристым человеком, однако невозможно достичь пропорций дерева ни одному представителю человеческой расы. Очевидно, усиление признака субъективно, так как степень проявления признака первого элемента всегда неизменна.

Объективно существует некая аналогия характеристик сравниваемых предметов, но в то же время в сближении более слабого признака и более сильного кроется субъективное в проявлении чувственного восприятия признака. И чем больше амплитуда в ощущении последнего, тем экспрессивнее сравнение.

Благодаря сближению далеких, трудно сопоставляемых понятий активизируется психическая деятельность читателя или слушателя, создается эмоциональное напряжение, строится образ. Иными словами, чем дальше друг от друга в реальности сравниваемые объекты, тем ярче их экспрессия: русск. *вспыльчивый как спичка, неподвижный как камень*, бел. *дужы як зубр, сонны як мёртвы*, чешск. *čiperný jako veverka* ‘проворный как белка’, *starý jako Abrahám* ‘старый как Авраам’, болг. *гол като хурка* ‘беден как прялка’, *плешиив като електрическа крушка* ‘лысый как электрическая лампочка’, хорв. *dosadan kao uš* ‘надоедливый как вошь’, *jak kao hrast* ‘крепкий как дуб’, лат. *mens k̄a zivs* ‘немой как рыба’, *tievs k̄a diegs* ‘тонкий как нитка’, англ. *as swift as an arrow* ‘быстрый как стрела’, *as mad as a hornet* ‘бешеный как шершень’, швед. *dum som en höna* ‘глупый как курица’, *utstyrd som påfågel* ‘разодетый как павлин’. Таким образом, здесь раскрывается эвристическая функция сравнений, проявляющаяся в более глубоком и широком познании окружающего мира, восприятию его с, порой, неожиданных сторон.

Из приведенных выше примеров АУС различных языков становится ясно, что сначала складывается некая ситуация, описанная сравнением с буквальным значением. За ней закрепляется содержание, которое впоследствии переосмысливается, что и влечет создание образа устойчивого сравнения на базе прямого значения входящих в него слов. Как видно, семантика УС выводима из семантики первичного словосочетания. Это явление свойственно всем фразеологическим единицам и определяет их образность, экспрессивность, национальную самобытность. Исходные слова, используемые в устойчивых сравнениях, создают образ. По мнению В. И. Зимина, употребление конкретных наименований представителей фауны и флоры, предметов, природных явлений и так далее, вызывает у реципиента чувственно-наглядное представление, влекущее создание образности устойчивых сравнений [5].

Как и другие фразеологизмы, сравнения антропоцентричны, поскольку человек сначала примеряет свойства какого-либо предмета, а потом переносит их на субъект сравнения. В качестве примера рассмотрим АУС со вторым элементом *муха*, выявленные нами только в славянских языках. Эти насекомые зачастую наделены негативным значением, и их символизм связан с большим количеством, назойливостью и нечистотой. Нейтрально воспринимается небольшой размер мух как представителей класса насекомых в целом.

Эталонами назойливости мухи выступают в чешском и болгарском языках: *dotěrný jako moucha* ‘назойливый как муха’ и *нахален, досадан като муха* ‘нахальный, надоедливый как муха’ соответственно. Отдельно отметим,

что вариантом образной основы вышеупомянутого болгарского сравнения является *конска муха* ‘слепень’, отличающийся большей агрессивностью и вредоносностью.

Для белорусов муха стала эталоном злобы: *злосны як спасаўская муха, злосныя (куслівыя) як мухі ў спасаўку (перад спасам)*. Известно, что именно в августе активизируются некоторые виды мух, так как чувствуют приход холодов и скорую гибель. В связи с этим у них возрастает потребность в белке, который они получают из крови.

В русском языке муха стала олицетворением вялости: *вялый как (сонная) муха*; в чешском – слабости: *slabý jako moucha* ‘слабый как муха’, в болгарском – кротости: *тих като мушица* ‘тихий, кроткий как мушка’ и доброты: *добър като муха* ‘добрый как муха’. Вероятно, положительная оценка этих насекомых вызвана существованием более опасных и вредных сородичей, по сравнению с которыми мухи не кажутся столь негативными.

Шведское АУС *lätt som en fluga* ‘легкий как муха’ характеризует массу человека, а не его черты характера, в чем проявляется, на наш взгляд, нейтральный образ насекомого в скандинавской культуре.

Рассмотрим образы *кота* и/или *кошки*, нашедших отражение в АУС представленных языков. Традиционно этих домашних животных наделяют грацией и изяществом, свободой и своеволием, обманчивостью и хитростью, неуловимостью и живучестью, ленью и похотливостью, связью с темными силами и колдовством. В АУС нашли отражение почти все вышеперечисленные представления об этих представителях фауны. К примеру, говорят, у котов девять жизней, что легло в основу следующих единиц: русск. *живучий(ая) как кошка*, бел. *жывучы як кот/кошка*, хорв. *žilav kao mačka* ‘живучий как кот/кошка’. Ловкость домашнего зверька также запечатлена в АУС русского языка: *ловкий, гибкий как кошка*, чешск. *mrštný jako kočka* ‘ловкий как кошка’, хорв. *žustar kao mačka* ‘ловкий как кошка’, лат. *veikls kā kaķis* ‘ловкий как кошка’. Похотливость котов и кошек отмечена в русской фразеологической единице *блудливый как (мартовский) кот*; жадность – в белорусской и чешской *ласы як кот на каўбасы* и *mlsný jako kocour/kočka* ‘жадный как кот/кошка’ соответственно; лицемерие – в чешской *falešný jako kočka* ‘лживый как кошка’.

В следующих примерах отражены специфические образы кота и кошки, нашедшие отражение в разных лингвокультурах и не обладающие традиционным символизмом. Так, русские, говоря о женщине и сравнивая ее с кошкой, наделяют первую как положительным качеством, так и отрицательным: *ласковая как кошка (кошечка)* и *тощая, худая как (драная) кошка* соответственно. У чехов кошка стала эталоном усталости *utahaný jako kočka* ‘уставший как кошка’ (ср. русск. *уставший как собака*, хорв. *umoran kao pas* ‘уставший как собака’, лат. *piekūsis kā suns* ‘уставший как собака’, англ. *as tired as a dog* ‘уставший как собака’).

Особый взгляд на питомца у англичан, для которых кошка является эталоном нервозности *as nervous as a cat* ‘нервный как кот/кошка’, болезненности *as sick as a cat* ‘больной как кот/кошка’ и слабости *as weak as a cat* ‘слабый как кот/кошка’.

Помимо перечисленных черт характера или состояний, в которых пребывает человек, переданных с помощью образов кота или кошки, некоторые особенности внешности «списаны» с облика этих животных. Например, усы *редкие как у кота* или глаза *зеленые, желтые как у кошки*.

Таким образом, отнесение устойчивых сравнений к фразеологии обусловлено рядом причин, в частности, их образностью. Именно эта характеристика отличает логические сравнения от устойчивых, так как последние служат выражением восприятия, а не понятия.

Как показало проведенное исследование, выбор АУС того или иного образа происходит спонтанно, и чаще всего он понятен и даже очевиден, но порой требует пояснений носителям других языков и культур.

Использование компонентов устойчивых сравнений в своем прямом значении упрощает понимание фразеологических единиц других языков при дословном переводе, поскольку в таком случае прослеживается мотив их создания.

Эталоны рассмотренных АУС служат «мерилом» состояния человека, что отражает как общее, так и специфическое представление об окружающем мире носителями представленных лингвокультур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Холманских, И. В. Компаративные фразеологизмы с компонентом-зоонимом в языковой картине мира (на материале русского и болгарского языков) / И. В. Холманских // II славистические чтения памяти профессора П. А. Дмитриева и профессора Г. И. Сафронова : материалы междунар. науч. конф. / С.-Петербург. гос. ун-т. – СПб., 2001. – С. 94–95.
2. Телия, В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Шк. «Яз. рус. культуры», 1996. – 285 с.
3. Баранов, А. Н. Основы фразеологии : крат. курс : учеб. пособие / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – М. : Флинта : Наука, 2013. – 307 с.
4. Мечковская, Н. Б. Общее языкознание: структурная и социальная типология языков / Н. Б. Мечковская. – Минск : Амалфея, 2000. – 368 с.
5. Зимин, В. И. Основные роли образа в семантической структуре фразеологизма / В. И. Зимин // Современная фразеология: тенденции и инновации / Н. Ф. Алефиренко [и др.] ; отв. ред. А. П. Василенко. – М. [и др.], 2016. – С. 32–51.

Поступила в редакцию 24.10.2022

Романовская Алла Алексеевна
доктор филологических наук,
профессор кафедры славянских языков
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Alla Romanovskaya
Habilitation Doctor of Philology,
Professor of the Department
of Slavic Languages
Minsk, Belarus
Alla_Rom@tut.by

МИФОЛОГИЧЕСКАЯ ЕДИНИЦА ПРОИЗВЕДЕНИЯ, ТЕКСТА, ДИСКУРСА

MYTHOLOGICAL UNIT OF LITERARY TEXT, TEXT, DISCOURSE

Статья посвящена античному символу как функциональной единице произведения, Текста, дискурса. Античный символ понимается как особый языковой знак, план содержания которого имеет двойственную природу. Интертекстуальная функция символа проявляется в означивании ассоциируемого с древнегреческим мифом смысла, который вплетается в канву Текста (дискурса) как интертекст. Характеристиками символа как функциональной единицы текста (произведения), Текста, дискурса являются simultaneity, suggestiveness.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *античный символ; произведение; Текст; дискурс; интертекстуальная функция символа; simultaneity; suggestiveness.*

The article is devoted to the ancient symbol as a functional unit of a literary text, Text, discourse. The ancient symbol is understood as a special linguistic sign, the content plane of which has a dual nature. The intertextual function of the symbol is manifested in the signification of the meaning associated with the ancient Greek myth, which is woven into the canvas of the Text (discourse) as an intertext. The characteristics of a symbol as a functional unit of a text (literary text), Text, discourse are simultaneity and suggestiveness.

К e y w o r d s: *ancient symbol; literary text; Text; discourse; intertextual function of the symbol; simultaneity; suggestiveness.*

В метаязыке современной лингвистики заметное место занимают понятия *произведение* (текст), *дискурс*, *Текст*, при сопоставлении которых соотносятся ставшие традиционными понятия структурной лингвистики и понятия, сформировавшиеся в условиях постструктуральной парадигмы (когда языкознание определяется с новыми для себя теоретико-методологическими основаниями).

Под механизмом порождения высказываний и производства текстов понимается *дискурс* в лингвистике. Это сложное коммуникативное явление, которое объединяет текст и ряд внелингвистических факторов (установки, цели адресатов, их мнения, самооценки, оценки другого) [1, с. 253]. Проблема дискурса вызывает исключительно большой интерес уже тем, что она оказалась в средоточии вопросов, связанных с дискуссиями о судьбе таких фундаментальных для лингвистики идей, как, например, отношение *языка* и *речи* (по Ф. де Соссюру), *языка*, *нормы* и *индивидуальной речи* (по Э. Косериу). Но этим же объясняется и тот полемический заряд, который

несет в себе проблема дискурса: с одной стороны, дискурс является способом языкового погружения в жизнь. Такая позиция позволяет отождествить понятия *дискурс* и *речь*. С другой (и мы придерживаемся такой точки зрения) – подобное отождествление неприемлемо: речь выступает в качестве видового понятия относительно дискурса.

Язык представляет собой систему идеальных форм реализации, то есть технику и эталоны для соответствующей языковой деятельности. Речь есть совокупность норм, обязательных реализаций и исторически реализованных возможностей языка. Как отмечает В. В. Макаров, жесткая дихотомия *язык – речь* получила корректировку благодаря концепциям, в основе которых лежит идея промежуточной сферы между языком и речью – *нормы*, то есть динамического компонента языка в виде принятых в данном обществе и на данный период способов выражения [2, с. 34]. Таким образом, сфера, находящаяся между языком и речью, соотносится в определенном смысле с понятием *дискурс*.

Функциональной единицей *произведения, Текста, дискурса* проявляется античный символ как особый языковой знак, план содержания которого имеет двойственную природу. С одной стороны, символ отражает и конструирует миф (мифологическое содержание), а с другой – образ его иконы (иконическое содержание). В этой связи он обладает рядом лингвистических характеристик, актуализующих данное единство: метафоричностью, идущей от мифа, и образностью, идущей от иконы, диспонибельностью, или готовностью к употреблению, – от мифа и мотивированностью – от иконы, конденсационностью содержания, идущей от мифа, и языковой знаковостью – от иконы.

Символ как образный языковой знак непрямой номинации характеризуется симультанностью, то есть может одновременно использоваться по вертикали как функциональная единица текста (*произведения*), *Текста, дискурса*: глубинная структура (генотип) воплощается в горизонтальной структуре (фенотипе). Будучи зафиксированным в горизонтальной плоскости *произведения*, он может одновременно прочитываться по вертикали – разворачиваться в текст мифа. Присутствие символа в тексте разрушает линейный характер последнего, делает его структуру многослойной, выводит текст за рамки линейной структуры в социально-культурный контекст. Так, *Олимп*, с одной стороны, наиболее высокий горный массив в Греции, с другой – символ верховной (божественной) власти (ингерентные ассоциации); государственной власти, власти положения, власти победителя, власти профессионала (адгерентные ассоциации).

Произведение и текст (точнее, Текст в его обобщенной функции) представляются как разнокачественные реальности. Если произведение имеет линейную структуру, внутреннюю иерархию, начало и конец (по сути основной предмет исследования для так называемой лингвистики текста 20–25 лет тому назад), то Текст характеризуется объемностью, способностью к порождению новых значений и в этой связи – динамичностью. Текст,

по Р. Барту, представляет собой поле методологических операций. Это процесс работы, производства, в результате которого появляется произведение, и оно не может существовать без Текста. Произведение – это эффект Текста, шлейф воображаемого, тянущийся за Текстом; Текст не может неподвижно застыть (например, на книжной полке), он по природе своей должен сквозь что-то двигаться – сквозь произведение или сквозь ряд произведений [3]. Другими словами, текст характеризуется активностью, которая обеспечивается пространственной многомерностью означаемых, сплетающих ткань Текста.

Бартовский Текст – это масса культурных смыслов, впитанная произведением, голоса, которые доносятся до нас издалека, перспектива цитации, мираж, сотканный из структур; порождаемые им единицы – это не что иное, как текстовые выходы, отмеченные указателями, знаками того, что здесь допустимо отступление. Все это уже было совершено, пережито, и следствием этого является код. Основными свойствами кода, по Р. Барту, можно назвать следующие: код – это корпус правил, умственная привычка, а не природная данность; культурный код – это ассоциативные поля, сверхтекстовые организации значений, благодаря которым возможен процесс восприятия художественного объекта (определенной структуры). Это код человеческих знаний (общественных представлений, общественных мнений), то есть культуры, который вписывает каждое конкретное высказывание в пространство культуры, являясь трамплином интертекстуальности [4, с. 457–459].

Феноменальность Текста заключается в том, что он не имеет плоскостного структурирования средствами языка. Он характеризуется объемностью, которая создается новыми порожденными значениями. Если в соотношении *адресант – сообщение – адресат* адресантом является автор, адресатом – читатель, то сообщение – это произведение и Текст, который образуется посредством единения автора и читателя, Текста автора и Текста читателя, переплетением дискурса субъекта и дискурса получателя. Динамизм Текста (интертекста) исследуется посредством семанализа (дискурсом анализа Текста).

Для любого художественного произведения, пишет У. Эко, характерна множественность означаемых, которые сосуществуют в одном означающем, что позволяет воспринять произведение искусства как неоднозначное сообщение. Никакое произведение искусства не является закрытым, каждое в своей внешней завершенности содержит бесконечное множество возможных прочтений [5, с. 66]. Открытость, понимаемая как принципиальная неоднозначность художественного сообщения, характерна для любого произведения в любое время. Восприятие открытого произведения как модели означает, что в различных способах оперирования можно выявить некую единую оперативную тенденцию, тенденцию создавать произведения, которые, с точки зрения их потребителя, представляют некоторые структурные сходства. В силу своей абстрактности модель соотносима с различ-

ными произведениями. У. Эко говорит о произведении как о форме, как о целом, рождающемся из слияния различных уровней предшествующего опыта (идеи, эмоции, оперативные установки, материал, модули организации, темы, сюжеты, готовые стилемы и акты авторской фантазии). Форма – это завершенное произведение, конечная точка производства и исходная точка потребления, которая всякий раз вселяет новую жизнь в исходную форму. Эта структура представляет систему отношений на различных уровнях (семантическом, синтаксическом, физическом, эмотивном; уровне тем и уровне идеологических содержаний, уровне структурных отношений и структурированного ответа, даваемого реципиентом). Подлинной структурой произведения, по мнению У. Эко, является то, что объединяет его с другими произведениями; именно то, что является моделью. Структура открытого произведения – общая модель, описывающая группу произведений, поскольку они поставлены в определенное отношение с реципиентами [6, с. 13–14]. Таким образом, являясь абсолютно теоретической и существуя независимо от действительного наличия произведений, которые можно было бы определить как открытые, модель открытого произведения воспроизводит не предполагаемую объективную структуру произведения, а структуру отношения к нему потребителя.

Обращаясь к тексту мифа, следует подчеркнуть: миф представляет собой универсальный текст в том смысле, что он закрыт в силу его универсальности. Сравним две истории: историю о Пираме и Фисбе и историю о Ромео и Джульетте. В греческой мифологии *Пирам* и *Фисба* символизируют взаимную, но несчастную любовь, которая приводит к смерти. Сформированная в мифопоэтическую эпоху константа народного воображения возрождается в трагедии У. Шекспира. Это рассказ о том, что уже произошло, в котором персонажи стремятся быть такими же, как все, являясь (по У. Эко) всего лишь результатом универсализации индивидуального.

Миф закончен, его нельзя изменить нюансами пересказа, добавлениями, украшениями. По сути он остается историей, отражающей заложенную в ней идею. Античные мифы всегда были историей чего-то, что уже произошло и о чем публика уже знает. Каждая история, например, о мифологическом герое была одной из характерных черт его образа, а герой воспринимался как персонаж с определенной историей [7, с. 179–180]. Генотипический образ мифологического персонажа отражает его взаимоотношения с богами, природой, помощниками и противниками. Во взаимоотношениях проявляются функционально-качественные характеристики действующего лица, создается образ его имени.

В древнегреческих мифах о Тесее образ мифологического героя формировался событиями, участником которых он был. События развивались во времени, но развитие их завершилось, и Тесей стал символом геройства, силы, храбрости, дерзости, демократии. Произведение В. Пелевина «Шлем ужаса. Креатифф о Тесее и Минотавре» – современная интерпретация универсального мифа. Персонажи, находящиеся в компьютерном лабиринте,

по сути живые люди, способные вызвать различные чувства, потому что они живут и чувствуют, как и все остальные. События мифов, рассказывающих о Тесее, завершились, и в этом смысле миф представляет собой закрытое произведение, а любая новая обработка или деталь не в состоянии изменить существа мифа. Но миф на современный лад В. Пелевина – это эстетическая универсальность с типическими для нашего времени персонажами, открытое произведение, открытость которому обеспечивают Ариадна, Тесей, обращая текст в глубины культурной памяти, к генотипам. Таким образом, с одной стороны, персонажи должны подчиняться законам развития, задаваемым в современном произведении, то есть действовать так, как действуют все люди. С другой стороны, Ариадна, Тесей заключают в своем содержании мифологические признаки генотипического образа. Персонаж мифа (Тесей, Ариадна, Минотавр), воплощая в себе некий закон, некую универсальную потребность, обретает универсальность мифа, становится законом некой сверхъестественной реальности, то есть символом.

Античные символы в современном художественном тексте выполняют функции смыслопорождения, передают универсальный мифологический смысл, а также архаический смысл, преломленный сквозь лингвокультурологическую призму языкового сознания. Функционируя в современном художественном тексте, античный символ устанавливает с произведением межтекстовые отношения. Межтекстовые связи побуждают к парадигматическому (вертикальному) прочтению: по принципу метафоры возникают отношения текста с его названием; метатекстуальные отношения выявляются в случаях, когда в произведении дается ссылка на текст-донор. Ассоциируемые с античностью коннотативные окраски появляются под воздействием нового языкового окружения.

Античный символ как элемент кода культуры, выраженный языковым знаком, интертекстуален. Интертекстуальная функция символа проявляется в означивании ассоциируемого с древнегреческим мифом смысла, который вплетается в канву Текста (дискурса) как интертекст. Функционирующий в современном произведении символ приобретает вариативный окказиональный смысл на основе образного понятия, репрезентируемого в содержании символа. Мифологическое значение символа представляет собой систему смыслов, исторически обусловленных, узуальных, воспроизводящихся в нашем языковом сознании как готовые значения в содержании воспринимаемого текста.

Текст как интертекстуальное произведение оказывает влияние на читателя, настраивая устанавливать смыслы на основе отпечатков других текстов. Интертекстуальные явления вовлекают читателя в диалог, прочитываются, воспринимаются адресатом в соответствии с уровнем его подготовленности к ведению диалога. Многослойный и семиотически неоднородный текст вступает в сложные отношения с окружающим культурным контекстом.

Используемый в современном художественном тексте античный символ внушает, вызывает определенные представления у получателя (референта), иными словами, выполняет суггестивную функцию. Рассмотрим в плане суггестивности выражения, в которых присутствует символ. Именно наличие символа создает эффект внушения. *Представим Сталина, <...> допускающего существование так называемого Демиурга* (Ю. Алешковский). Античный *Демиург* символизирует культурное геройство, творчество, созидание, цивилизацию. И если в современном тексте повествователь использует данный античный символ, то можно (на основе суггестивной функции символа) предположить, что речь идет о Боге-создателе, и тогда становится понятным императив автора представить Сталина, но другого, допускающего существование Бога.

Наличие символа в высказывании задает эстетический стимул, но это не значит, что мифологический знак обязательно вызывает эмотивный эффект. Реферативная фраза, отмечает У. Эко, сказанная при определенных обстоятельствах, может приобретать эмотивное значение, также эмотивное выражение в некоторых ситуациях приобретает значение реферативное [5, с. 87].

Оставьте в покое свою Мнемозину, милостивый государь (С. Соколов). У одного данная фраза вызовет такие же ассоциации, как и фраза *Оставьте в покое свою Надежду, Анну* и т. д., у другого возникнет любопытство по отношению к женщине, которую зовут Мнемозина, у третьего Мнемозина вызовет ассоциации, связанные с античной мифологией, заставит извлечь из глубин культурной памяти генотип, выражающий имплицитный смысл, находящий свое воплощение в константе «память» (*Мнемозина* – символ памяти).

Важным является факт наличия в высказывании античного символа, делающего сообщение суггестивным на основе эмотивности, которая проявляется потому, что знак, используемый как двусмысленный, в то же время воспринимается как отсылка. Данная отсылка предполагает и культурно-мифологическое значение, с которым символ соотносится однозначно, и ряд коннотаций, возникающих на основании функционирования символа в контексте.

Рассмотрим контекст, содержащий перифразу, отсылающую к античному символу. *Я – неволя, недоля и дольняя незабудка. Я – любит-не-любит. Я – стерпится-слюбится, слюбится-воспарится. И воспарив над юдолью, начнешь препарировать бытие, вычленять из него парную, кровоточащую суть. Не корми ею птиц небесных: те сыты печенью Огнекрада. Но капля по капле, кусок за куском претворяй ее в прозу живую. Терпи и трудись* (С. Соколов). Огнекрад вызывает ассоциации, связанные с античной мифологией. Это Прометей. Мифологический Прометей – символ геройства, справедливости, силы, ловкости, храбрости, мудрости, хитрости, цивили-

зации. Фраза *Птицы сыты печенью Огнекрада* напоминает об орле, который ежедневно выклевывал печень прикованного Прометея. Орел – священная птица Зевса – направляет сознание к генотипу, воплощенному в константе «верх, верховная власть». Смысл, заключенный в контексте, выражает обращенный к писателю призыв – трудиться над познанием жизни и над ее отражением в живой прозе, необходимой людям. Таким образом, данное сообщение (контекст) на основе суггестивной функции символа открыто целому ряду коннотаций, которые выходят за рамки обозначаемого. Различная реферативность выражения заключается не в нем самом, а в его получателе. Добавим, что речь идет в нашем случае о сообщениях, взятых из художественных текстов, то есть заданных автором-писателем (одним человеком). Другими словами, от получателя-интерпретатора зависит, какими путями будет осуществляться продвижение к генотипу, если такое путешествие предполагается вообще. Если символ оживит воспоминания в сознании, то генотипические (имплицитные) смыслы дадут в дискурсе игру коннотаций, которые будут своими, особенными у каждого получателя, но не различными, имеющими пределы, называемые, по У. Эко, *полем суггестивности* [5, с. 81]. Параметры поля обусловлены языковой картиной мира, культурными и психологическими характеристиками адресата, особенностями среды его обитания.

Литературное произведение (текст) и Текст – разнокачественные реальности. Литературное произведение – это архитектурное целое, единство которого определяется единством его смысловой интенции, имеет линейную структуру, обусловленную языковыми средствами, внутреннюю иерархию, начало и конец, тогда как Текст не имеет плоскостного структурирования посредством языковых средств. Он характеризуется объемностью, которая создается новыми порожденными значениями. Межтекстовые связи свидетельствуют о нецелостности пишущегося текста, позволяет взглянуть на этот текст как на голограмму: в объемном представлении видятся его глубинные структуры.

Античный символ обнаруживается и в языке, и в тексте (речи), и в дискурсе, является функциональной единицей литературного произведения, Текста, дискурса. Характеристикой символа как функциональной единицы текста (произведения), Текста, дискурса является симультанность – зафиксированный в горизонтальной плоскости произведения, он может одновременно прочитываться по вертикали, разворачиваться в текст мифа.

Используемый в современном художественном тексте античный символ выполняет суггестивную функцию – внушает, вызывает определенные представления. Если символ оживит воспоминания в сознании, то генотипические (имплицитные) смыслы дадут в дискурсе игру коннотаций, которые будут своими, особенными у каждого получателя, но не различными, имеющими пределы, определяемые полем суггестивности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Неретина, С. С.* Концепт как возможность постижения смысла. Дискурс / С. С. Неретина, А. П. Огурцов // Теорет. культурология ; гл. ред. серии К. Э. Разлогов. – М. : Академ. проект ; Екатеринбург : Деловая книга ; РИК, 2005. – С. 252–255. – (Серия «Энциклопедия культурологии»).
2. *Макаров, В. В.* Понятие кода и этносемиотическая специфика общения / В. В. Макаров // Язык и культура. Проблемы соврем. этнолингвистики : материалы Междунар. науч. конф., Минск, 2–4 нояб. 2000 г. / МГЛУ ; науч. ред. И. И. Токарева. – Минск, 2001. – С. 34–41.
3. *Барт, Р.* От произведения к тексту / Р. Барт // Избр. работы. Семиотика. Поэтика / Р. Барт ; пер. с фр. ; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – М. : Прогресс, 1989. – С. 413–423.
4. *Барт, Р.* Текстовый анализ одной новеллы Эдгара По / Р. Барт // Избр. работы. Семиотика. Поэтика / Р. Барт ; пер. с фр. ; сост., общ. ред., вступ. ст. Г. К. Косикова. – М. : Прогресс, 1989. – С. 425–461.
5. *Эко, У.* Анализ поэтического языка / У. Эко // Открытое произведение : Форма и неопределенность в соврем. поэтике / У. Эко ; пер. с итал. А. П. Шурбелева. – СПб. : Академ. проект, 2004. – С. 66–100.
6. *Эко, У.* Открытое произведение : Форма и неопределенность в современной поэтике / У. Эко ; пер. с итал. А. П. Шурбелева. – СПб. : Академ. проект, 2004. – 384 с.
7. *Эко, У.* Роль читателя. Исследования по семиотике текста / У. Эко ; пер. с англ. и итал. С. Д. Серебряного. – СПб. : Симпозиум, 2005. – 502 с.

Поступила в редакцию 09.11.2022

Тарасевич Лариса Александровна
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры теории и практики
немецкого языка
Минский государственный
Лингвистический университет
Минск, Беларусь

Larysa Tarasevich
Habilitation Doctor of Philology
Professor of the Department of Theory
and Practice of the German Language
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
tarassew@mslu.by

ЛАТЕРАЛЬ «СПРАВА – СЛЕВА» В ОПИСАНИИ ПРОСТРАНСТВА
(на материале немецкого и русского языков)

THE LATERAL “RIGHT – LEFT” IN THE DESCRIPTION OF SPACE
(on the Material of the German and Russian Languages)

В статье представлены результаты однонаправленного сопоставительного исследования типов пространственных ситуаций, описываемых с помощью немецкой лексики *rechts* ‘справа’. Выявлена тенденция к структурированию пространства в немецком языке с ориентацией на полюса латерали «слева – справа», в то время как в русском языке употребляются нейтральные наименования латерали, либо имена парных частей тела. Раскрыта специфика в концептуализации пространства в сравниваемых языках в координатах латерали.

Ключевые слова: семантика; пространственная ситуация; языковое членение пространства; перевод; немецкий язык; русский язык.

The article presents the results of a unidirectional comparative study of spatial situations types that describe the use of a German lexeme *rechts* ‘right’. It is found out that German tends to structure space with an orientation to the poles of the lateral “left – right”, while Russian displays the tendency to use the neutral names of the lateral or the names of the paired body parts. The specifics of space conceptualization in lateral coordinates in the compared languages are revealed.

Key words: semantics; spatial situation; linguistic division of space; translation; German; Russian.

Одной из языковых универсалий является наличие в языках мира средств обозначения пространственных направлений «верх – низ», «спереди – сзади», «слева – справа». Выделяемые в соответствии с канонической ориентацией человека в пространстве, данные направления систематизируются в лингвистических исследованиях в димензиональную, т.е. трехмерную модель пространства. В геометрических терминах направление «верх – низ» квалифицируется как вертикаль, определяемая гравитацией, направление «спереди – сзади» – как горизонталь, задаваемая строением тела человека и расположением органов зрения, направление «слева – справа» – как вторая горизонталь, или латераль, выделяемая относительно первой горизонтали, именуемой также сагитталью. Отмечается, что полюсы латерали детерминированы функциональной нагрузкой рук человека.

Универсальность членения пространства по вертикали «верх – низ» и горизонтали «спереди – сзади» не вызывает сомнений. По-видимому, во всех языках мира есть средства для обозначения их полюсов [1, S. 130–131]. Что же касается латерали «слева – справа», то здесь дело обстоит иначе. Языковая ориентация в пространстве на основании функциональности человека подвергается сомнению [2; 3, S. 14–15], однако признается достаточно распространенной. По меньшей мере, средства для обозначения ее полюсов представлены в языках индоевропейской семьи (ср. рус. *слева/справа*, нем. *rechts/links*, англ. *left/right* и т.д.).

Наиболее интенсивно в лингвистике исследовались вопросы, связанные с кодированием и декодированием полюсов вертикали и сагитталей ([4, р. 377], [5, S. 70], [6, с. 44–50]). Одна из таких проблем – неоднозначность в определении денотативной соотнесенности языковых выражений, обозначающих полюсы «верх», «низ», «спереди», «сзади», обусловленная наличием нескольких возможностей для выбора исходной точки ориентации. Так, полюсы «верх» и «низ» могут определяться как силой земного притяжения (верх – небо, низ – земля), так и ингерентной ориентацией таких физических объектов, как человек, растения, здания и др., имеющих маркированные верх и низ (ср. *шрам над бровью, надпись сверху текста*). Вариативность наблюдается и при выборе исходной точкой отсчета при определении полюса «спереди»: ею могут служить маркированная фронтальная сторона физических объектов (*перед лицом, перед домом*), та сторона, которая ближе к наблюдателю (*перед деревом, перед дверью*), сторона, которая воспринимается первой при движении. Тыльная сторона (полюс «сзади»), соответственно, определяется как противоположная передней стороне.

Кодирование и декодирование полюсов латерали «слева – справа» с помощью языка сопряжено с еще большими трудностями. Известно, что усвоение детьми корректного использования единиц для различения этих полюсов происходит в результате специального обучения в более позднем возрасте [7, с. 326–328]. Сложности в употреблении и понимании лексем *слева, справа* сопряжены, в первую очередь, с отсутствием у человека, равно как и у других объектов физического мира, ингерентной маркировки именуемых ими полюсов. В истории известны случаи решения данной проблемы через создание такой маркировки (известная оппозиция *сено – солома*). В стрессовых ситуациях дифференциация полюсов «слева – справа» сильно замедляется вплоть до утраты способности к их различению, что неоднократно находило отражение в художественной литературе:

(1) *Noch heute halte ich mich an diese einprägsame Definition, wenn ich in einem Zustand momentaner Verwirrung nicht mehr weiß, wo **rechts** oder **links** ist.* [Р. Сүскинд. Die Geschichte von Herrn Sommer, 1991]. / *Еще и сегодня я придерживаюсь этой впечатляющей дефиниции, когда в состоянии минутного замешательства забываю, где **право**, а где **лево**.* [П. Зюскинд. Повесть о господине Зоммере (Э. В. Венгерова, 2001)].

(2) «Где лево, а где право?» – для кого-то этот вопрос остаётся нерешенным и во взрослом возрасте. И в этом нет ничего удивительного – психологам давно известно, что лево и право очень сложно поддаются запоминанию [https://econet.ru/articles/177407-gde-levo-a-gde-pravo-kak-kultura-formiruet-nashe-myshlenie].

Репрезентация в языке семантической оппозиции «правый – левый» неоднократно становилась объектом лингвистических исследований культурологической направленности. Изучались место этой оппозиции в ракурсе соотношения языка и мышления, в аспекте языковых картин мира разных лингвокультур, с точки зрения ценностных ориентаций, связываемых с функциональной асимметрией человеческого тела (прежде всего, различных коннотаций лексем, конституирующих соответствующие поля (см., например, [8]). Что же касается проблем языковой ориентации в пространстве в отношении полюсов «слева – справа», роли рассматриваемых направлений в структурировании пространства разными языками, до сих пор остаются на периферии изысканий в этой области.

Цель данной работы – выявить типы пространственных ситуаций, описываемых с помощью немецкой лексемы *rechts* ‘справа’, определить средства, используемые в русском языке для описания тех же пространственных ситуаций. Исследование выполнено на материале немецкого параллельного корпуса текстов Национального корпуса русского языка.

В данном корпусе лексема *rechts* ‘справа’ имеет 1687 вхождений, из них в 1643 случаях – в пространственном значении. Речь идет об оригинальных текстах на немецком языке, в которых употреблена данная лексема, а также о случаях, когда она использовалась в переводах русских литературных текстов на немецкий язык. Логично предположить, что текст оригинала предопределяет пространственную конфигурацию в тексте перевода, и если пространственная ситуация – физические объекты и пространственные отношения между ними – описывается с опорой на полюс «справа», в оригинальном контексте и его переводе на язык-цель должны присутствовать лексемы для обозначения данного полюса:

(3) *Ich verneigte mich nach allen Seiten, spendete Segen nach rechts und links und sah auf meine Uhr.* [E. M. Remarque. *Schatten im Paradies*, 1965–1970]. / (3a) Я раскланялся на все четыре стороны. И благословил антикварную рухлядь **справа** и слева от меня, а потом взглянул на часы. [Э. М. Ремарк. *Тени в раю* (Л. Б. Черная, В. Котелкин, 1971)].

Тем не менее, сравнительный анализ контекстов и их переводов позволил выявить целый ряд отличий, которые указывают на разные стратегии ориентации в отношении полюсов «справа – слева» в немецком и русском языках. Из всей совокупности вхождений лексемы *rechts* ‘справа’ нами проанализировано 1118¹ случаев ее употребления, из которых 701 – в оригинальных текстах, 417 – в переводах. Как минимум в 218 случаях, что

¹ Количество обусловлено техническими возможностями корпуса.

составляет почти 18 % от проанализированного материала, наблюдаются разного рода искажения в переводе описаний пространственных ситуаций. Эти искажения укладываются в несколько типов, что позволяет вывести определенные закономерности в описаниях пространства в координатах латерали в немецком языке. Разберем выявленные типы искажений.

Первый тип можно обозначить как незначительные искажения, среди которых выделяются две основные разновидности. Одну из них, на первый взгляд, можно объяснить небрежностью или невнимательностью переводчика: при переводе изменяется порядок следования полюсов/направлений «справа – слева» в описаниях конфигураций объектов. Приведем примеры:

(4) *Albert blickte links und rechts in die Gänge.* [H. Böll. Haus ohne Hüter, 1954]. / (4a) *Альберт заглянул в галереи справа и слева.* [Г. Бёлль. Дом без хозяина (Н. С. Португалов, С. Л. Фридлянд, 1987)].

(5) *Links und rechts wuchs Mischwald die Hänge hinauf, manchmal gab's einen Steinbruch, eine backsteingemauerte Fabrikhalle mit gefaltetem Dach...* [B. Schlink. Der Vorleser, 1995] / (5a) *Справа и слева и по склонам рос смешанный лес, открывавший иногда нашему взору каменоломню, выложенный из кирпича фабричный цех со складчатой крышей...* [Б. Шлинк. Чтец (А. Тарасов, 1999)].

В примерах (4) и (5) описывается последовательность направлений – слева, затем справа, в которых герой осматривает/воспринимает пространство. В переводах (4a) и (5a) данная последовательность приобретает обратный порядок: сначала справа, затем слева. Подобное изменение наблюдается не только при переводе с немецкого языка на русский, но и с русского языка на немецкий:

(6) – *A кто соседи справа и слева? – Справа – милейшая старушка, старейший преподаватель нашего музыкального училища....* [А. Маринина. Игра на чужом поле, 1997]. / » *Und die Nachbarn links und rechts? «» Rechts ist eine niedliche alte Frau, eine alte Lehrerin unserer Musikschule....* [А. Marinina. Auf fremdem Terrain (F. Eder und Th. Wiedling, 2001)].

Такое изменение порядка следования полюсов наблюдается достаточно регулярно (см. также примеры (7) и (7a)), всего подобные трансформации обнаружены в 46 контекстах из произведений разных авторов, переведенных разными переводчиками, что позволяет говорить о некоторых коммуникативных «привычках» в следовании полюсов: в немецком языке – сначала левый, потом правый, в русском – наоборот.

Вторая разновидность этого типа искажений наблюдается на уровне частеречной принадлежности лексем, употребляемых для обозначения полюсной ориентации объектов, конституирующих пространственные ситуации. При наличии в обоих языках как наречий, так и прилагательных для обозначения положения некоторого объекта относительно правого полюса латерали (*die Tasche rechts/карман справа – die rechte Tasche/правый карман*) в немецком языке обнаруживается тенденция к использованию наречий, в то время как в русском – прилагательных:

(7) *Links und rechts verschwanden die Schuhe in den Manteltaschen.* [G. Grass. Blechtrommel, 1959]. / (7a) *Туфли исчезли в правом и левом карманах пальто.* [Г. Грасс. Жестяной барабан. (С. Л. Фридлянд, 1997)].

(8) *Aber es ist noch da. Rechts ist das Auge starr, aus Glas.* [E. M. Remarque. Der Weg zurück, 1931]. / (8a) *Но он еще смотрит. Правый глаз неподвижный – стеклянный.* [Э. М. Ремарк. Возвращение (И. А. Горкина, 1988)].

Следует отметить, что хотя на употребление наречий в русском языке в подобных случаях нет грамматического запрета, наречный перевод в соответствии с немецким оригиналом кажется недопустимым: **Слева и справа в карманах пальто исчезли туфли. *Справа глаз неподвижный, из стекла.* Вероятно, причины таких различий в сравниваемых языках обусловлены отличиями в частеречном членении пространства, детальный анализ этих причин, однако, выходит за рамки данного исследования.

Перейдем к рассмотрению второго типа искажений. Речь идет о существенных преобразованиях исходного описания, когда в переводах на русский язык лексема *rechts* ‘справа’ опускается, а в переводах на немецкий – добавляется. Данный тип искажений также демонстрирует несколько разновидностей. Первая разновидность связана с возможностью нейтрального обозначения латерали в немецком и русском языках, не соотносящего ни с одним из ее полюсов: *die Seite/бок, сторона*. Результаты исследования свидетельствуют об устойчивой тенденции к маркировке полюсов в немецком языке и к использованию нейтральных обозначений латерали в русском языке (68 контекстов в выборке). В подобных случаях речь идет о языковом членении пространства на две противопоставленные части при описании расположения объектов (примеры (9) и (9a)), направления зрительного восприятия пространства (примеры (10), (10a)), пространственной локализации действия (примеры (11), (11a)):

(9) *Sie stellten sich rechts und links an den Stuhl, und kreuzten, glatt aufeinander eingearbeitet, ihre Fragen.* [A. Seghers. Das siebte Kreuz, 1942]. / (9a) *Они встали по обе стороны ее стула и начали перекрестный допрос, действуя с привычной согласованностью.* [А. Зегерс. Седьмой крест (В. О. Станевич, 1949)].

(10) *Ich blickte vorsichtig nach rechts und links, ob irgendwo eine leere Bank wäre.* [E. M. Remarque. Drei Kameraden, 1936]. / (10a) *Я осторожно поглядывал по сторонам в поисках свободной скамейки.* [Э. М. Ремарк. Три товарища (Ю. Архипов, 1989)].

(11) » *Leuchtet!* «*sagte er zu den Gehilfen die sich rechts und links eng an ihn drückten und die Laternen hoben.* [F. Kafka. Das Schloss, 1922]. / (11a) – *Посветите!* – *приказал он помощникам, которые уже и так облепили его с двух сторон, подняв каждый свой фонарь.* [Ф. Кафка. Замок (М. Л. Рудницкий, 2006)].

Для описания подобных пространственных ситуаций, организуемых в немецком языке с ориентацией на полюсы *rechts* ‘справа’ и *links* ‘слева’,

в русском языке используются такие конструкции, как *в одну сторону, потом в другую, со всех сторон, из стороны в сторону, с боков, по бокам, на обе стороны, в стороны* и др.

Вторая разновидность искажений данного типа тесно связана с представленной выше. Членение пространства на две части, противопоставленные по латерали, осуществляется в русском языке посредством употребления наименований парных частей тела (*руки, локти, щеки, плечи* и т.д.):

(12) *Sie küßte mich rasch **rechts und links**, wie es in diesem Lande üblich ist.* [A. Seghers. Transit, 1944]. / (12a) *Она быстро поцеловала меня в **обе щеки**, как принято и в этой стране.* [А. Зегерс. Транзит (Л. З. Лунгина, 1961)].

(13) *...schon hatte K. **rechts und links** einen der Männer und wurde, als gäbe es kein anderes Verständigungsmittel schweigend aber mit aller Kraft zur Tür gezogen.* [F. Kafka. Das Schloss, 1922]. / (13a) *... в ту же секунду оба мужика подхватили К. **под локти** и, будто все средства словесного убеждения окончательно исчерпаны, молча, зато уж изо всех сил потащили к дверям.* [Ф. Кафка. Замок (М. Л. Рудницкий, 2006)].

Третья разновидность рассматриваемого типа искажений возникает как следствие существенных различий в концептуализации пространства в сравниваемых языках: немецкий язык структурирует пространство вокруг локализуемого объекта в соответствии с полюсами латерали; в русском языке в тех же ситуациях пространство предстает как среда без четко обозначенной структуры, окружающая этот объект. Такое пространство-среда может актуализироваться через употребление глаголов, обозначающих разнонаправленные действия и зрительное восприятие (*растолкать, раздвинуть, усеять, оглядеть, оглянуться, озирать* и т.п., примеры (14а), (15а)), либо при помощи лексем с семантикой неопределенной пространственной ориентации (предлоги и местоимения типа *среди, вокруг, некуда* (пример (16а))):

(14) *Der Schlächter öffnet das Fenster und starrt **rechts und links** die Straße entlang.* [E. M. Remarque. Der schwarze Obelisk, (1956)]. / (14a) *Открыв окно, он мрачно **озирает** улицу.* [Э. М. Ремарк. Черный обелиск (Р. С. Эйвадис, 2015)].

(15) *Da drehte sich der Dieb blitzschnell um, stieß die Jungen **links und rechts** zur Seite, dass sie hinfielen...* [E. Kästner. Emil und die Detektive, 1929]. / (15a) *Тут вор вдруг с быстротой молнии сорвался с места, **растолкал** детей, да так энергично, что они повалились на пол...* [Э. Кестнер. Эмиль и сыщики (Л. Лунгина, 1971)].

(16) *» Nun, Effi«, sagte Hertha, während alle drei zwischen den **rechts und links** blühenden Studentenblumen auf und ab schritten... ».* [Th. Fontane. Effi Briest, 1894–1895]. / (16a) – *Ну, Эффи, – спросила Герта, когда они втроем прогуливались взад и вперед **среди** цветущих кустов акации...* [Т. Фонтане. Эффи Брист (Ю. Светланов, Г. Эгерман, 1960)].

Последний тип искажений (установлен в 24 случаях) можно связать с переводческим замыслом, когда в тексте оригинала и его переводе на язык-цель описываются различные по своим параметрам пространственные

ситуации. Например, в контекстах (17) и (18) в немецком языке лексема *rechts* ‘справа’ обозначает расположение объектов *Goldkrone*, *Putte* в координатах латерали *hinten rechts* ‘внизу справа’ и *rechts neben der Tür* ‘справа возле двери’. В переводах (17а) и (18а) их переводные эквиваленты *золотая коронка* и *ангелочек* локализируются *сзади внизу* и *в углу* соответственно.

(17) *509 sah auf den lauen Gaumen. «Hinten rechts – da ist eine Goldkrone.»* [Е. М. Remarque. *Der Funke Leben*, 1952] / (17а) *509-й посмотрел на посиневшее нёбо. – Сзади, внизу – золотая коронка.* [Э. М. Ремарк. *Искра жизни* (Р. С. Эйвадис, 1993)].

(18) *«Noch einen Schritt zurück, bis ich fast gegen eine nackte Putte stieß, die rechts neben der Tür auf einem Sockel stand.* [К. Gier. *Rubinrot*, 2009] / (18а) *Ещё шаг назад, и я чуть не натолкнулась на голого ангелочка, который стоял в углу на тумбе.* [К. Гир. *Рубиновая книга* (С. Вольштейн, 2012)].

Во всех подобных случаях речь идет об опущении при переводе на русский язык лексемы *rechts* ‘справа’. Данные, которыми мы располагаем в настоящее время, позволяют выдвинуть предположение о тенденции к структурированию определенных типов пространственных ситуаций с опорой на полюсы «слева», «справа», в то время как в русском языке введение соответствующих координат кажется избыточным (примеры (19), (19а)). Проверка этого предположения должна проводиться на материале более широкого круга контекстов, а также в психолингвистических экспериментах с носителями немецкого и русского языков..

(19) *... da zog dieser seinen blanken Hirschfänger und gab ihm links und rechts ein paar Hiebe, daß er, über und über blutend, mit Geheul zu dem Fuchs zurücklief.* [J. und W. Grimm. *Kinder- und Hausmärchen*, 1812–1858]. / (19а) *... тогда тот выхватил свой охотничий нож и нанес им два-три удара, так что волк, истекая кровью, с ревом бросился бежать к логовищу лисицы.* [Я. В. Гримм. *Детские и семейные сказки* (П. Н. Полевой, 1893)].

Таким образом, выявленные типы искажений, наблюдаемые при переводе контекстов с немецкой лексемой *rechts* ‘справа’, позволяют сделать вывод о специфике членения пространства по латерали «справа – слева» в немецком и русском языках. Прежде всего эта специфика проявляется в тенденции к структурированию пространства в немецком языке с ориентацией на соответствующие полюса, в то время как в русском языке употребляются нейтральные наименования латерали, либо имена парных частей тела (*бок, сторона, руки, щеки, глаза* и др.). Раскрыты различия в концептуализации пространства в сравниваемых языках: установлены типы пространственных ситуаций, которые в немецком языке вербализуются в координатах латерали, а в русском языке – с помощью лексических единиц с семантикой многовекторной пространственной направленности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ehrich, V.* Zur Linguistik und Psycholinguistik der sekundären Raumdeixis / V. Ehrich // Sprache und Raum ; Hrsg. H. Schweizer, K. Ehlich. – Stuttgart : Metzler, 1985. – S. 130–161.
2. *Svorous, S.* The Grammar of Space / S. Svorous. – Amsterdam : J. Benjamins Publ. Co, 1994. – 290 p.
3. *Hermann, Th.* Sprechen über Raum. Sprachliches Lokalisieren und seine kognitiven Grundlagen / Th. Hermann, K. Schweizer. – Bern [u.a.] : Huber, 1998. – 258 S.
4. *Miller, G.* Language and Perception / G. Miller, P. N. Johnson-Laird. – Cambridge : Harvard Univ. Press, – 1976. – 760 p.
5. *Grabowski, J.* Raumrelationen / J. Grabowski. – Opladen, Wiesbaden : Westdeutscher Verl., 1999. – 299 S.
6. *Тарасевич, Л. А.* Семантика и функционирование предлогов с пространственным значением (на материале немецкого и русского языков) / Л. А. Тарасевич. – Минск : МГЛУ, 2014. – 272 с.
7. *Еливанова, М. А.* Категория локативности и ее выражение в детской речи / А. М. Еливанова // Семантические категории в детской речи. Отв. ред. С. Н. Цейтлин. – СПб. : Нестор-История, 2007. – С. 317–338.
8. *Киселева И. В.* Правый и Левый в русской языковой картине мира : автореф. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / И. В. Киселева ; МГУ им. М. В. Ломоносова – М., 2012. – 24 с.

Поступила в редакцию 01.12.2022

РОМАНСКОЕ И ГЕРМАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.111 + 811.133.1'42

Дудина Анжелика Михайловна
кандидат филологических наук
заведующий кафедрой лексикологии
французского языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Angelika Doudina
PhD in Philology
Head of the Department of the French Language
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
a_doudina@mail.ru

Романова Екатерина Эдуардовна
выпускник
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Katsiaryna Ramanava
Graduate
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
kataromanych@gmail.com

**ПРАГМАСЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЭВФЕМИЗМОВ
ВО ФРАНКО- И АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ****PRAGMA-SEMANTIC ASPECT OF EUPHEMISM
IN FRENCH AND IN ENGLISH MEDIA DISCOURSE**

В результате исследования выявлены приоритетные тематические области, которые чаще всего подвергаются эвфемизации в современных медийных статьях и диктуют появление новых эвфемизмов, указаны наиболее употребительные способы эвфемизмов. Отмечается, что эвфемизмы напрямую связаны с общим уровнем культуры и жизнедеятельности социума в определенный период. Высказывается предположение, что активное использование эвфемизмов в медийном дискурсе способствует их популяризации, вносит изменения в активный словарь носителей языка и корректирует общественное мнение.

К л ю ч е в ы е с л о в а: эвфемизмы; медийный дискурс; политкорректность; манипуляция; табуирование.

As a result of the study, priority topics were identified that are most often euphemized in modern media articles and dictate the emergence of new euphemisms, and the most common ways of forming euphemisms are indicated. It is noted that euphemisms act as a kind of indicator of taboo topics and are directly related to the general level of culture and life of the society in a certain period. The authors suggest that the active use of euphemisms in media discourse contributes to their popularization, changes the active vocabulary of native speakers and corrects public opinion.

Key words: euphemisms; media discourse; political correctness; manipulation; tabooing.

Являясь важным средством языковой прагматики, эвфемизмы присутствуют в качестве универсалии во всех языках как широко используемый стилистический прием. В медийном дискурсе эвфемизмы анализируются как одно из эффективных средств манипуляции и влияния на общественное сознание и мнение по причине практически неограниченных возможностей их использования. Активно внедряясь в язык медиапространства, эвфемизмы выступают своеобразным индикатором табуируемых тем, что представляет интерес для социокультурного осмысления современного этапа развития цивилизации.

Под эвфемизмом принято понимать слово или фразу, которые используются для замены неприятного слова или выражения на относительно более приемлемое [1, с. 79]. В качестве основного признака эвфемизма обычно указывается обозначение нежелательного денотата: «денотат эвфемизма соотносится с предметом или явлением, характеризующимся негативной оценкой или негативной коннотацией» [2, с. 6]. Другим его существенным признаком предстает сглаживание негативной коннотации, т.е. формальное улучшение характера денотата по сравнению с исходной номинацией. Именно это свойство делает эвфемию «одной из распространенных разновидностей игры в слова, активно применяемой в том числе и в текстах СМИ» [3, с. 151].

Свойственное современному медиадискурсу широкое использование эвфемизмов продиктовано стремлением избежать коммуникативного дискомфорта путем изменения лингвистического способа констатации неприятного факта/явления, заведомо негативно оцениваемого социумом. Это обусловлено прежде всего тем, что коммуникация осуществляется в широком публичном пространстве и часто затрагивает потенциально конфликтные вопросы различных сфер жизни общества, что вынуждает автора статьи проявлять особую осторожность в выборе языковых средств. Сказанное особенно актуально для современных западных СМИ, публичное общение в которых напрямую связано с феноменом политкорректности. Кроме того, эвфемия представляет собой мощное средство речевой манипуляции, чрезвычайно востребованной, в частности, в современном политическом дискурсе, посредством которого осуществляется воздействие на общественное сознание и мнение¹.

В указанной связи интерес представляет изучение приоритетных тематических областей, которые чаще всего подвергаются эвфемизации в масс-медиа, и определение наиболее употребительных приемов образования эвфемизмов, что и составляет цель данной статьи. Практическим материалом для настоящего исследования послужили медийные тексты на английском

¹ Эта способность эвфемизмов к манипуляции связывается лингвистами с тем, что они скрывают истинную сущность явления за счет создания нейтральной или положительной коннотации, а реципиент зачастую не успевает вычлениить их из контекста и осмыслить (т.е. идентифицировать табуированный денотат) из-за обилия информации [4, с. 17].

и французском языках периодических печатных и интернет-изданий The Guardian, The Independent, The NY Times, Forbes, Cosmopolitan, Elle, Le Figaro, Le Monde.

Анализ эмпирического материала позволяет сделать вывод, что чаще всего эвфемизации подвергаются способы обозначения пожилого возраста с целью избежать указания на возможные физиологические и ментальные негативные характеристики, присущие ему. Так, в отрывке *L'histoire d'amour et la différence d'âge entre Emmanuel Macron et son épouse Brigitte fascinent les internautes chinois, dans un pays davantage habitué à voir des hommes d'âge mûr courtiser de jeunes personnes* 'История любви и разница в возрасте между Эммануэлем Макроном и его супругой Брижитт восхищает китайских интернет-пользователей, страны, больше привыкшей видеть, как *мужчины зрелого возраста* ухаживают за молоденькими девушками' (Le Figaro, 28.04.2017) эвфемизм основан на метафоре, где прилагательное *mûr* 'зрелый' заменяет прилагательное *vieux* 'старый', что позволяет не травмировать мужчин пожилого возраста. Аналогичный пример встречаем в англоязычных медиа: *Though my grandpa loves to read, he is rather advanced in years* 'Хотя мой дедушка любит читать, он уже (букв.) *довольно продвинутый в годах* человек' (Cosmopolitan, 25.08.2016), где используется перифрастическое выражение *rather advanced in years* вместо прилагательного *старый*, призванное завуалировать реальный весьма почтенный возраст человека.

Авторы медиастатей также стремятся избежать прямых номинаций, обозначающих бедность, материальные лишения. В примере *Many low-income families may not get the full child tax credit because they won't file a tax return* 'Многие *малоимущие семьи* могут не получить полный налоговый кредит на детей, потому что они не будут подавать налоговую декларацию' (Forbes, 08.03.2022) эвфемизм *low-income families* имеет в своей основе эпитет, при помощи которого высказывание лишь косвенно сообщает о материальных проблемах (прилагательное *low income* 'малоимущие' замещает *poor* 'бедные'). Очевидно, что он призван замаскировать наличие в процветающих западных странах людей, живущих за чертой бедности, едва сводящих концы с концами. Тем самым автор стремится не задеть чувства указанной социальной группы, не маргинализировать ее представителей. Можно также предположить, что в СМИ определенных стран нежелательно акцентировать вопрос бедности.

С нашей точки зрения, наиболее эффективно и, возможно, социально оправдано использование эвфемизмов для реализации принципа табуирования, т.е. избегания указания на негативные или пугающие явления действительности, связанные со смертью, с проблемами с физическим или ментальным здоровьем человека, с его неприглядным внешним видом. О подобном отношении к смерти свидетельствует, например, следующий отрывок: *And by visiting these poets' resting places, I feel particularly close to them...* 'И посещая (букв.) *места отдыха* этих поэтов, я чувствую себя особенно близким к ним' (The NY Times, 16.05.2018), – где эвфемизм *resting places* 'места отдыха'

представлен метафорой, которая замещает лексическую единицу *graves* ‘могилы’. Его использование позволяет автору избежать прямой номинации смерти, поскольку она вызывает у читателя лишь негативные эмоции, бессознательный страх, связывается с полной потерей всего.

Следующий пример: *Le nombre de déficients visuels pourrait avoir triplé en 2050. Dans ces régions du monde, 4 % à 5 % des plus de 50 ans sont non-voyants* ‘К 2050 году число людей с ослабленным зрением может утроиться. В этих регионах мира от 4 % до 5 % людей старше 50 лет являются незрячими’ (Le Monde, 02.08.2017), – демонстрирует стремление автора оставаться в рамках политкорректного дискурса при описании проблем, связанных с физическим недугом человека. Эвфемизмы *les personnes non-voyantes, les non-voyants, les déficients visuels* заменяют лексему с негативной коннотацией *les aveugles* ‘слепые’.

Подобное отношение к проблемам, связанным с физическим увяданием человека, со старением, наблюдаем в следующем отрывке: *Jour après jour, votre peau est plus ferme, elle est efficacement protégée contre les premiers signes de l'âge* ‘День за днем ваша кожа становится более упругой, она эффективно защищена от первых признаков возраста’ (Elle, 12.03.2007). Автор прибегает к образованному путем метафоризации эвфемизму *les premiers signes de l'âge* ‘первые признаки возраста’, который служит для деликатного освещения остро воспринимаемой многими женщинами темы старения.

Рассмотрим еще один пример: *Clyde Haberman of The New York Times... described a rotund Turkish political figure as kilogrammically endowed* ‘Клайд Габерман из «Нью-Йорк Таймс»... назвал тучного турецкого политического деятеля щедро одаренным килограммами’ (The NY Times, 16.01.2018). Эвфемизм *kilogrammically endowed* ‘щедро одаренный килограммами’ образован путем метонимии, когда денотат из табуированной сферы (в данном случае *a fat person* ‘толстый человек’) заменен на более благородный и безобидный, т.е. политкорректный, что позволяет избежать возможного конфликта или обиды.

Для статей, посвященных острым политическим темам, эвфемизация оказывается эффективным приемом реализации феномена политкорректности. Она представляет собой формальное средство, используемое для избегания конфликтов в поликультурном обществе путем установления специальных норм речевого этикета, табуирования ряда слов и выражений. Так, то и дело вспыхивающие в разных уголках планеты военные конфликты, вооруженные противостояния сторон именуется лексемами, имеющими нейтральную коннотацию, как, например: *Satellite images showing Russian forces engaged in military operations inside Ukraine with tanks and sophisticated weaponry have been released by Nato* ‘НАТО опубликовала спутниковые снимки, на которых видно, что российские войска (букв. силы), участвуют в военных операциях на территории Украины с использованием танков и современного вооружения’ (The Independent, 31.06.2022). Или еще: *Le président russe Vladimir Poutine a accusé mardi les États-Unis de faire traîner*

le conflit ukrainien ... 'Президент России Владимир Путин во вторник обвинил США в затягивании украинского конфликта ...' (Le Figaro, 16.08.2022). Налицо подмена понятий, ведь операция (в данном случае – военная) – это далеко не хирургическое вмешательство с целью спасения жизни пациента. Она не обходится без человеческих жертв, ухудшения условий жизни огромного числа жителей зоны конфликта, несет разрушения, боль и смерть. Представляется, что в примерах подобного рода вступает в силу так называемый «социальный план», реализуемый правительством и предусматривающий определенные меры по минимизации возможных «психосоциальных» рисков.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что наиболее значимыми тематическими областями для процесса эвфемизации являются следующие.

1. Отношения между национальными и социальными группами общества, различного вида дискриминации (по возрастному критерию, по социальному статусу, по гендерной и расовой принадлежности, по принадлежности к сексуальным меньшинствам и др.): *homme de couleur* 'цветной человек' вместо *nègre* 'негр'; *non-white* 'небелый' вместо *black* 'черный'; *Oriental people* 'люди/жители Востока' вместо 'арабы'; *demandeur d'emploi* 'ищущий работу' вместо *chômeur* 'безработный'; *economically inactive* 'экономически неактивный' вместо *unemployed* 'безработный'; *people from disadvantaged backgrounds* 'выходцы из неблагополучных семей' вместо 'выходцы из бедных семей'; *les hommes couleur de ciel* 'мужчины цвета неба' вместо *les homosexuels* 'гомосексуалисты'.

2. Личная жизнь, здоровье и внешность человека: *prendre un kilo* 'набрать килограмм' вместо *engraisser* 'потолстеть/поправиться'; *avoir quelques centimètres en trop* 'иметь несколько лишних сантиметров' вместо *être grosse/forte* 'быть толстой'; *being downwardly mobile* 'движущийся вниз по социальной лестнице' или *people of size* 'корпулетные люди' вместо *fat persons* 'тостые люди'; *l'IVG (l'interruption volontaire de grossesse* 'добровольное прерывание беременности') вместо *l'avortement* 'аборт'; отношение к смерти: *partir pour un autre monde* 'уйти в другой мир', *quitter la prison du corps* 'покинуть тюрьму тела' вместо *mourir* 'умереть'; *le grand voyage* 'великое путешествие' вместо *la mort* 'смерть'; *resting places* 'места отдыха' вместо *graves* 'могилы'.

3. Военная и экономическая деятельность государства и органов власти, политическая коммуникация: *une pacification* 'умиротворение' вместо *une opération militaire* 'военная операция'; *military operation* 'военная операция' вместо *the war* 'война'; *atomic device* 'атомное устройство' вместо *atomic bomb* 'атомная бомба'; *political unrest* 'политические волнения' вместо *riot* 'бунт', *revolt* 'мятеж'; *forces* 'силовики' вместо *armies* 'войска'; *la frappe chirurgicale* 'точечный удар', *la frappe ciblée* 'прицельный удар' вместо *un bombardement* 'бомбардировка'.

Как показало исследование, наиболее частотным приемом эвфемизации в медийных статьях являются метафора и метонимия. Французские авторы отдают предпочтение метафоре (в нашем материале выявлено 16 случаев использования метафоры и 9 метонимии из 35 примеров эвфемии на французском языке, что составляет 46 % и 26 % соответственно), в то время как в английских СМИ чаще используется метонимия (обнаружены 12 примеров использования метафоры и 17 метонимии из 40 на английском языке, что составляет 30 % и 43 % соответственно). Анализ показал, что сфера личной жизни человека, его здоровья и внешности чаще подвергаются эвфемизации во французских медийных статьях (например: *la fille facile* ‘девушка легкого поведения’, *l'intervention* ‘вмешательство’ вместо *l'avortement* ‘аборт’ и пр.). Эвфемизация же иных социально-политических сфер жизни общества в равной мере характерна для франко- и англоязычных СМИ.

Таким образом, сопоставительное исследование эвфемизмов во французском и английском медиадискурсах позволяет констатировать, что указанные лингвистические единицы играют важную роль и призваны воздействовать на сознание читателя, формировать общественное мнение и стереотипы речевого поведения. Уместно употребленные эвфемизмы способствуют ослаблению напряжения вокруг негативного явления, позволяют смягчить острые вопросы. Их использование в медиaprостранстве продиктовано такими прагматическими причинами, как вежливость, деликатность, благопристойность, а также табуирование, желание завуалировать отрицательную сторону явлений, эстетизировать ее, что в целом можно обозначить как стремление избежать конфликтов как в частной, так и в общественной жизни.

Представляется весьма перспективным более пристальное изучение эвфемизации политического медиадискурса, которая вызвана повышенной конфликтногенностью данной сферы. Тот факт, что политическая коммуникация осуществляется публично и часто затрагивает потенциально конфликтные вопросы жизни всего общества, заставляет говорящего проявлять особую осторожность в выборе языковых средств выражения, ведь «чем жестче социальный контроль речевой ситуации и самоконтроль говорящим собственной речи, тем более вероятно появление эвфемизмов» [5, с. 67].

Современный мир находится в кризисной ситуации, в которой, с одной стороны, любая некорректная номинация может иметь трагические последствия, с другой – излишняя эвфемизация может стереть истинный смысл того или иного политического явления, события. На наш взгляд, в политическом медиадискурсе эвфемизмы реализуют совсем иные прагматические установки: если в социальной, межличностной коммуникации объектами изучаемого номинационного феномена являются отдельные проблемы конкретных категорий людей, которые не связаны с решением масштабных политических вопросов, то при помощи политических эвфемизмов фактически происходит своего рода выхолащивание «взрывоопасной» семантики из слов, референтами которых выступают недопустимые, криминальные, наказуемые факты, поступки, явления.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гальперин, И. Р.* Очерки по стилистике английского языка / И. Р. Гальперин. – М. : Изд-во лит. на иностр. языках, 1958. – 462 с.
2. *Сеничкина, Е. П.* Эвфемизмы русского языка: спецкурс : учеб. пособие / Е. П. Сеничкина. – М. : Высш. шк., 2006. – 286 с.
3. *Васильев, А. Д.* Манипулятивная эвфемизация как атрибут дискурса СМИ / А. Д. Васильев // Вестн. Краснояр. гос. пед. ун-та им. В. П. Астафьева. – КрасГАУ, 2010. – № 1. – С. 150–160.
4. *Беляева, И. В.* Манипулятивное искажение: лингвистический смысл эвфемизмов / И. В. Беляева, Э. Г. Куликова // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Сер. Филология. Искусствоведение. – Челябинск, 2009. – № 22 (160). – Вып. 33. – С. 15–20.
5. *Крысин, Л. П.* Эвфемизмы в современной русской речи / Л. П. Крысин // Русский язык конца XX столетия. – М. : Языки рус. культуры, 1996. – С. 65–72.

Поступила в редакцию 05.10.2022

Колб Екатерина Сергеевна
аспирант кафедры общего языкознания
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Ekaterina Kolb
Postgraduate Student of the Department
of General Linguistics
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
ekaterina.kolb@mail.ru

АГЕНТИВНЫЙ КОМПОНЕНТ
В ЗНАЧЕНИЯХ ВЕЩЕСТВЕННЫХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ
В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

AGENTIVE COMPONENT IN THE MEANINGS
OF SUBSTANCE NOUNS IN MODERN ENGLISH

Статья направлена на раскрытие агентивного компонента в структуре значений вещественных имен существительных в современном английском языке. В результате компонентного анализа выявлены типы агентивных семантических признаков («источник», «способ», «место», «время» и др.) и описана их языковая реализация в значениях наименований веществ. Значения артефактов и натурфактов различаются между собой наличием в семантике натурфактов агентивного семантического признака «распространенность в природе».

К л ю ч е в ы е с л о в а: компонентный анализ; семантический компонент; вещественные имена существительные; семантический признак; агентивные семантические признаки.

The article is aimed at disclosing the agentive component in the meaning structure of substance nouns in modern English. As a result of the componential analysis, the types of agentive semantic features (“source”, “method”, “place”, “time” etc.) are identified and their linguistic implementation in the meanings of the substance names is described. The meanings of artifacts and natural facts differ from each other by the presence of the agentive semantic feature “prevalence in nature” in the semantics of natural facts.

Key words: componential analysis; semantic component; substance nouns; semantic feature; agentive semantic features.

Изучение семантики языковых единиц давно и прочно занимает одно из центральных мест в лингвистической науке. В силу того, что «человеческий язык в своей основной функции есть средство общения, средство кодирования и декодирования определенной информации» [1, с. 3], ученые всегда проявляют интерес к изучению значения единиц языка. В этом отношении, как отмечает А. Вежбицкая, «семантика представляет собой деятельность, которая заключается в разъяснении смысла человеческих высказываний» [2, с. 242]. На сегодняшний день неослабевающий интерес к вопросам семантики в целом и к семантическому анализу лексики в частности предопределяет научную значимость и актуальность данного рода исследований.

Анализ семантики лексических единиц в синтагматическом и парадигматическом аспектах являлся сферой интересов многих как российских и белорусских (А. Е. Бочкарев, А. Д. Кошелев, Е. Г. Беляевская, С. Ю. Богданова, М. В. Никитин, Н. Д. Арутюнова, С. А. Кузнецов, Л. М. Лещева, З. А. Харитончик и др.), так и европейских и американских ученых (Дж. Лайонз, В. Эванз, С. Ульман, Д. Геерартс, Д. А. Круз, У. Крофт и др.).

В качестве основного инструмента изучения лексической семантики выступает компонентный семантический анализ, направленный на исследование плана содержания языковых единиц путем разложения значения на более простые элементы для установления набора семантических признаков, характерных для единиц того или иного класса. Объектом нашего исследования выступили вещественные имена существительные современного английского языка. Объем анализируемых единиц составил 1 357 наименований веществ, отобранных методом сплошной выборки из словаря «Longman Dictionary of Contemporary English» [3].

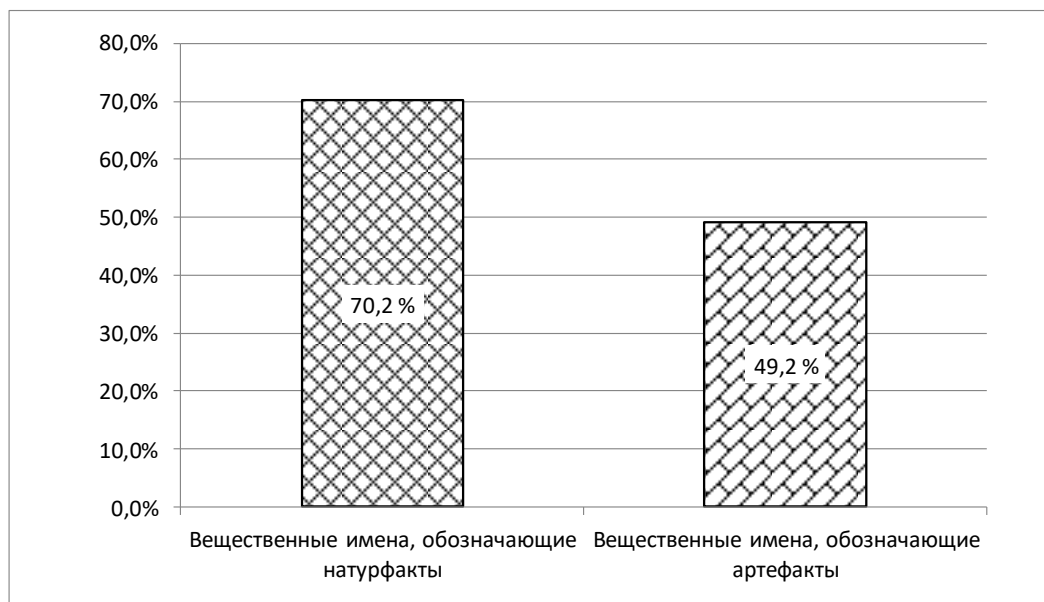
Как и значения других классов имен, лексические значения вещественных имен существительных представляют собой определенным образом организованное объединение семантических признаков. Каждое имя отражает некую информацию, которую можно структурировать с помощью квалиа-структур Дж. Пустейовского [4]. Согласно Пустейовскому, квалиа-структура, или смысловая структура состоит из четырех, связанных между собой, многоплановых ролей (аспектов): *агентивного*, отражающего информацию о происхождении объекта; *телеологического* (или в другой терминологии телеологического), выражающего цель и функцию объекта; *конститутивного*, указывающего на связь между объектом и его частями; *формального*, отличающего объект от других объектов по категориальному принципу [4, p. 85–86].

Поскольку данная работа является лишь частью актуального на сегодняшний день семантического исследования, направленного на моделирование структуры значений вещественных имен существительных в современном английском языке, нами был сделан первый шаг на пути к решению данной проблемы. С учетом опоры на квалиа-структуры Дж. Пустейовского, признаки категорий базового уровня Э. Рош [5] и типы знаний, представленные в значениях наименований веществ [6], нами был проведен анализ словарных дефиниций вещественных имен существительных в английском языке. С учетом специфики семантики выбранного класса слов установлены следующие виды семантических признаков: 1) *агентивные* семантические признаки, представляющие информацию о происхождении вещества; 2) *телеологические* семантические признаки, представляющие информацию о назначении, использовании и функционировании вещества; 3) *перцептивные* семантические признаки, сообщающие о восприятии веществ органами чувств; 4) *мереологические* семантические признаки, характеризующие вещество с точки зрения частей целого; 5) *физико-химические* семантические

признаки, отражающие свойства материи с помощью методов соответствующих наук; б) *аксиологические* семантические признаки, представляющие оценочную характеристику, которую человек дает веществу.

Целью данной работы является выявление типов агентивных семантических признаков, представляющих собой «определенный параметр или аспект значения слова» [7, с. 377], в семантике наименований веществ, а также определение их качественной и количественной представленности в значениях вещественных имен существительных в английском языке.

Вещественные имена существительные с агентивными признаками в их семантике можно условно разделить на наименования веществ, являющихся нерукотворными (натурфакты), например, *carbon dioxide – the gas produced when animals breathe out, when carbon is burned in air, or when animal or vegetable substances decay* ‘газ, образующийся при выдохе у животных, при сжигании углерода или при разложении веществ животного или растительного происхождения’, и наименования веществ, являющихся продуктами человеческой деятельности (артефакты), например, *castor oil – a thick oil made from the seeds of a plant and used in the past as a medicine to make the bowels empty* ‘густое масло, получаемое из семян растения и используемое в прошлом в качестве лекарства для опорожнения кишечника’. Количественное соотношение вещественных имен с агентивными семантическими признаками по принципу отнесенности вещества к натурфактам или артефактам показано на диаграмме (рисунок).

Представленность агентивных признаков в семантике вещественных имен, обозначающих натурфакты и артефакты

Агентивные семантические признаки являются одними из онтологически важных, в связи с чем, на наш взгляд, они присущи значениям большого числа вещественных имен существительных в английском языке

(более 56 %). Важность информации о происхождении вещества в значениях достаточно большого, но, тем не менее, не абсолютного количества вещественных существительных обусловлена, по нашему мнению, двумя основными факторами. Во-первых, сведения о происхождении веществ, относящихся к натурфактам, скорее всего, являются типом научной информации, а потому, несмотря на достаточно высокий уровень развития современной науки, научное сообщество не всегда в полном объеме владеет такого рода информацией. Во-вторых, относительно артефактов очевидно, что носителю языка знание о происхождении вещества / субстанции обычно не требуется, в большей степени обывателя интересует информация о его утилитарных качествах (особенно если это касается области специальных знаний, которые не задействованы в обыденном сознании). Это и объясняет, на наш взгляд, отсутствие агентивных семантических признаков в значительном количестве наименований веществ в английском языке.

Анализ языкового материала позволил установить, что в словарной дефиниции вещественных имен существительных агентивный семантический компонент репрезентируется конструкциями с предлогами *of*, *from* и *out of* (например, *coal 1* – a hard black mineral which is dug out of the ground and burnt to produce heat ‘твердое ископаемое черного цвета, которое добывают из земли и сжигают для получения теплоэнергии’), что и было описано в отечественных и зарубежных изданиях по грамматике [8, с. 45–46; 9, р. 255].

Как уже упоминалось выше, агентивные семантические признаки представляют информацию о происхождении вещества: его природном образовании (если речь идет о натурфактах) или получении человеком (если речь идет об артефактах). В результате дефиниционного анализа, по необходимости подкрепляемого трансформационным методом анализа языковых значений (см. ниже пример со словом *mortar 1*), нам удалось установить, что агентивные семантические признаки могут отражать разнообразную информацию о происхождении вещества: «источник», «способ», «место», «время», «субъект», «распространенность в природе». При этом каждый из указанных признаков, кроме признака «распространенность в природе», имеет две разновидности в зависимости от того, возникает ли субстанция в природе, т. е. независимо от человека (образование вещества), или же является артефактом, т. е. продуктом деятельности человека (получение вещества). Например, *coal – gas produced by burning coal, used especially for electricity and heating* ‘газ, получаемый при сжигании угля, используемый преимущественно для электроэнергии и теплоснабжения’ (способ получения); *crude = crude oil – oil that is in its natural condition, as it comes out of an oil well, before it is made more pure or separated into different products* ‘нефть в своем натуральном виде, как только она выходит из нефтяной скважины, перед тем, как становится более чистой или отделенной от других продуктов’ (место и время получения); *coral – a hard red, white, or pink substance formed from the bones of very small sea creatures, which is often used to make jewellery*

‘твердая красная, белая или розовая субстанция, образованная из костей очень маленьких морских существ, которая часто используется для изготовления украшений’ (источник образования) и т. д.

Весь спектр агентивных признаков, отраженных в лексических значениях наименований веществ в английском языке, представлен в следующей таблице.

Агентивные семантические признаки
в наименованиях веществ в английском языке

Агентивные семантические признаки	Вещественные имена, в семантике которых присутствуют данные признаки, %
<i>Источник</i>	28,9
источник получения (артефакт)	25,7
источник образования (природа)	3,2
<i>Способ</i>	24
способ получения (артефакт)	19,5
способ образования, причина образования (природа)	4,5
<i>Место</i>	21,2
место получения (артефакт)	3,7
место образования / нахождения (природа)	17,5
<i>Время</i>	4,2
время получения (артефакт)	1,8
время образования (природа)	2,4
<i>Субъект</i>	6
субъект получения (артефакт)	0,1
субъект образования (природа)	5,9
<i>Распространенность в природе</i>	0,8

Определение типа семантических компонентов иногда сопряжено с рядом трудностей. Так, признак «способ получения» часто неотделим от признака «источник получения». В качестве примеров рассмотрим значения слов *flour*, *mortar* и *Martini*: *flour* – a powder that is made by crushing wheat or other grain and that is used for making bread, cakes etc ‘порошок, который получают путем дробления пшеницы или другого зерна и используют для изготовления хлеба, тортов и т. д.’; *mortar* 1 – a mixture of cement or lime, and sand and water, used in building for holding bricks or stones together ‘смесь цемента или извести с песком и водой, используемая в строительстве для скрепления кирпичей или камней’ (где *mixture* – a liquid or other substance

made by mixing several substances together, especially in cooking ‘жидкость или другая субстанция, получаемая путем смешивания нескольких субстанций, особенно в кулинарии’); *Martini* – an alcoholic drink made by mixing gin or vodka with vermouth ‘алкогольный напиток, получаемый путем смешивания джина или водки с вермутом’). В толковании значений данных слов компоненты *made by crushing wheat or other grain* (‘который получают путем дробления пшеницы или другого зерна’), *made by mixing lime, sand, and water* (‘получаемый путем смешивания цемента или извести с песком и водой’) и *made by mixing gin or vodka with vermouth* (‘получаемый путем смешивания джина или водки с вермутом’) одновременно показывают, из чего и как получено вещество. В последнем случае можно отметить и указание на то, из чего состоит вещество (*gin or vodka with vermouth* (‘джин или водка с вермутом’)).

Кроме того, отрезки дефиниций, начинающиеся с *made with ...* – ‘(сделанный / приготовленный) с ...’ в определении значений наименований многих продуктов питания и блюд (*cock-a-leekie* – a type of Scottish soup made with chicken, vegetables, and leeks ‘разновидность шотландского супа, приготовленного с цыпленком, овощами и луком-пореем’), можно отнести и к признаку «источник получения» (из чего готовят), и к признаку «состав» (что входит в состав этого блюда или продукта). Это вполне объяснимо с точки зрения носителя языка, поскольку об одном и том же блюде мы можем сказать, что оно состоит, например, из мяса, овощей и приправ или что оно приготовлено из мяса, овощей и приправ (Рассмотрим надписи на упаковках продуктов питания: *Ingredients: sugar, cocoa mass, roasted whole almonds, ...* – ‘Ингредиенты: сахар, какао-масса, жареный цельный миндаль, ...’, где *ingredient* – one of the types of food you use to make a particular dish ‘одна из разновидностей продуктов, которую вы используете, чтобы приготовить определенное блюдо’).

Несмотря на семантическую близость описанных компонентов с компонентами, начинающимися с *made from ...*, *made of ...* – ‘сделанный / приготовленный из ...’ (*gazpacho* – a cold Spanish soup made from tomato, green pepper, cucumber, and onion ‘холодный испанский суп, приготовленный из помидора, зеленого перца, огурца и лука’), мы относим первые (*made with ...*) к признаку «состав», а вторые (*made from / of ...*) – к признаку «источник получения», опираясь на их формальное представление в дефинициях толковых словарей.

Важность агентивных семантических признаков в структуре значений наименований веществ проявляется в том, что в значении одного слова одновременно может быть представлено несколько разновидностей агентивных признаков, фиксирующих различную информацию о происхождении вещества: *allspice* – the dried fruit of a tropical American tree, crushed and used in cooking ‘сухой плод американского тропического дерева в растолченном виде, используемый в кулинарии’ (источник и способ получения); *fossil fuel* –

a fuel such as coal or oil that is produced by the very gradual decaying of animals or plants over millions of years ‘горючее типа угля или нефти, которое образуется путем постепенного разложения животных или растений в течение миллионов лет’ (способ, источник и время образования).

Как видно из количественных данных, представленных в таблице, наиболее частотными агентивными признаками являются «источник получения / образования» (*vanilla* – a substance used to give a special taste to ice cream, cakes etc, made from the beans of a tropical plant ‘вещество, используемое для придания особого вкуса мороженому, тортам и т. д., получаемое из стручков тропического растения’); «способ получения / образования» (*smut 2a* – dirt or soot (= black powder produced by burning) ‘грязь или сажа (= черная пыль, получаемая путем горения’) и «место получения / образования» (*natural gas* – gas used for heating and lighting, taken from under the earth or under the sea ‘газ, используемый для отопления и освещения, получаемый из недр земли или недр, скрытых под водой’).

В свою очередь менее представленными в значениях наименований веществ являются признаки «время получения / образования» (*buttermilk* – the liquid that remains after butter has been made ‘жидкость, которая остается после изготовления масла’); «субъект получения / образования» (*nectar 1* – the sweet liquid that bees collect from flowers ‘сладкая жидкость, которую пчелы собирают с цветов’) и «распространенность в природе» (*xenon* – a colourless gas that is found in very small quantities in the air. It is a chemical element: symbol Xe ‘бесцветный газ, который содержится в очень небольших количествах в воздухе’).

Кроме того, из таблицы видно, что одни виды агентивных признаков («источник получения», «способ получения»), выделенные на основании участия человека в получении веществ (артефакты), имеют большее распространение в значениях вещественных имен существительных; в то время как другие («место получения», «время получения», «субъект получения») обладают меньшей степенью представленности в семантике наименований веществ по сравнению с веществами, образованными в природе (натурфакты). Это позволяет заявить о неравномерном распределении и лидерстве одних видов агентивных признаков в семантике вещественных имен существительных по сравнению с другими в зависимости от природы происхождения вещества.

Таким образом, в зависимости от того, относится ли вещество к натурфактам или артефактам, в семантике его наименования представлены разные виды агентивных признаков, что указывает на разнообразие семантических проявлений агентивного компонента и его значимость в структуре значений наименований веществ в английском языке. Полученные данные свидетельствуют, что агентивный семантический компонент является важным компонентом значений вещественных имен существительных английского языка, представляющим совокупность знаний о происхождении веществ.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Апресян, Ю. Д.* Избранные труды. Лексическая семантика. Синонимические средства языка / Ю. Д. Апресян. – М. : Языки рус. культуры, 1995. – Т. 1. – 472 с.
2. *Вежбицкая, А.* Из книги «Семантические примитивы» / А. Вежбицкая // Семиотика. Антология. – М., 2001. – С. 242–244.
3. Longman Dictionary of Contemporary English 6th Ed. – London. : Pearson Education, 2014. – 2224 p.
4. *Pustejovsky, J.* The Generative Lexicon / J. Pustejovsky. – Cambridge : MIT Press, 1995. – 298 p.
5. *Rosch, E. H.* Principles of categorization / E. H. Rosch // Cognition and categorization, ed. by E. Rosch and B. B. Lloyd. – Hillsdale, NJ : Lawrence Erlbaum, 1978. – P. 27–48.
6. *Василюк, Т. В.* Типы знаний в семантике вещественного имени (на материале русского и английского языков) / Т. В. Василюк // Язык и дискурс в статике и динамике : тезисы докл. Междунар. науч. конф., Минск, 14–15 ноября 2008 г. / редкол. : З. А. Харитончик (отв. ред.), А. М. Горлатов [и др.]. – Минск : МГЛУ, 2008. – С. 147.
7. *Алефиренко, Н. Ф.* Современные проблемы науки о языке : учеб. пособие / Н. Ф. Алефиренко. – М. : Флинта : Наука, 2005. – 416 с.
8. *Кораблева, Л. С.* Предлоги и устойчивые выражения. Устные темы : справоч. пособие / Л. С. Кораблева. – Минск : Соврем. слово, 2003. – 128 с.
9. *Prodromou, L.* Grammar and Vocabulary for First Certificate / L. Prodromou. – Longman Ltd, 2000. – 320 p.

Поступила в редакцию 22.11.2022

Кузьменко Настасья Вячеславовна

кандидат филологических наук
доцент кафедры теории и практики
английской речи
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Nastassia Kuzmenko

PhD in Philology,
Associate Professor of the Department
of English Speech Practice
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
har_nastya@mail.ru

Новик Ангелина Владимировна

преподаватель-стажер кафедры
международной журналистики
Белорусский государственный университет
г. Минск, Беларусь

Angelina Novik

Graduate Associate of the Department
of International Journalism
Belarusian State University
Minsk, Belarus
angelina.novik2508@gmail.com

НОМИНАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ
ДЛЯ ОБОЗНАЧЕНИЯ АНТИСЕПТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ
В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

NAMING STRATEGIES FOR DESIGNATION
OF ANTISEPTICS IN MODERN ENGLISH

В статье рассматриваются способы именования антисептических средств для рук и бытовых дезинфекторов современного английского языка. Устанавливаются словообразовательные характеристики номинаций, параметры сигнификата, задействованные в процессе наименования, и семантическая связь между компонентами лексических знаков. В результате выявлены разные номинативные стратегии для данных групп лексики: информативные и эксплицитные словосочетания с легко декодируемым сообщением, с одной стороны, и сокращенные номинации с трудно восстанавливаемой композиционной семантикой – с другой.

Ключевые слова: *номинация; номинативная стратегия; словообразование; семантическая связь; словосочетание; мотивированность.*

The article deals with the means of naming hand cleansers and disinfectants in Modern English. Their word-forming characteristics, parameters of a significatum used in the process of nomination and semantic relations between the components of the lexical units are identified. As a result, different naming strategies for these lexical groups are revealed: informative and explicit word combinations with an easily decoded message on the one hand, and shortened names with hardly retraced compositional semantics, on the other hand.

Key words: *naming; naming strategy; derivation; semantic relation; word combination; motivation.*

Тема данной работы продиктована активным использованием в последние годы пандемии COVID всевозможных антисептических и обеззараживающих средств, разнообразие на рынке и возрастающее количество которых представляет интерес с точки зрения их номинации. Высокая конкуренция между компаниями-производителями антисептиков побуждает их изобретать

заманчивые и броские названия для своей продукции, подталкивающие купить ее. Закономерен вопрос: какие же номинативные стратегии применяет номинант для достижения своих задач?

Целью данной статьи является установление номинативных стратегий, которыми руководствуются англоязычные производители антибактериальных средств, путем выявления принципов их номинации.

Под *номинативной стратегией*, вслед за Л. И. Гришаевой, Е. Н. Катановой и др., мы понимаем возможность выбора одного из способов именования отдельных элементов внеязыковой действительности (предметов, субъектов, признаков, качеств, процессов, состояний, действий, ситуаций и т. д.), свойственных определенной лингвокультуре, которые считаются адекватными и максимально оптимальными с точки зрения адресанта для различных дискурсивных условий [1, с. 91]. Иными словами, в процессе номинации коммуникант уделяет внимание определенной «тактике», т. е. выбирает конкретный языковой материал так, чтобы отразить некий фрагмент значения номинативной единицы. В связи с этим в процессе наименования могут быть задействованы разные параметры десигната. В задачи настоящего исследования входит выяснить, какой именно языковой материал используется при номинации антисептических средств, в каком порядке он подается в наименованиях и каковы основные принципы данных номинаций.

Принцип номинации – исходное положение, правило, которое формируется на основе обобщения мотивировочных признаков говорящим коллективом и одновременно служит отправной базой для наименований [2, с. 168], где мотивировочный признак – «объективный признак самой реалии, лежащий в основе ее названия» [3, с. 107]. Выделяют следующие принципы номинации:

1) *по признакам объекта*:

- внешние признаки (цвет, форма, размер, особенности поверхности и др.);
- по внутренним качествам (интеллектуальные особенности, характер и т. д.);
- по функции (производимое действие, испытываемое действие, деятельность, цель и т. п.);

2) *по времени* (время появления, время создания, время использования и т. д.);

3) *по подобию другому предмету* (сходство внешних и внутренних признаков) [4, с. 16–17];

4) *по смежности с другим предметом*:

- локативный принцип (размещение рядом с другим предметом, положение внутри другого объекта и т. п.);
- партитивный принцип, т. е. по отношению части и целого (по наиболее значимой части, по отдельным предметам, составляющим целое и т. п.);

- конститутивный принцип (отношение содержащего и его содержимого, материала и изделия из него, состав и т. д.);
- каузативный принцип (причинно-следственная связь: действие и субъект / объект / результат / средство действия и др.) [5, с. 51–52].

Материалом исследования послужили 90 наименований антисептических средств, отобранных методом сплошной выборки из онлайн-версий газетных изданий Washington Post [6], Daily News [7], New York Times [8], The Guardian [9], а также списков эффективных средств для борьбы с пандемией, опубликованных агентствами по охране окружающей среды США и Министерством здравоохранения Канады [10; 11]. Из них 52 наименования антисептических средств для рук и 38 обозначений бытовых дезинфекторов.

В группе антисептиков для рук в 94 % случаев номинация происходит через словосочетание, остальные 6 % обозначений – сложносокращенные слова, состоящие из двух усеченных основ или одной полной и одной усеченной основы, которые полностью или частично совмещают значения входящих в них структурных элементов (*Sunytizer* – *sunny* ‘солнечный’ + *sanitizer* ‘антисептик’, *Suretouch* – *sure* ‘уверенный’ + *touch* ‘прикосновение’, *Manorapid* – *mano-* лат. *manus* ‘рука’ + *rapid* ‘быстрый, стремительный’). Иными словами, данные немногочисленные номинации представляют собой все те же словосочетания, только в трансформированном, свернутом, виде и рассматриваются нами вместе с подавляющим большинством лексем, которые, в свою очередь, являются атрибутивными словосочетаниями со структурой N + N, где наблюдается интеграция от 2 до 7 субстантивов в общем падеже. Главным словом во всех исследуемых в данной подгруппе лексемах выступает либо нарицательное существительное *Sanitizer* и его синонимы *Cleanser* / *Antiseptic* / *Hand Rub* (60 %), либо субстантив, обозначающий форму выпуска антисептика (в форме спрея, геля или пенки, салфеток для рук – 31 %): 100 % *Pure Hand Sanitizer*, *Aesop Resurrection Rinse-Free Hand Wash*, *Alcohol Aloe ChokChok Hand Gel*, *Bare Hand Sanitizer Spray*, *Caresour Alcohol Hand Sanitizer Wipes* и т. д. Данный выбор номинативных средств в качестве главного слова в словосочетании легко объясним: это наиболее понятная массовому покупателю форма подачи. Особый интерес здесь представляют остальные члены структуры N + N, находящиеся в препозиции к главному слову: в каком порядке они следуют и какие признаки в их семантике актуализируются в данных единицах, чтобы реализовать поставленную номинантом задачу – убедить покупателя купить продукт. Иными словами, нас будет интересовать, какие семантические признаки выступают релевантными для номинанта в процессе выбора слова при составлении многосложного словосочетания, обозначающего антисептик для рук. Релевантным признаком мы, вслед за А. Е. Кибриком, считаем такую заключенную в семантике слова информацию, «которую имеет в виду говорящий при развертывании высказывания и которую необходимо восстановить адресату для правильной интерпретации этого высказывания» [12, с. 36].

Основными методами исследования являются: метод контекстуального анализа (см. подробнее о методиках выявления профилируемых в контексте семантических компонентов слова у В. В. Тура [13] и Е. И. Будниковой [14]), где необходимым и достаточным контекстом в нашем случае считаем исходное словосочетание, а также метод компонентного анализа в его дефиниционной версии, метод ступенчатой трансформации.

Как показало наше исследование, почти в половине случаев (45 %) начальную позицию в словосочетаниях занимает имя собственное. Как правило им является наименование компании-производителя: *Clark' Botanicals Hand Sanitizer*, *Clorox Commercial Solutions Hand Sanitizer*, *Hygenipak Green Anti-Microbial Skin Cleanser*, *Pipette Hand Sanitizer*, *CHI Organic Gardens Hand Sanitizer* (где CHI – *Cationic Hydration Interlink*) и др. Были также выявлены немногочисленные случаи использования в словосочетаниях имен мифологических героев, богов либо топонимов. Так, например, топоним *Maapilim* в *Maapilim Hand Sanitizer* является древним обозначением Межземноморья (земли вокруг Средиземного моря). Сегодня это регион, где производится продукция на основе натуральных масел и экстрактов данной местности, известная своей пользой для кожи. В номинации *Pure Eir Sanitizing Spray* используется имя скандинавской богини исцеления Eir, которую призывали в ритуалах с использованием белого цветка, известного также как «Eirflower». Таким образом, в данных наименованиях актуализируются признаки «лечебный», «полезный для кожи».

Следующим релевантным признаком, актуализированным в 42 % номинаций, является «состав продукта». При этом картина, отражающая ингредиенты в составе антисептиков, весьма разнообразна и варьируется от наличия спирта в разном процентном соотношении (*Alcohol Aloe ChokChok Hand Gel*, *Neo-Medical 62 % Alcohol Hand Clean Sanitizing Gel*, *Suave Alcohol-Based Hand Sanitizer*), различных органических и неорганических добавок (*Antimicrobien 0.3 % Triclosan*, *Biossance Squalane Hand Sanitizer*), растительных вытяжек и ароматизаторов (*Lavender Organic Hand Sanitizer*, *Biossance Squalane Hand Sanitizer*, *Pacifica Aloe Hand Antiseptic* и др.) до полного их отсутствия (*Babyganics Alcohol-Free Foaming Hand Sanitizer*, *100 % Pure Hand Sanitizer*, *Clean Drops Mini Hand Sanitizer Gel Bulk* и т. д.).

Еще одним признаком, профилируемом в семантике исследуемых наименований, выступает признак «цель / результат» (27 %). Он отражает непосредственное предназначение антисептического средства, предвосхищая результат после его применения: отсутствие бактерий, чистая, увлажненная, мягкая, скрипящая кожа (*Germ-Zero Hand Sanitizer Gel*, *BioPledge Antimicrobial Power*, *Pearlessence Hand Sanitizer*, *Suave Alcohol-Based Hand Sanitizer*, *Power Mist Moisturizing Hand Sanitizer*, *Megababe Squeaky Clean Hand Sanitizer* и др.). Были также выявлены иные немногочисленные семантические признаки: «целевая аудитория» (*Humankind Hand Sanitizer*); «надежность» (*Honest Hand Sanitizer Spray*), «удовольствие / нега / отдых» (*Dear Sundays Hand Sanitizer*, *SpaRitual Hand Sanitizer Spray*); «текстура»

(*The Crème Shop Moisturizing Hand Sanitizer*). Применяя данные номинации, производитель, обращаясь к широкой аудитории, вызывает у покупателя приятные ассоциации, связанные с уходовыми салонными процедурами.

Таким образом, в исследуемых наименованиях антисептиков для рук были выявлены 5 основных номинативных принципа: конститутивный (состав продукта) – 42 %, внешние признаки денотата (форма выпуска) – 31 %, функция (производимое действие) – 27 %, подобие другому предмету (отсылка к spa-процедурам, отдыху и т. д.) – 13 % и локативный признак – 7 %. При этом порядок следования имен существительных в составе словосочетания следующий:

- 1) имя производителя и (или) место добычи сырья;
- 2) состав;
- 3) качественные характеристики (*deodorizer, moisturizing, etc.*);
- 4) предназначение (для рук);
- 5) антисептик и его форма.

С точки зрения номинативной стратегии данные лексические единицы представляют собой развернутые (от 2 до 7 членов в конструкции) информативные и эксплицитные словосочетания, восстановив реальное композиционное значение которых (см. подробнее у Р. Лиз, Л. Бауер, Дж. Ливай, Б. Уоррен, Е. О. Селкирк и др.), т. е. расшифровав их сообщение, получаем следующее: *предназначенное для детей / взрослых / всех дезинфицирующее средство для рук в форме геля / пенки / спрея / салфеток, содержащее в своем составе спирт / триклозан / сквалан и др. и биологические / органические добавки, эффективно убивающее бактерии и бережно ухаживающее за кожей рук*. Тем самым номинант, используя максимально простую и развернутую форму подачи информации, привлекает широкую аудиторию, где каждый найдет продукт по своему предпочтению, легко декодируя сообщение.

Обратная картина наблюдается в группе обозначений бытовых дезинфекторов (38 ЛЕ). Словосочетаний здесь выявлено только 25 % от общего количества, в то время как остальные наименования представляют собой сращения (40 %) и аббревиатуры (35 %).

Номинативные принципы, применяемые в случае со словосочетаниями, здесь такие же, как и с номинациями антисептиков для рук – многочленное наименование приблизительно с такой же структурой и мотивировочными признаками составляющих их субстантивов: *Accel PREvention Wipes, Bona STL Disinfecting Cleaner, Oxiclean Laundry and Home Sanitizer, Oxivir™ HC Disinfectant Cleaner, TruShot 2.0™ Multi-Surface, Restroom Cleaner & Disinfectant, Vigorox Liquid Sanitizer and Disinfectant*. Однако здесь в составе словосочетаний наблюдается гораздо большее число сложных имен существительных, аббревиатур, усечений и сращений, что, видимо, обусловлено стремлением сделать наименования короче.

Основную же массу обозначений бытовых антисептиков составляют сокращения, представленные сращениями и аббревиатурами. В их основе

лежит усечение исходного слова или словосочетания и использование полученного фрагмента для нового наименования, которое обладает такими качествами, как однословность и краткость, что способствует емкости и компактности номинации. При этом, однако, страдает мотивированность усеченной единицы, ее связь с формальными признаками исходных единиц. Если в случае со сращениями можно декодировать сообщение (*BioBuster* – укротитель всего живого; *Biotab 7* – таблетка, убивающая все живое; *SpectraKill* – убивает бактерии широкого спектра; *SteriClean* – убирает до стерильной чистоты и т. д.), то в случаях с аббревиатурами происходит частичная потеря мотивированности, и они воспринимаются носителем языка, не посвященным в тонкости химического производства дезинфицирующих средств, как непроизводные номинации (*CRB*, *HSP20*, *CSP-46*, *D.O.D.*, *DC-103*, *PJW-622*, *R-82f* и т. д.). Наиболее распространенными номинативными принципами среди сращений являются:

1) цель – отражает основную функцию дезинфицирующего средства (уничтожить бактерии);

2) конститутивный принцип – отражает состав средства (*Oxiclean* – cleans with the help of strong oxidizers ‘убирает с помощью сильных окислителей’ [15], *Disinfexol* – *-ol* is a word-forming element in chemistry, variously representing alcohol, phenol ‘-ол словообразовательный элемент в химии, обозначающий содержание алкоголя либо карболовой кислоты в составе’ [16]).

Также здесь были выявлены такие мотивировочные признаки, как «сфера применения» (*Barbicide* = for barbers), «надежность» (*True disinfectant*), «эффективность» (*SNiPER*), «форма выпуска» (*Biotab 7*).

При попытке установить мотивированность аббревиатурных знаков было установлено, что данные наименования бытовых дезинфекторов могут состоять из первых букв названий основных химических компонентов в составе, а цифры означают их концентрацию. Такие коды могут быть понятны лишь узким специалистам. В некоторых случаях была выявлена игра с усеченными элементами аббревиатур, отсылка к хорошо известным потребителю концептам. Например, номинация *Hsp20* декодируется как *Hygienic. Safe. Powerful* ‘Гигиенично. Безопасно. Эффективно’. Однако вместе с компонентом *20* все наименование напоминает химическую формулу воды *H2O*. Такая отсылка здесь неслучайна, поскольку данное дезинфицирующее средство разработано на водной основе. В случае с наименованием *D.O.D.* на этикетке представленного средства была обнаружена расшифровка *Disinfectant On Demand* ‘дезинфицирующее средство по первому требованию’, имплицитно указывающая высокое качество продукта и его эффективность.

Исходя из вышесказанного, мы можем сделать вывод, что данная группа наименований бытовых дезинфицирующих средств не ориентирована на массовую аудиторию, а предназначена для специалистов узкого профиля, что находит отражение в аббревиатурах и реализуется в иной номинативной

стратегии – кратко и четко дать самую важную информацию. Основные принципы номинации здесь весьма малочисленны – функция и состав продукции.

Таким образом, рассмотрены две группы наименований – антисептиков для рук и бытовых дезсредств, в результате чего были выявлены две противоположные номинативные стратегии. Антисептики для рук, которыми сегодня пользуется каждый и которые производятся большим количеством конкурирующих компаний, именуется знаками, являющими собой пример моделируемого словотворчества, в фокусе которого находятся мотивированные субстантивы. Это позволяет легко и быстро декодировать заложенное в знак сообщение. В свою очередь бытовые дезинфекторы, известные ограниченному кругу специалистов, репрезентируются краткими номинациями, которые, с одной стороны, вызывают трудности в распознавании значения исходных единиц у неспециалистов, а с другой, в силу краткости, являются весьма удобными при использовании в профессиональной речи. Разница между данными группами лексем заключается в соотношении эксплицитно и имплицитно выраженных компонентов значения: развернутое наименование способствует четкому пониманию деталей и характеристик обозначаемого, в то время как аббревиатура воспринимается как условный знак-заместитель полного наименования, в котором, тем не менее, мотивирующая единица сохраняется, но только в преобразованном виде – в структуре меньшей длины. Такая номинативная стратегия в группе обозначений дезинфицирующих средств, с одной стороны, обусловлена законом экономии усилий, а с другой, маркировкой принадлежности говорящего к определенному профессиональному коллективу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Языковые средства конструирования имиджа субъекта в политической коммуникации / Л. И. Гришаева [и др.]. – Воронеж : Издат. полиграф. центр ВГУ, 2009. – 319 с.
2. Блинова, О. И. Мотивология и ее аспекты / О. И. Блинова. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : КРАСАНД, 2010. – 304 с.
3. Голев, Н. Д. О соотношении семантического и мотивировочного признаков / Н. Д. Голев // *Вопр. языкозн. и сибир. диалектологии*. – Томск, 1977. – Вып. 7. – С. 106–113.
4. Ономастика Русского Севера : учеб. пособие к спецкурсу / Е. Н. Варникова [и др.] ; С. Н. Смольников (отв. ред.). – Вологда : Легия, 2012. – 72 с.
5. Харитончик, З. А. Лексикология английского языка : учеб. пособие / З. А. Харитончик. – М. : Высш. шк., 1992. – 229 с.
6. Washington Post [Electronic resource]. – Mode of access : <https://washingtonpost.com>. – Date of access : 25.02.2022.
7. Daily News [Electronic resource]. – Mode of access : <http://dailynews.com>. – Date of access : 26.02. 2022.

8. New York Times [Electronic resource]. – Mode of access : <https://nytimes.com>. – Date of access : 27.02.2022.
9. The Guardian [Electronic resource]. – Mode of access : <http://theguardian.com>. – Date of access : 28.02.2022.
10. The official website of the Government of Canada [Electronic resource] : List of hand sanitizers authorized by Health Canada. – Mode of access : <https://www.canada.ca>. – Date of access : 20.02.2022.
11. United States Environmental Protection Agency [Electronic resource] : List N for Disinfectants. – Mode of access : <https://www.epa.gov/coronavirus>. – Date of access : 20.02.2022.
12. *Кибрик, А. Е.* Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах / под ред. А. Е. Кибрика, А. С. Нариньяни. – М. : Наука. Гл. ред. физ.-мат. лит., 1987. – 280 с.
13. *Тур, В. В.* Актуализация латентных признаков в семантике компонентов сочетаний «существительное + существительное» в современном английском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / В. В. Тур. – Минск, 2015. – 147 л.
14. *Будникова, Е. И.* Значимость семантических компонентов в структуре лексического значения (на материале имен существительных современного английского языка) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е. И. Будникова. – Минск, 2016. – 175 л.
15. Oxford Dictionaries [Electronic Resource]. – Mode of access : <http://www.oxforddictionaries.com>. – Date of access : 20.09.2022.
16. Online Etymology Dictionary [Electronic Resource]. – Mode of access : <http://www.etymonline.com>. – Date of access : 20.09.2022.

Поступила в редакцию 10.10.2022

Марченко Ольга Владимировна
аспирант кафедры общего языкознания
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Volha Marchanka
Postgraduate Student of the Department
of General Linguistics
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
march_home@mail.ru

ПРИЧИНЫ ОТКАЗА ОТ РЕАЛИЗАЦИИ КОММУНИКАТИВНОГО ЗАМЫСЛА (на материале англоязычных диалогов)

REASONS FOR A REFUSAL TO REALIZE THE COMMUNICATIVE INTENTION (Based on English Dialogues)

В работе рассматриваются причины, по которым адресант принимает решение отказаться от реализации своего коммуникативного замысла. Устанавливается их корреляция с компонентами ситуации общения. Предлагается классификация причин, в рамках которой выделяются две группы, первая из них связана с участниками общения, вторая – с условиями общения.

Ключевые слова: *отказ от реализации коммуникативного замысла; коммуникативный замысел; причины; адресант; адресат; коммуникативная ситуация.*

The article considers the reasons lying at the core of the speaker's decision to refuse to realize the communicative intention. Their correlation with the components of the communication situation is established. The paper proposes a classification of reasons, which distinguishes two groups: the first one is closely linked to the participants of communication, the second one – to the conditions of communication.

Key words: *refusal to realize the communicative intention; communicative intention; reasons; speaker; hearer; communicative situation.*

Спонтанный и непредсказуемый характер разговорной речи обуславливает возникновение в процессе общения ситуаций, требующих от коммуникантов корректировки речевого поведения и его адаптации к изменяющимся условиям протекания разговора. В этих целях собеседники, проанализировав сложившуюся обстановку, могут в рамках текущего диалога делать выбор пользу отказа от реализации своего коммуникативного замысла (ОКЗ).

Цель данной работы – выявить причины, которые лежат в основе самостоятельного и добровольного решения коммуниканта об отказе, а также построить классификацию таких причин. В качестве материала исследования из Британского национального корпуса (British National Corpus) и Корпуса современного американского английского языка (Corpus of Contemporary American English) было отобрано 650 англоязычных контекстов, содержащих ОКЗ. В ходе исследования был применен метод контекстуального анализа.

Основой для выделения причин решения отказаться от реализации замысла выступает модель ситуации общения, предложенная В. И. Карасиком [1, с. 23], которая представляет собой несколько измененную модель П. Браун

и К. Фрейзера [2, р. 35]. Преимущество избранной модели заключается в том, что она дает развернутое представление о ситуации общения и достаточно дифференцированно отражает сложную структуру процесса общения. Прежде всего, в ней выделяются такие группы, как участники и условия общения. Участники рассматриваются с точки зрения их ролевых характеристик (социальные и коммуникативные отношения) и индивидуальных свойств (постоянные и переменные качества). Среди условий общения, в свою очередь, различаются внутренние условия, которые включают в себя цели (тип деятельности и тема) и средства общения, и внешние условия, к которым относятся время и место общения, а также наблюдатели [1, с. 24]. Данная модель отражена в следующей схеме [Там же, с. 23] (рисунок):

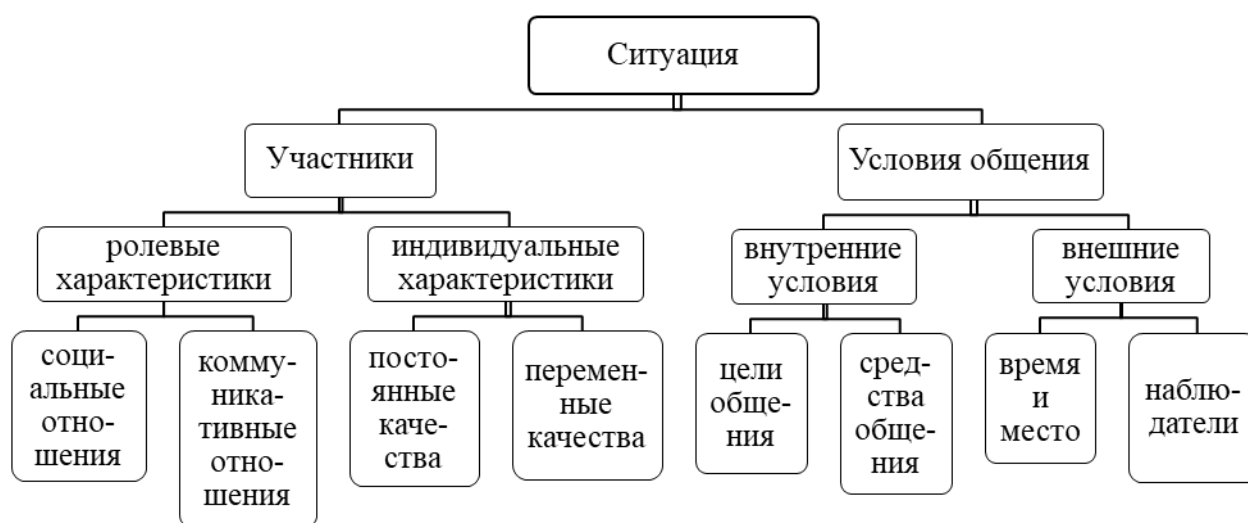

Схема модели ситуации общения

Соответственно, мы рассматриваем причины ОКЗ в корреляции с компонентами ситуации общения. Однако, поскольку для нас большое значение имеет то, какую именно роль выполняет участник диалогического общения, мы рассматриваем отдельно адресанта и адресата сообщения. Таким образом, нами выделяются две группы причин: первая связана с участниками общения (адресантом, адресатом и взаимоотношениями между коммуникантами); вторая – с условиями общения (внутренними и внешними). Необходимо отметить, что причины нередко в той или иной степени могут быть связаны с несколькими компонентами коммуникативной ситуации, поэтому в рамках данной классификации при отнесении причины к той или иной группе мы опираемся на доминирующий компонент.

Первая группа причин связана с **участниками** ситуации общения (их качествами, текущим состоянием) и отношениями между ними. В соответствии с этим в рамках данной группы мы выделяем три подгруппы: причины, связанные с: а) адресантом, б) адресатом и в) взаимоотношениями между собеседниками.

К причинам, связанным с **адресантом**, относятся следующие.

1. Наличие сильных эмоций, переживаний.

Находясь в состоянии эмоционального потрясения, испытывая сильные переживания, коммуникант может по-разному выстраивать свое коммуникативное поведение. На основании того, каким образом эмоции и чувства влияют на адресанта, мы различаем три разновидности ситуации:

а) коммуникант имеет определенный замысел, однако осознает, что его высказывание может прозвучать чересчур эмоционально, и поэтому делает выбор в пользу вербализации более рациональной информации:

Rosalba wanted to say to him, "I love you, I'll cook it. Just for you. I love you." She felt choking in her throat, and tears pop from her eyes onto her burning face. She said only, "Thank you" (M. Warner. *The Lost Father*; BNC);

б) коммуникант собирается озвучить рациональную информацию или уже начал говорить, но сильные эмоции мешают ему это сделать, он меняет решение и вербализует информацию эмотивного характера:

For a second Anne wanted to say yes. But then she remembered standing alone in front of the school children all afternoon, because of Gilbert. She would never forgive him for that! "No," she replied coldly, "I shall never be your friend, Gilbert Blythe!" (L. M. Montgomery. *Anne of Green Gables*; BNC);

в) коммуникант собирается вербализовать некую информацию или уже находится в процессе ее вербализации, но сильные переживания не позволяют ему реализовать замысел:

I felt tempted to tell him that I had begun to glimpse some of the mystery behind Selkirk's verses but my anger kept me silent (M. Clynes. *The White Rose Murder*; BNC).

2. Физическое состояние.

Адресант может принять решение не заканчивать реализацию замысла, почувствовав недомогание / ухудшение своего самочувствия:

"No," he whispered back. He wanted to say: "With a girl like you in the room?" but was too exhausted to make the effort (M. Kilby. *Man at the sharp end*; BNC).

3. Индивидуальные качества.

Некоторые черты характера, такие как робость, стеснительность, сдержанность и др., могут лежать в основе выбора коммуниканта в пользу отказа от реализации замысла:

I wanted to say, "The music used to all but obliterate the sounds of the dance band coming from the student union, and haunting images of girls with corsages dancing with their swains". But I couldn't say any of it. I was held back once again by my Indian reticence, as I thought of it, and my Rajput pride (V. Mehta. *The Widow's Son*; COCA).

Среди причин, связанных с **адресатом**, мы выделяем следующие.

1. Нежелание интенсифицировать эмоции собеседника.

Решение об отказе может быть также мотивировано заботой адресанта об эмоциональном состоянии адресанта. При этом целесообразно дифференцировать два варианта такой ситуации:

а) адресант отказывается от осуществления замысла, опасаясь, что таким образом он может спровоцировать у собеседника отрицательные эмоции или причинить ему эмоциональный дискомфорт:

I wanted to tell her no because I was waiting for a call. But Mom didn't get out much. She didn't have a lot of friends-none, really, that I knew. So I agreed to it, and we got into the work truck and drove to town (A. Garrett. *The Salesman*; COCA);

б) адресант видит, что адресат в момент диалога находится в негативном эмоциональном состоянии и, не желая нанести еще больший вред, принимает решение не реализовывать замысел:

I almost told him how the headmaster was squelching Gina's efforts to discover who drove Franci to suicide. But another look at his grieving face dissuaded me (C. J. Hart. *Scandal in Fair Haven*; COCA).

2. Незаинтересованность собеседника.

Адресант может отказываться от реализации замысла, если замечает, что его собеседник не проявляет интереса к обсуждению предлагаемой адресантом темы:

Storm opened the door. "Come in." She opened her mouth to explain her appearance, but stopped. Stephanie Barstow looked too preoccupied to care. (D. Turrell Atkinson. *The Green Room: A Storm*; COCA).

Как показывают вышеприведенные контексты, в подобных случаях соответствующее решение может приниматься с опорой на интерпретацию невербального поведения собеседника. Так, заметив в языке тела собеседника перемены, вызванные, например, изменением эмоционального фона, говорящий прерывает реализацию замысла.

Причины, связанные со **взаимоотношениями между собеседниками**, могут быть представлены следующим образом.

1. Позитивная самопрезентация.

Адресант может отказаться от решения осуществлять свой замысел, если осознает, что высказывание отрицательно повлияет на его положение в значимой для него социальной группе. В основе такого решения лежит страх потерять «лицо», которое мы понимаем в смысле концепции вежливости П. Браун – С. Левинсона, восходящей к идеям Ирвинга Гоффмана [3, р. 61], и которое означает «позитивную социальную ценность, которую человек с успехом стремится придать себе, приняв в определенном контакте <...> некоторую линию поведения», «образ себя, описываемый на языке одобряемых социальных характеристик» [4, с. 18]. В частности, такое решение может быть мотивировано нежеланием выглядеть трусливым, невежливым, язвительным, непрофессиональным, излишне любопытным и т. д.:

*It was on the tip of her tongue then to ask if he had managed to dispatch the papers to whoever they were destined for, but she **held back** the question before it got uttered. **The last thing she wanted him to think** was that she was prying into that which did not concern her* (J. Steele. West of Bohemia; BNC).

2. Нежелание нанести ущерб отношениям.

Как правило, в процессе общения участники диалога нацелены на поддержание гармоничного общения. При этом общение может происходить как в статусно-нейтральных, так и в статусно-маркированных ситуациях. Таким образом, решение об отказе может мотивироваться либо нежеланием обострять межличностные отношения, стремлением сохранить доброжелательный фон общения с собеседником, либо необходимостью соблюдения статусных ролей.

Первый вариант представлен в следующем диалогическом фрагменте:

“Too straight for me,” said Perdita. “I wonder if I ought to take up weight-lifting.”

*Daisy **nearly said** Perdita could start off by weight lifting some of her belongings upstairs, but desisted because **it was such heaven to be on speaking terms again*** (J. Cooper. Polo; BNC).

Что же касается статусных ролей, то здесь необходима дополнительная детализация, связанная со сложностью понятия социального статуса. Под социальным статусом понимается «положение человека в социальной системе, включающее права и обязанности и вытекающие отсюда взаимные ожидания поведения» [1, с. 5]. Следовательно, если в ситуации общения адресант осознает, что своим речевым поведением он может создать угрозу нарушения нормы статусно-маркированного взаимодействия, он принимает решение об отказе реализации замысла и делает выбор в пользу речевого поведения, соответствующего его статусной роли. Вместе с тем стоит подчеркнуть, что подобное решение может приниматься как лицом, находящимся в нижестоящем положении:

*I **wanted to tell** her again that I wasn't involved. And I'd like to point out that if I had been allowed to defend myself at the time, I would not have needed to undertake the actions for which I've incurred this Disciplinary Action Plan. But **because I am a model soldier** who shows excellent restraint in the face of patently unfair accusations, I said instead, “Yes, sir”* (A. Flower Horne. Seven Things Cadet Blanchard Learned from the Trade Summit Incident; COCA);

так и в вышестоящем:

*She **almost said** something about the Titanic, but thought better of it. Jason Howard **was her subordinate** and admitting to him that they were both in dead-end jobs was counter-productive* (G. Olsen. Seven Heart of Ice; COCA).

Вторая группа причин связана с **условиями** ситуации общения – внутренними (тема, тип деятельности, средства общения) и внешними (время, место, наблюдатели).

Среди причин, коррелирующих с **внутренними** условиями, мы выделяем следующие.

1. Избыточность информации.

В подобных ситуациях коммуникант принимает решение в тех случаях, когда видит, что собеседнику известно о содержании планируемого им высказывания, и понимает, что вербализация будет избыточной:

“Well, I can be patient.”

*I hope so, **I nearly said**, looking at her and thinking, You haven't been a bit patient so far; why can't you be patient enough to grow your last inch or two before you load all this on? <...> **But there was something in her gaze, a kind of pleading, that suggested she already understood everything** – the sorry way this looked, the inappropriateness of her claim, the risk of shame – about this thing she'd launched, and that it was beyond her, entirely beyond her, to correct the path of flight. **And I sensed what I would later know**: that Arley needed no help from me at experiencing guilt or regret (J. Turrell Mitchard. The Most Wanted; СОСА);*

или когда необходимость реализации замысла исчезает в силу того, что адресант сам догадывается об ответе (в случаях с вопросами):

“There!” she said, triumphantly, pointing halfway up the back wall. “There! That's where he went.”

Tolonen looked. Halfway up the wall there was a slightly darker square set into the blackness. He moved closer, then realised what it was. A ventilation shaft.

*“I don't see how...” he began, but even as he said it **he changed his mind and nodded**. Of course. The boy had been small enough, wiry enough. And after all, he had come from the Clay (D. Wingrove. The White Mountain; BNC).*

2. Неуместность информации.

В таких случаях коммуникант, проанализировав ситуацию, приходит к выводу, что данный момент разговора является неподходящим для реализации замысла:

*She **opened her mouth to ask her mother why he'd said that, and just as abruptly closed it again, realising that this wasn't the time or the place to discuss private family matters** (A. Grey. Hearts in Hiding; BNC);*

или осознает, что информацию, которую он собирался сообщить или уже начал вербализовать, раскрывать нельзя:

*“I got...” I was **going to tell her about the letter from Mike, but then recalled the admonition from Agent Rogers** (J. D. Kooistra. Nova Terra; СОСА).*

3. Появление альтернативного замысла.

Коммуникант может отказываться от осуществления первоначального замысла в случаях, когда он отвлекается на новую мысль и принимает решение отдать предпочтение реализации конкурирующего замысла:

“We were very lucky. Our first floor got flooded, but it never rose higher than that.”

“You were lucky,” she acknowledged.

He opened his mouth to say something, clearly changed his mind and said instead, "The lighthouse has gone you know" (E. Blair. Maggie Jordan; BNC).

К компонентам **внешних** условий общения, помимо вышеуказанных времени и места общения, а также наблюдателей, мы относим барьеры, обусловленные факторами среды, в частности «характеристики внешней физической среды, создающие дискомфортные условия передачи и восприятия информации» [5, с. 67]. Таким образом, в эту подгруппу входят две основные причины.

1. Наличие посторонних лиц.

Адресант может отказаться от осуществления замысла, когда среди участников коммуникативного процесса есть коммуниканты, в присутствии которых он не хочет обсуждать ту или иную тему:

She wanted to tell her that perhaps the plan – the dark colours, the new name – wasn't necessary any more, that there was an awareness between herself and Tom today that almost made her believe he did share her feelings, but with Tom himself in the room, and Bill as well, and Mrs Porter coming in now with Faye's mid-afternoon snack and a pot of tea for everyone, there was clearly no opportunity (L. Darcy. A Private Arrangement; BNC);

или когда такие лица входят в коммуникативное пространство уже начатого диалогического взаимодействия:

Billy looked annoyed and was about to say something when Knocker came back with their two pints of cider, looking more like tea cups in his massive fists (R. Pickernell. Yanto's Summer; BNC).

Кроме того, говорящий может прекратить диалог с текущим собеседником и вступить в диалог с вновь вступившим в коммуникацию собеседником:

He was going to say, "I made it for you," but then the girls came in. He heard their bus huff away, and he called to them, "Come and get it, ladies! Look at what I made for you!" (F. Busch. Joy of Cooking; COCA).

2. Наличие отвлекающих событий.

Адресант нередко отказывается от реализации замысла, когда в ситуации общения коммуниканты переключают свое внимание на возникшие события, не связанные напрямую с текущей темой коммуникации. В подобных случаях в диалоге на первый план выходит ситуатема – «предметная тема текста, отражающая реалии текущей ситуации» [6, с. 262]:

Just as I was about to say goodbye, I noticed a piece of rope lying on the tracks nearby. "Bert," I said, pointing to the rope, "look out for that snake!" (M. L. Goldsmith. Pure Devilment; COCA).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что при принятии решения об отказе от реализации коммуникативного замысла адресант принимает во внимание все компоненты ситуации общения, в рамках которой происходит диалогическое взаимодействие. При этом, по нашим наблюдениям, наиболее

значимыми являются причины, которые связаны с непосредственными участниками коммуникативной ситуации, поскольку они учитывают эмотивную, когнитивную и межличностную стороны общения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Карасик, В. И.* Язык социального статуса / В. И. Карасик. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2002. – 333 с.
2. *Brown, P.* Speech as a Marker of Situation / P. Brown, C. Fraser // *Social Markers in Speech.* – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1979. – P. 33–62.
3. *Brown, P.* Politeness : Some Universale in Language Usage / P. Brown, S. Levinson. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1987. – 345 p.
4. *Гофман, Э.* Ритуал взаимодействия : Очерки поведения лицом к лицу / Э. Гофман ; под ред. Н. Н. Богомоловой, Д. А. Леонтьева. – М. : Смысл, 2009. – 319 с.
5. *Сидорская, И. В.* Теория коммуникации : учеб.-метод. комплекс / И. В. Сидорская. – Минск : БГУ, 2008. – 160 с.
6. *Борисова, И. Н.* Русский разговорный диалог. Структура и динамика / И. Н. Борисова. – 3-е изд. – М. : Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 320 с.

Поступила в редакцию 22.11.2022

ИССЛЕДОВАНИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

УДК 811.161.1'367

Голубева Виктория Константиновна
кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры русского
языка филологического факультета
Белорусского государственного
университета
г. Минск, Беларусь

Victoria Golubeva
PhD in Philology
Senior Lecturer of the Department
of the Russian Language
Faculty of Philology of Belarusian State
University
Minsk, Belarus
v.k.golubeva9@gmail.com

ТИПОЛОГИЯ КОНСТРУКЦИЙ С ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМ/ИМЕНЕМ
КАЧЕСТВА С УЧЕТОМ ИХ ТРАНСФОРМАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛАTYPOLOGY OF CONSTRUCTIONS WITH AN ADJECTIVE/QUALITY
NOUN BASED ON THEIR TRANSFORMATIONAL POTENTIAL

В статье рассматриваются двунаправленные трансформации типа *надежная конструкция* ↔ *надежность конструкции* в сочетании с одним глаголом. Устанавливаются факторы, влияющие на возможность/невозможность преобразований и их специфику. Выделяются сочетания трансформируемые (в том числе синонимичные и с семантическим расхождением коррелятов) и нетрансформируемые.

Ключевые слова: *синтаксическая деривация; синтаксическая трансформация, прилагательное; отвлеченное существительное; предикат; deadъектив; синтаксическое смещение.*

The article deals with bidirectional transformations of the model *надёжная конструкция* ↔ *надёжность конструкции* in combination with one verb. The factors which influence the possibility/impossibility of transformations and their specifics are established. Transformable combinations (including synonymous ones and those with semantic divergence of correlates) and non-transformable ones are distinguished.

Key words: *syntactic derivation; syntactic transformation; adjective; abstract noun; predicate; deadjective; syntactic shift.*

Номинализации в целом – как глагольные, так и адъективные – в своем субстантивном классе занимают периферийное положение, поскольку яркость признаков имени существительного у них снижается под влиянием категориальной семантики мотивирующих их слов. Вместе с тем располагаясь в зоне частеречного синкретизма [1, с. 38], имена типа *возвращение, синева* обнаруживают, с одной стороны, семантическую отмеченность на фоне прототипических единиц своего класса (*сейф, поезд*)¹, а с другой

¹ Такие синкретичные единицы обозначают хотя и сущности (предметы в широком, или грамматическом, смысле), но более отвлечённые, ориентированные на процессуальный или непроцессуальный признак.

стороны – принципиальную функциональную переориентированность по сравнению с производящими глаголами и именами прилагательными (*возвращаться, синий*). Несоответствие той реалии, которая обозначается именами действия или качества, категориальной семантике существительного позволяет относить эти подклассы к средствам непрямого, косвенного, неизосемического обозначения явлений действительности [2; 3].

После того, как в 1936 году Ежи Курилович квалифицировал образование таких лексем как синтаксическую деривацию, обозначив ее сущность в помещении «формы с таким же лексическим содержанием» в иную по сравнению с исходным словом синтаксическую позицию [4, с. 61], к этой проблеме обращались многие российские и европейские учёные. Сделанные ими наблюдения доказательно свидетельствуют о том, что такого рода «субстантивация» представляет собой нечто большее, чем перевоплощение в новую форму для выражения «чужого содержания» [5, с. 55].

При этом характерно, что в русистике отглагольные имена значительно чаще становились предметом изучения лингвистов (Е. В. Падучева, Е. В. Урысон, Е. С. Кубрякова, А. В. Бондарко, Н. В. Сердобольская, Р. И. Розина, З. И. Резанова, А. Г. Пазельская, С. Г. Татевосов и др.), задававшихся вопросами, как русский глагол с его богатым набором грамматических категорий и разветвленной моделью управления трансформируется в *po men actionis* – знак уже совсем иной категориальной природы, каков механизм этого преобразования и характер редукции исходных морфологических и синтагматических свойств производящего слова¹.

Деадъективные же существительные интересовали исследователей в гораздо меньшей степени. Как отмечает М. Б. Ташлыкова, «осознав однажды синтаксическую направленность и семантическую близость (тождество) отвлеченных существительных с их производящими, дериватологи стали относиться к этому как к аксиоме и практически исключили имена качества из сферы актуальных исследовательских задач» [5, с. 35]. Действительно, «полярность грамматических категорий имени и глагола» обеспечивает «яркость морфологической трансформации» [6, с. 71] одной части речи в другую, и изучение этого процесса позволяет сделать ряд любопытнейших наблюдений об «ассимиляции» свойств двух классов слов, противопоставленных в языковой системе.

В то же время анализ функционального соотношения прилагательного и его синтаксического деривата – существительного, на наш взгляд, также заслуживает пристального рассмотрения. Во-первых, прилагательное и существительное, хотя и являются именами, формируют, в свою очередь, оппозицию по линии «предметность – непроцессуальная признаковость»,

¹ З. И. Резанова для репрезентации текстовых функций синтаксических дериватов выбирает как раз отглагольные существительные и деадъективные наречия, поскольку «производные этих разрядов <...> наиболее ярко проявляют функциональную направленность процессов синтаксической деривации» [6, с. 71].

а потому употребление каждого из них отмечено своими грамматическими и прагматическими рестрикциями и преференциями при выражении заданного содержания. Во-вторых, тонкие различия в семантике двух типов имен, связанных отношениями синтаксической деривации и противопоставленных между собой не столь контрастно, как имя и глагол, весьма показательны – для спецификации этих категорий, уточнения представлений об их центре и периферии, а также о зонах синкретизма в системе частей речи.

Специфика представления признака прилагательным и именем качества. Рассуждая над концептуальным различием субстантивов и адъективов в целом, А. М. Пешковский, О. Есперсен, А. А. Камынина, Ю. Б. Смирнов и др. отмечали, что существительное всегда представляет любую субстанцию в качестве носителя суммы признаков, в то время как прилагательное обозначает и выделяет одно качество [7, с. 822; 8, с. 34; 9, с. 77–78]. О. Есперсен, создавая «философию грамматики», в частности, писал: «Существительное для всякого, кто его понимает, включает много характерных черт; по ним слушатель узнает лицо или предмет, о котором идет речь» [7, с. 82]. Созвучная мысль, конкретизированная для русского языка, высказывалась А. М. Пешковским: «В слове *снег* выражена определенная сумма признаков, из которых ни один не назван» [8, с. 34].

Однако указанное противопоставление, позволяющее дифференцировать прилагательные vs. субстантивы ядерной зоны, очевидно, не столь релевантно, когда речь идет о выявлении семантической специфики деадъективных существительных vs. их производящих: во внутренней форме лексем типа *осторожность*, *крутизна*, *великолепие* заложено указание как раз таки на конкретный признак, а не на их комплекс.

Абстрагируясь от лексической разнородности класса существительных, М. И. Стеблин-Каменский определял субстантивную природу таким образом: «...Любое существительное, даже если оно обозначает не отдельную вещь или предмет внешнего мира (т. е. нечто обладающее известной самостоятельностью или отдельностью и в объективной действительности), а качество, действие, отношение или любое отвлеченное понятие (т. е. нечто в объективной действительности такой самостоятельностью не обладающее), – все же представляет это качество, действие, отношение и т. д. таким же самостоятельным или отдельным предметом мысли, каким оно всегда представляет отдельную вещь или предмет внешнего мира» [10, с. 23].

Приобретение деадъективными существительными новой (предметной) категориальной семантики в результате акта словообразования становится тем основанием, которое задаёт направления дальнейшего лексического и семантико-синтаксического обособления их как производных слов. Немало бывших номинаций качества, воплощенных теперь в субстантивной форме, обрастают собственными «денотативными подробностями» и семантически отдаляются от исходных прилагательных. Не случайно поэтому исследователи данной проблематики высказывали справедливую мысль о необходимости разграничения транспозиционной и номинативной функций таких

деадъективов. Ср.: *неприятный* – *неприятность запаха* и *со мной случилась неприятность*, *у меня неприятности*; *подлый* – *подлость поступка* и *известен своими подлостями*; *резкий* – *резкость тона* и *наговорить резкостей*; *частый* – *частота посадки картофеля* и *частота электрического тока*, *рабочие частоты радиоприёмника*¹. В данном исследовании нас интересуют в первую очередь номинализации, реализующие транспозиционную функцию, т.е. синтаксические дериваты в понимании Ежи Куриловича.

Кроме того, поскольку признаковая семантика прилагательного ориентирована на носителя признака, в качестве объекта исследования нами были выбраны конструкции типа «адъектив + существительное» и соотносительные с ними словосочетания: чаще всего используется модель «деадъектив + родительный падеж существительного», хотя в принципе компонент ‘носитель признака’ при номинализации способен выражаться и относительными прилагательными, местоимениями-прилагательными либо он не называется прямо, а выводится из контекста (*глебовская осторожность* = *осторожность Глебова*; *Марат несколько преувеличил собственную недееспособность* – Публ.).

Отметим, что трансформацию адъективной и деадъективной конструкций² в обоих направлениях (прилагательное → деадъектив и наоборот – в зависимости от исходной контекстуальной заданности) весьма интересно рассматривать в самых разных аспектах³. В центре внимания данной статьи находится способность адъективных и деадъективных сочетаний выступать эквивалентами в сочетании с одним глаголом. Цель нашей работы – установить возможности и ограничения взаимозамены соотносимых конструкций, их функциональные характеристики в указанных синтаксических условиях.

Для анализа были выбраны языковые единицы, представленные в текстах художественного, публицистического, научного и научно-технического, разговорного стилей. Материал извлекался нами из различных подкорпусов Национального корпуса русского языка [11], из научных статей,

¹ Характерно, что способность таких существительных употребляться в альтернативной форме множественного числа (например, *неприятность* и *неприятности* – правда, не без семантической нюансировки) либо в виде ЛСВ субстантива, ставшего *pluralia tantum* (*резкости* ‘резкое, грубое слово, выражение’), – еще один, наряду с семантическим, показатель утраты такими лексемами свойств синтаксического деривата, поскольку типичные отвлеченные имена – в силу специфики обозначаемых ими сущностей – не знают подобных числовых противопоставлений.

² Адъективной, а не субстантивной (по главному слову) мы для дифференциации называем конструкцию модели «прилагательное + существительное», поскольку субстантив представлен и в соотносительном словосочетании с генитивом.

³ В частности, лексико-фразеологические и семантико-синтаксические факторы, допускающие преобразование либо препятствующие ему; наличие / отсутствие стилистической маркированности одного из синтаксических коррелятов; прагматический эффект грамматической модификации компонентов высказывания и др.

книг и диссертаций (поиск электронных версий работ осуществлялся посредством системы Google Scholar и Google Books), а также интернет-версий средств массовой информации. В некоторых случаях контексты моделировались автором статьи.

С учетом трансформационного потенциала адъективных и деадъективных конструкций среди них нами были выделены следующие типы и подтипы: 1) нетрансформируемые; 2) трансформируемые, а в числе последних а) синонимические и б) с семантическим расхождением коррелятов.

К **факторам**, влияющим на **возможность/невозможность трансформации** и ее **специфику**, относятся:

1) наличие / отсутствие конструктивного (лексического) компонента, формирующего коррелятивное словосочетание;

2) семантика глагольного предиката, его способность присоединять актанты того или иного типа (предметного/предикатного) либо актанты обоих типов;

3) семантика имени, обозначающего носителя признака (номинатива – при адъективе и генитива – при имени качества): конкретность/отвлеченность обозначаемой им сущности, отнесенность имени качества и генитива к одному или к разным типам актантов;

4) способ выражения заданного смысла – стандартный, базовый или синтаксически смещенный;

5) стилистическая характеристика текста и наличие/отсутствие у его автора определенного эстетического задания.

Лексические факторы. Очевидным фактором, препятствующим синтаксическому преобразованию, является отсутствие в языковой системе конструктивного (лексического) компонента, способного сформировать коррелятивное словосочетание, вполне допустимое и осмысленное с точки зрения семантики предиката. Трансформация блокируется из-за лексических лакун именно в области деадъективов, поскольку при отсутствии их производящего не возникает отношений синтаксической деривации. Так, не образуются имена качества от прилагательных из следующих контекстов.

(1) *Однако он [молодой человек] в ответ на мою дружескую улыбку поморщился и отвернулся* (В. Катаев), ср. с другим, закрепившимся в языке субстантивом: *поморщился в ответ на приветливость улыбки* = ‘поморщился в ответ на то, что улыбка была дружеская/приветливая’.

(2) *Оба сознавали холостое вращение шестерёнки, той именно, которую он, Бенкендорф, считал едва ли не главной в ведомстве синих тюльпанов. Злодеяния наказуются, зло остаётся* (Ю. Давыдов) – предикат *сознавали*, обозначающий мыслительное действие, требует заполнения валентности пациенса номинацией ненаблюдаемой сущности. Поэтому в данном случае деадъектив выступил бы прототипическим средством выражения признака ‘холостой’: ‘сознавали не просто то, что шестеренка вращается,

а то, что она вращается вхолостую'. И все же, несмотря на заданность семантикой предиката приоритетного способа выражения актанта, преобразование в **холостость вращения* блокируется лексическим фактором.

(3) *Адвокат Самокаев особенно отметил деловую атмосферу слушаний* (Публ.) – в данном случае семантика предиката *отметил*, опять же, предполагает направленность действия на свойство объекта, который и оценивается по этому признаку: 'отметил атмосферу за ее качество – то, что атмосфера была деловая'. Но корректное с точки зрения семантики предиката словосочетание **деловость атмосферы* не формируется ввиду отсутствия в языковой системе деадъектива¹.

О том, что некоторые качественные прилагательные не способны образовывать отвлеченные имена, в литературе упоминалось неоднократно [5; 12; 13, с. 148]. Вместе с тем в зоне действия словообразовательных и лексических запретов на создание имен качества часто возникают переходные явления, балансирующие на грани узуального – неuzuального, нейтрального – стилистически маркированного, актуального – устаревшего и т. д. Так, в монографии М. Б. Ташлыковой приведен ряд лексем, от которых деадъективы «не образуются совсем»: *круглый, косой, плохой, пьяный, тощий* [5, с. 38], Г. И. Кустова упоминает об аналогичных ограничениях: **крупность, *симпатичность* [12]. Однако постепенный рост коммуникативной потребности в некоторых из таких имён позволяет им не только изменить статус с потенциальных на актуальные, но и закрепиться в ряде словарей². Например: *Круглота шара как-то уживалась с остроконечностью холма* (И. Грекова); *Да, в войне есть магнетическое притяжение, но он никогда не испытывал пьяности войной* (Публ.); *В результате теста было получено распределение по крупности частиц продукта* (Науч. лит.); *Ни о содержании, ни о симпатичности не было больше речи* (А. Куприн); *Не ссылайтесь на неясность отпечатка, плохость газетной бумаги и т. д.* (М. Цветаева); *Ташкент теперь вспоминаю как солнечный рай, как все относительно, как забывается все плохое, иначе от «плохости» можно умереть, возненавидеть мир* (Т. Окуневская).

Неустойчивый статус данных слов (например, *плохость* носит оттенок устаревающей лексемы; *крупность* в [14] сопровождается стилистической пометой *разг.*, в [15; 18] эта помета у слова отсутствует, а по данным [11], оно преобладает в профессиональной речи) показателен и в аспекте обсуждаемой нами проблематики: при возникновении отсутствовавшего слова, при введении его в соответствующий контекст, лексическое ограничение, которое препятствовало созданию коррелятивной конструкции, исчезает, и синтаксические синонимы могут появиться.

¹ Кроме того, имеющееся в языковой системе существительное *деловитость* в данном случае неуместно в силу того, что оно обозначает качество, прямо или опосредованно относящееся к лицу (*деловитость секретаря, деловитость осанки*).

² Так, в [16] зафиксированы лексемы *круглость, симпатичность, крупность, крупнота*; в [17] – *крупность* и *крупнота*; в [14; 18] – *крупность*.

Семантико-синтаксические факторы. Как указывалось, семантический тип предиката – еще одно важнейшее условие, предопределяющее трансформационные возможности конструкций. Ср. высказывания: *Восхищался длинными ногами* и *Восхищался длиной ног*; *Скромность незнакомки явно привлекала его* и *Скромная незнакомка явно привлекала его*, но *Пил свежесть утра* и **Пил свежее утро*. В противопоставленных адъективных и деадъективных сочетаниях семантико-синтаксический статус признакового компонента различается: деадъектив (*длина, скромность, свежесть*) выступает вершиной (главным словом) именной группы, а соответствующее прилагательное (*длинный, скромный, свежий*) – зависимым вершины, ее модификатором. При этом степень смысловой «универсальности» предиката предопределяет, может ли синтаксическим актантом при нём в конкретной позиции выступать и имя качества, и бывший генитив, который в соотносительной конструкции с прилагательным становится вершиной именной группы (*Восхищаться длиной ног* и *восхищаться длинными ногами*).

Так, семантика одних предикатов требует присоединения событийного (предикатного) актанта, выраженного, например, абстрактным именем (но не предметным). Если зависимый генитив представляет другой семантический класс слов, для которых закрыта данная актантная позиция, трансформация не осуществляется: *Признаться в неправдивости своих слов* – **признаться в своих неправдивых словах*; *настаивает на невиновности подзащитного* – **настаивает на невиновном подзащитном*; *принимает во внимание усталость собеседника* – **принимает во внимание усталого собеседника*; *преодолевают трагичность бытия* – **преодолевают трагичное бытие*; *проявляется в нерешительности властей* – **проявляется в нерешительных властях*; *обвинять руководителя в некомпетентности персонала* – **обвинять руководителя в некомпетентном персонале*.

(4) *Наше заключение ставит под вопрос надежность конструкции* (Науч. лит.) или *Мы рискуем напомнить нашему читателю, что он является соавтором прозаического произведения и, если у него есть потребность в реализме, он может спокойно <...> ставить под вопрос прямизну ног* (В. Аксёнов) – **ставит под вопрос надёжную конструкцию*, **ставит под вопрос прямые ноги*.

При изменении же лексического наполнения исходной, деадъективной конструкции (в частности, генитива) трансформация оказывается возможной: *настаивает на обязательности амнистии* → *настаивает на обязательной амнистии*; *принимает во внимание сложность обстоятельств* → *принимает во внимание сложные обстоятельства*; *преодолевают остроту разногласий* → *преодолевают острые разногласия*; *проявляется в нерешительности действий* → *проявляется в нерешительных действиях*; *обвинять руководителя в некомпетентности действий* → *обвинять руководителя в некомпетентных действиях*.

Обратное явление, когда не допускает грамматического преобразования уже адъективная конструкция, наблюдается в следующих случаях: *проводить томительные дни в одиночестве* – **проводить томительность дней в одиночестве* (валентность срока у предиката заполняется именами со значением промежутка времени, но не именем состояния); *вытолкнуть на перрон странный багаж* – **вытолкнуть на перрон странность багажа*, *поднять свой заметный флажок* – **поднять заметность своего флажка* (конкретные действия динамических глаголов *вытолкнуть*, *поднять* ориентированы на физический объект, а не на свойство); *направиться в дешевый магазин* – **направиться в дешевизну магазина* (семантический актант ‘локатор’ заполняется локативом, а не свойством); *уплетать свежий багет* – **уплетать свежесть багета*.

(5) *Бакуловирусы <...> имеют прочную белковую оболочку* (Науч. лит.) – в данном контексте валентность предиката *имеют* на посессив заполняется конкретным именем (*белковая*) *оболочка* ‘материальная часть субъекта обладания (бакуловирусы)’. Ср.: *имеют прочную белковую оболочку*, но не **имеют прочность белковой оболочки*, хотя предикат *иметь* способен оформлять высказывания с типовым значением ‘наличие признака у его носителя’: *Оболочка имеет прочность*, *Вода в заливе имеет чрезвычайную солёность* (о стилистической характеристике высказываний с такими предикатами см. [19]).

Наконец, кроме адъективных конструкций, которые не преобразуются в деадъективные, и деадъективных, не имеющих адъективных коррелятов, нужно сказать о трансформируемых сочетаниях:

(6) (а) *Хохотали над беспомощностью бродяги* ↔ (б) *Хохотали над беспомощным бродягой*.

Хотя конструкции такого типа можно отнести к синонимичным, каждая из них имеет свою специфику. Так, деадъектив, выражающий лишь один из признаков объекта – его состояние, служит своего рода семантико-синтаксическим посредником между глагольным действием и лицом, на которое это действие ориентировано, создавая таким образом аспектацию направленности глагольного действия на объект. Так, в (а) создается фокусировка на том, что действие вызвано именно состоянием каузатора¹ (‘хохотали именно над тем, что бродяга беспомощен’), а в (б) это не отрицается, но и не акцентируется, на первый план здесь выступает сам каузатор (‘хохотали над бродягой, который беспомощен’).

У многозначных глаголов разные ЛСВ проявляют свой трансформационный потенциал неодинаково.

(7) *Дыша белизной стен, сверкая обрамлёнными в пластиковые рамы стеклами, <...> кабинет Рубца скрипел, жужжал, свистел всевозможными чудесами техники* (Худ.) – предикат, реализованный вторичным ЛСВ глагола *дышать* ‘веять, обдавать’, способен присоединять только отвлеченные имена

¹ Каузатор – лицо, создающее ситуацию и определяющее поведение других участников [3, с. 210].

(дышать сыростью, стужей). В силу этого невозможно *Дыша белыми стенами – в таком случае вершиной именной группы выступает предметное имя, семантически несогласуемое с предикатом.

Первичное же значение глагола *дышать* ‘вбирать и выпускать легкими воздух’ обуславливает его иные валентностные свойства как предиката: преобразование, например, *Дыша чистым воздухом* → *Дыша чистотой воздуха* допустимо, однако, считаем, соотносимые конструкции все же не являются полными смысловыми эквивалентами. Под влиянием синтаксического актанта – абстрактного существительного – соответствие на линии «конкретное физиологическое состояние-процесс (*дышать*) – конкретный инструмент этого действия (*воздух*)» нарушается, усиливается образная составляющая высказывания¹.

Семантико-синтаксическое смещение. Логический акцент. Рассматривая лексические ограничения на трансформацию, мы приводили, например, контексты (2), (3) – *Сознавали холостое вращение, Отметил деловую атмосферу*, объясняя отсутствие коррелятивных деадъективных конструкций отсутствием соответствующих имен качества. Вместе с тем нужны особые пояснения таких употреблений:

(8) *Качество изображения, учитывая сложную схему ретрансляции, было вполне приличным* (Публ.);

(9) *Создание таких систем представляет собой сложный процесс, характеризующийся значительными капиталовложениями, длительным сроком реализации <...>* (Науч. лит.);

(10) *Дворец же, несмотря на свежую роспись, стал называться Старым – палаццо Веккьо* (Публ.).

В приведенных контекстах требуется семантический актанта предикатного, а не предметного типа: *учитывая сложную схему ретрансляции* – ‘учитывая не схему, а сложность схемы; учитывая, что схема сложная’; *характеризующийся значительными капиталовложениями, длительным сроком реализации* – ‘характеризующийся не капиталовложениями и сроком, а значительностью капиталовложений, длительностью срока; характеризующийся тем, что капиталовложения значительные, срок длительный’; *несмотря на свежую роспись* – ‘несмотря на свежесть росписи; несмотря на то, что роспись была свежей’. Здесь, в сущности, заданный смысл по стандартным правилам синтаксического оформления должен выражаться именно деадъективной, а не адъективной конструкцией.

Однако использование адъективных сочетаний в подобных случаях не выходит за пределы современной нормы, причем объясняется это синтаксическим смещением, в большей степени характерным для неофициальной речи (хотя встречается во всех стилях).

¹ В художественных текстах (именно в них чаще происходят такие трансформации) трактовка семантических изменений в структуре глагола может различаться (например, не просто ‘вбирать и выпускать легкими воздух’, но и ‘наслаждаться, испытывать особое удовольствие, находясь в этом состоянии’).

При этом, с одной стороны, употребление сочетаний типа *несмотря на свежую роспись* вместо *несмотря на свежесть росписи* приводит к синтаксическому упрощению конструкции. По словам Е. В. Падучевой, «подчинение имени глаголу и согласованного определения – имени дает самые элементарные структуры, присутствующие во всех языках, тогда как подчинение предикаций оформляется по-разному и может вызывать значительные сложности» [13, с. 148]. С другой стороны, в результате такого преобразования исходной конструкции адъективное сочетание менее эксплицитно выражает отношения между формой и значением.

Меньшая эксплицитность адъективных конструкций обусловлена тем, что выдвижение признака на первый план в ряде случаев требует логического акцента, в то время как грамматическое оформление этого признака в виде деадъектива, который выступает вершиной именной группы, уже само по себе актуализирует этот признак. См. замечания выше об аспектации, создаваемой деадъективом, относительно (б), а также:

(11) *Всё это нам сообщили местные жители, торговцы и чиновники, которые удивлялись безрассудному приказу отправлять нас в этукую стужу* <...> (Публ.) – без логического акцента на прилагательном передается смысл ‘удивились приказу’, с логическим акцентом – ‘удивились не столько самому приказу, сколько его безрассудности’.

Итак, с учетом рассмотренных факторов систематизируем выявленные нами трансформационные типы адъективных и деадъективных конструкций.

1. Нетрансформируемые конструкции:

1.1. Конструкции с лексически обусловленной нетрансформируемостью: *Кашляю совсем редко, несмотря на сырость и проливные дожди почти всю зиму* (А. Колмогоров). Адъективное сочетание, хотя и выражает свернутую предикацию ‘несмотря на то, что шли проливные дожди’, не преобразуется в деадъективную конструкцию ввиду отсутствия в языковой системе соответствующей лексемы **проливность*.

1.2. Конструкции с нетрансформируемостью семантико-синтаксического характера: *Стебли [кактусов] короткие и плоские, часть их находится под землей, и внешне они действительно напоминают растущие прямо из земли диковинные цветы* (Публ.). Предикат *напоминают* ‘имеют сходство с чем-либо’ требует смысловой однотипности актантов, реализующих валентности компаратов (что сравнивается с чем). Поэтому, если субъект сравнения выражен конкретным именем *стебли*, то объект сравнения не может эксплицироваться номинацией качества. И наоборот, при замещении одной из валентностей именем качества второй семантически, обусловленный актант не выражается конкретным субстантивом: *Каллиграфическая нежность ее лица, напоминающая миловидность ее отца, показалась теперь матери особенно ясной и неправдоподобной* (А. Бузулукский) → **Нежность ее лица, напоминающая ее миловидного отца...*

2. Трансформируемые конструкции:

2.1. Синонимического характера (одна из конструкций реализует прототипический способ заполнения валентности предиката, а вторая – синтаксически смещенный; синонимию конструкций обеспечивает акцентировка прилагательного):

(а) *Использование такого приема позволяет добиться многовариантности конструкторских описаний* (Публ.) = ‘позволяет добиться того, что конструкторские описания будут многовариантными’. Преобразование в (б) *Добиться многовариантных конструкторских описаний* возможно, хотя деадъективная конструкция имеет стилистическую отмеченность.

(а) *И если что роднит «Осень» Пастернака с «Осенью» юного Вознесенского, – это как раз легкость дыхания* (И. Вирабов) = ‘роднит то, что дыхание легкое’. При логическом акценте на прилагательном возможно эквивалентное преобразование в (б) *Роднит легкое дыхание*. При отсутствии акцента конструкции могут прочитываться и как синонимические, и как имеющие семантические различия (тип 2.2), аналогичный контекст (11).

2.2. Несинонимического характера (актанты, выраженные адъективным и деадъективным сочетаниями, представляют описываемую ситуацию по-разному):

(а) *Проверять профессиональную состоятельность кандидата будут сами члены лиги* (Публ.) = ‘проверять, состоятелен ли кандидат в профессиональном отношении’. Трансформация в адъективную конструкцию (б) *Проверять состоятельного кандидата*¹ влечет за собой семантическую модификацию: в (а) деадъектив выступает параметрическим словом, а потому действие глагола *проверять* направлено на установление степени выражения этого качества у носителя признака (высокая степень данного признака не утверждается и не отрицается); в конструкции (б) именная группа выражает высокую степень признака (*кандидат состоятельный*), а потому действие глагола *проверять* направлено на установление иных, не эксплицированных в высказывании признаков объекта.

Как показывает проведенное исследование, очертить абсолютно четкие границы описываемых явлений – задача практически невыполнимая, что, в общем-то, так или иначе касается любой классификации. В ходе анализа материала становится понятно, что в группе нетрансформируемых оказываются как конструкции явно аграмматичные (ср.: *вытолкнуть на перрон странный багаж* и **вытолкнуть на перрон странность багажа*), так и те, которые тяготеют к нормальным, допустимым, способным иметь корреляты (ср.: *признаться в неправдивости своих слов* и **признаться в своих неправдивых словах*).

Факторы, предопределяющие трансформационный потенциал конструкций, в одних случаях усиливают друг друга, обеспечивая безоговорочное отнесение языковой единицы к тому или иному типу, в других случаях –

¹ Тут мы не касаемся вопроса о возможности каждой из конструкций распространяться (*профессиональная состоятельность*).

оказывают разнонаправленное влияние, создавая континуальность типологии. Скажем, иногда требования семантики предиката блокируются отсутствием узуального деадъектива, необходимого для выражения заданной мысли, в иных случаях, наоборот, важнее оказывается грамматически «правильный», прототипический способ выражения мысли, являющийся, однако, окказиональным с лексической точки зрения.

Даже вне противоречия разных факторов отступления от прототипического способа выражения семантики, заданной предикатом, далеко не редки. Так, деадъективными конструкциям, семантически более сложным, могут предпочитаться адъективные, хоть и менее эксплицитные. Более глубокое изучение прагматики этого явления, в том числе с ориентацией на функциональные стили, расширение представления о средствах, выражающих в контексте необходимые смыслы, – это еще задачи для будущих исследований.

Наконец, возможности и ограничения в преобразовании адъективов и деадъективов, их изучение на уровне смысла предложения заставляют еще раз усомниться в том, что синтаксический дериват просто «копирует» семантику производящего. Как видно, эти грамматические категории очень специфично и избирательно взаимодействуют с разными глаголами (их ЛСВ) в роли предиката, создают разную акцентировку смысла и, соответственно, вводятся в текст со своими коммуникативными заданиями.

Сокращения

Науч. лит. – тексты, относящиеся к жанрам научной литературы: научные статьи, диссертации, авторефераты диссертаций (фамилии наиболее известных авторов приводятся рядом с пометой);

Публ. – публицистические тексты, в т. ч. размещённые в сети интернет.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бабайцева, В. В.* Зона синкретизма в системе частей речи современного русского языка / В. В. Бабайцева // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – № 5. – 1983. – С. 35–42.
2. *Золотова, Г. А.* Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова. – М. : Изд-во МГУ, 1998. – 528 с.
3. *Всеволодова, М. В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка / М. В. Всеволодова. – М. : URSS, 2017. – 656 с.
4. *Курилович, Е.* Деривация лексическая и деривация синтаксическая / Е. Курилович // Е. Курилович. Очерки по лингвистике. – М. : Изд-во иностр. лит., 1962. – С. 57–70.
5. *Ташлыкова, М. Б.* Семантические этюды о «синтаксической деривации» / М. Б. Ташлыкова. – Иркутск : ИГУ, 2013. – 277 с.

6. Резанова, З. И. Функциональный аспект словообразования: русское производное имя / З. И. Резанова. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1996. – 218 с.
7. Есперсен, О. Философия грамматики / О. Есперсен. – М. : УРСС Едиториал, 2002. – 408 с.
8. Камынина, А. А. Современный русский язык. Морфология / А. А. Камынина. – М. : Изд-во МГУ, 1999. – 240 с.
9. Морфология современного русского языка / ред. С. И. Богданов, [и др.]. – СПб. : Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. – 634 с.
10. Стеблин-Каменский, М. И. Спорное в языкознании. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. – С. 19–34.
11. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ruscorpora.ru>. – Дата доступа : 12.10.2022.
12. Кустова, Г. И. Прилагательные [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://rusgram.ru/pdf/kustova-2018-adjectives.pdf>. – Дата доступа : 12.10.2022.
13. Падучева, Е. В. Статьи разных лет / Е. В. Падучева. – М. : Языки славянских культур, 2009. – 736 с.
14. Современный толковый словарь русского языка : в 3 т. / ред. Т. Ф. Ефремова. – М. : АСТ, Астрель, 2006.
15. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М. : ИТИ Технологии Инфотех, 2009. – 939 с.
16. Русский орфографический словарь: около 200 000 слов / Ин-т рус. яз. им. Виноградова ; О. Е. Иванова, В. В. Лопатин [и др.]. – Изд-е 4-е, испр. и доп. – М. : АСТ-Пресс книга, 2015. – 879 с.
17. Большой толковый словарь русского языка / ред. С. А. Кузнецов – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.
18. Словарь русского языка : в 4 т. / РАН, Ин-т лингв. исслед. ; ред. А. П. Евгеньева. – М. : Рус. яз., Полиграфресурсы, 1999.
19. Золотова, Г. А. О синтаксических функциях имен качества / Г. А. Золотова // Синтаксис и стилистика ; отв. ред. Г. А. Золотова. – М. : Наука, 1976. – С. 130–160.

Поступила в редакцию 18.11.2022

Забаштанская Оксана Игоревна
кандидат филологических наук
доцент кафедры славянских языков
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Oxana Zabashtanskaya
PhD in Philology
Associate Professor of the Department
of Slavic Languages
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
xenia_z@tut.by

Клиффорд БрэдонТрэвис
выпускник
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Klifford Brandon Travis
graduate
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus

ОДЕССКОЕ ГОРОДСКОЕ КОЙНЕ В «ОДЕССКИХ РАССКАЗАХ» ИСААКА БАБЕЛЯ: ФОНЕТИЧЕСКИЙ И ГРАММАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

ODESSA CITY KOINE IN *ODESSA STORIES* BY ISAAC BABEL: PHONETIC AND GRAMMAR ASPECTS

В статье рассматриваются грамматические и фонетические черты одесского городского койне, которые встречаются в цикле «Одесские рассказы» Исаака Бабеля. Анализируются грамматические конструкции, обусловленные языковой интерференцией из идиша и украинского. Кроме того, проиллюстрированы примеры русского городского просторечия на грамматическом и фонетическом уровнях.

К л ю ч е в ы е с л о в а : *койне; «одесский язык»; языковая интерференция; субстрат; калька; вкрапление; просторечие.*

The article deals with grammatical and phonetic features of Odessa urban Koine, which are found in the cycle *Odessa Stories* by Isaac Babel. The article analyzes the grammatical constructions caused by language interference from Yiddish and Ukrainian. It also illustrates examples of Russian urban vernacular at grammatical and phonetic levels.

K e y w o r d s : *Koine; "Odessa language"; language interference; substratum; calque; interspersing; vernacular.*

«Одесские рассказы» [1] Исаака Бабеля представляют собой цикл из 15 произведений о жителях Молдаванки. Для иллюстрации социокультурной специфики описываемых в произведении реалий и речи персонажей писатель использовал различные стилистические средства. Язык данного цикла в целом сложно назвать единообразным: наряду с национальными русским и украинским, тексты характеризуются большим количеством просторечных, жаргонных и диалектных языковых компонентов, элементами еврейской фольклорной и религиозной традиции (например, специфическим синтаксическим параллелизмом), антитезами, афоризмами, фразеологизмами и др.

Понимание текстов «Одесских рассказов» невозможно без понимания одесского мифа и так называемого «одесского языка», который представляет

собой *городское койне*, что сформировалось на перекрестке многих этносов и культур портового города. «Одесский миф» – общепризнанное в тематических исследованиях понятие, которое включает в себя ряд представлений русских и русскоговорящих об Одессе, составленных на основе литературных произведений (в том числе фольклора), кинематографа и телевидения. Так, среди ключевых элементов одесского мифа называют «свободу, торговлю, юмор, “одесский язык”, гармоничное или космополитическое сосуществование» [2, с. 89]. Таким образом, «одесский язык» в виде отдельных элементов, проникших в художественные произведения во времена его существования, способствовал созданию и дальнейшему бытованию одесского мифа. В то же время нельзя утверждать, что само одесское койне являлось частью мифа, поскольку представляло собой живую разговорную речь его носителей.

Время создания «Одесских рассказов» относится к так называемому третьему периоду бытования «одесского языка» (первая треть XX века), когда одессизмы стали проникать не только в жаргоны и городское просторечие, но и в русский литературный язык. Некоторые языки особо повлияли на речь одесситов, оставив следы не только в лексике, но и в грамматике. В первую очередь речь идет о суперстрате языка идиш, на котором говорили еврей-ашкенази, и украинском субстрате. Среди других языков, оставивших след в одесском койне, называют французский, английский, итальянский, новогреческий, польский, молдавский, румынский, турецкий и т.д. [3, с. 276].

Считается, что на формирование «одесского языка» во многом повлияло еврейское население города, поэтому одесская речь представлена большим количеством прямых и модифицированных заимствований из идиша. В то же время, если говорить о заимствованной лексике в «Одесских рассказах», не принимая во внимание онимы, наши наблюдения показывают, что украинская лексика (в том числе вкрапления) преобладает. Методом сплошной выборки мы выявили 138 употреблений заимствований (имена нарицательные) и преобладание украинизмов (63 лексем). На втором месте – гебраизмы (14 лексем). Остальные лексические единицы представляют собой диалектизмы и заимствования из других языков (галлицизмы, латинизмы, тюркизмы и др.). Если гебраизмы (*шамес, брис, синедрион, цадик, ешибот* и др.) используются в авторских описаниях культурных реалий, то украинизмы, заимствования из других языков, а также варваризмы (в том числе из идиша) встречаются преимущественно в диалогической речи персонажей и служат лингвокультурным маркером, определяющим их как носителей одесского койне. Но все же целью данной работы является иллюстрация фонетико-грамматических особенностей одесского койне, которые репрезентированы значительно меньшим числом фиксаций (нами выявлено 53).

Следует отметить, что на фонетическом и грамматическом уровнях специфика одесского койне представлена, главным образом, результатами

интерференции с идиш и украинским языком. Как полагает А. Вершик, язык Одессы характеризуется следующими фонетическими и грамматическими чертами идиша:

- особой восходяще-нисходящей интонацией;
- неразличением *и* и *ы* (*мило* ‘мыло’);
- отсутствием палатализации сонорных (*радом* ‘рядом’);
- сочетанием «согласный + *j*» (*лещ* [lještš] ‘лещ’);
- редупликацией с *им-* в начале слова (*магазин–шмагазин*);
- сохранением интонации идиша при том же, характерном для идиша, порядке слов (*Так у него была на прошлой неделе у сына бар-мицва. Так что делает Торик? Послал поздравительное письмо и мешочек бархатный для тфиллин*);
- калькирование правил управления, а также буквальный перевод идиом (*я знаю очень* – идиш. *ixvejszejer* ‘откуда я знаю’ [4, с. 143]).

Наряду с идишем, большое влияние на одесский язык оказали также южнорусский диалект и украинский язык. Показательным примером можно считать замену русского префикса *у* на соответствующий украинский префикс *в*: *вдарили* ‘ударили’, *вбили* ‘убили’, *впотребили* ‘употребили’, *вже* ‘уже’. Грамматические конструкции, в которых наблюдается нарушение литературной нормы русского языка, весьма разнообразны и представляют собой элементы городского просторечия, субстрата и заимствований. Рассмотрим эти конструкции.

Такие примеры копирования интонации и синтаксиса идиша мы находим в «Одесских рассказах»:

— *Я простой человек, без хитростей*, — сказал Фроим, — *я нахожусь при моих конях и занимаюсь моим занятием. Я даю новое белье за Баськой и пару старых грошей, и я сам есть за Баськой*, — кому этого мало, пусть тот горит огнем...

— *Почтение, Грач*, — сказал он, — *если хотите что-нибудь наблюдать из жизни, то зайдите к нам на двор, есть с чего посмеяться...*

Под влиянием идиша и украинского некоторые глаголы русского языка принимают иное значение, чем в русском литературном, а также нарушают правила транзитивности. В первую очередь это относится к глаголам *иметь*, *делать*:

Я имею вам сказать.

Или сделайте со мной что-нибудь, папаша, или я делаю конец моей жизни.

В данном случае глагол *иметь* выступает как вербализатор, то есть вспомогательный глагол. Такие вербализаторы десемантизированы и могут выполнять функции модальных глаголов [5, с. 160]. В литературном украинском языке глагол *мати* имеет модальное значение повинности, необходимости (*Я маю зробити цю справу. Ми маємо їхати до Києва. – Я должен сделать это дело. Мы должны ехать в Киев*).

Достаточно многочисленными в «Одесских рассказах» являются примеры употребления глагола *иметь* в конструкциях со значением принадлежности:

Я имею интерес.

Она имеет надоедливый характер.

Вы имели сердце послать матери...

В моем лице ты имеешь типа, который способен... и др. Данным конструкциям соответствует русское литературное *у меня есть...*

Как известно, глаголы со значением 'иметь, обладать' образуют посессивную конструкцию предложения. Языки, в которых такая конструкция включает глагол типа *иметь* (букв. *Я имею книгу*), называются *habeo*-языками; языки, в которых она строится с глаголом-связкой *быть* (*У меня есть книга*), – *esse*-языками [6, с. 54] Украинский язык занимает промежуточное положение между этими группами. Построение синтаксических конструкций по типу *habeo* или *esse* варьируется в украинской лигвокультуре и также зависит от диалектной стратификации. Идиш же относится к языкам *habeo*. Таким образом, использование посессивной конструкции по типу *habeo* в «одесском языке» и, соответственно, в произведениях Бабеля, как мы полагаем, может быть обусловлено влиянием идиша при поддержке украинской грамматической системы.

Похожим влиянием идиша объясняется использование аналитических конструкций существительных с глаголом *делать* на месте русских смысловых глаголов, например, *делать конец* вместо нормативного русского *покончить*:

*Или сделайте со мной что-нибудь, папаша, или я **делаю** конец моей жизни.*

Как отмечает И. Кабанен, такая характерная черта одесского койне, как глагольные конструкции *saccusativus cum infinitive*, также является грамматической калькой, так как вполне соответствует нормам немецкого языка и идиша. К таким же калькам с немецкого относятся формы инфинитива и с предлогом: *ручка для писать* (ручка для письма) [7, с. 289].

В «Одесских рассказах» встречаются объектные инфинитивы, калькирующие аналогичные конструкции в идише:

Он думает об выпить, об дать кому-нибудь по морде, об своих конях.

Я буду с вами говорить об писать мне письмо.

Примером грамматических украинизмов является управление глаголами со значением мысли и речи + предлог *за* с винительным падежом существительного: *знать за облаву*. Такая конструкция называлась исследователями в ряду характерных грамматических особенностей «одесского языка», когда предлог *о* заменяется предлогом *за*: *Беня знает за облаву*.

В украинском диалектном и частично литературном языке употребляется предлог *за* с винительным падежом в значении объекта (русский эквивалент *о, об* + предложный падеж). Например: *Він питався за тата. Вона знає за тебе. – Он спрашивал об отце. Она знает о тебе.*

Украинские грамматические вкрапления встречаются в виде глагольных форм: *Озираются, все арестовать кого-то хочут.*

Еще одна группа специфических грамматических конструкций представлена предложным управлением по украинскому образцу:

Зайдите к нам на двор. (Ср. укр. *Зайдіть до нас на двір.*)

Я любитель сбросить иногда все эти мысли с головы.

Мой знакомый просят вас до себе в компанию.

Без вас приходила Одарка, взяла Гришку до дому.

Характерной иллюстрацией языковой интерференции в одесском койне может послужить следующий пример, в котором личное местоимение *мне* используется в украинизированной форме *мене*, русский предлог *в* заменен на украинский *у* и вместо русского глагола *кажется* употребляется украинский эквивалент *здається*: *Беня, ты знаешь, что мене сдаётся?* (Ср. укр. *мені здається.*)

Отмечены случаи согласования по роду, нехарактерные для русского языка:

У вас невыносимый грязь.

Но я выведу этот грязь.

Она имеет блондинный волос.

Первый случай можно объяснить украинским грамматическим субстратом. В украинском слово *бруд* 'грязь' принадлежит к мужскому роду (ср. *невиносний бруд, цей бруд*).

Также встречаются случаи употребления звательного падежа, по образцу украинского языка: *Трофиме, бабуся за што?*

Как полагает В. П. Смирнов, в Одессе почти исключено использование предлога *о* (он заменяется предлогом *за*), но если данный предлог все-таки употребляется, то в форме *об* вне зависимости от первого звука последующего слова [8]. В «Одесских рассказах» встречаются соответствующие конструкции:

Охраники были об одной ноге, другие недосчитывали руки или глаза.

Телеграфист протянул руку и пристукнул пальцем по раскрытой ладони: «Документы об это место».

Кроме указанного, наблюдаются случаи несоответствия литературным нормам предложного управления, вероятно, бытовавшие в «одесском языке».

Бендерские жили в третьем этаже.

Их нет в заводе.

Прошел в кухню.

Следует отметить, что иногда сложно проследить, влияние какого именно языкового компонента койне приводит к нарушению согласования по роду и управления.

В цикле рассказов встречаются грамматические формы, обусловленные влиянием русского городского просторечия

1) на грамматическом уровне:

*Не **выйти**ть им живыми.*

*Мой знакомый **просят** вас до себе в компанию.*

*Задобрить хотят на позиции **везть**.*

***Подь-ка** сюда, попрыгунчик.*

*Анженеры от заводов все **отъехали**.*

*Экая **стерть**!*

*Я за **пистолью** пойду, уничтожу тебя.*

*Немец говорит – земля **евонная**.*

*Все об **Рассее** бьются, все **Рассею** жалеют.*

2) на фонетическом уровне:

*Его уж прикончат, **вишь**.*

*Водка, друг, в Вознесенском, **хошь** по воде сорок верст, **хошь** по земле сорок верст...*

***Пуцай** лежат.*

*Анженеры от заводов все **отъехали**.*

*А я в **ей** был, в Калуге.*

В некоторых случаях употребляются граффоны для иллюстрации речи иноязычных персонажей:

*«**Мы-ста да вы-ста**», – пробормотал латыш.*

*«**Ми друг**», – сказал китаец.*

Как было показано, наиболее отчетливо компонент одесского языкового койне проступает в лексике и грамматике прозаического цикла. В ряде случаев автор «Одесских рассказов» старается передать специфическое произношение своих героев, например, при помощи украинского аналога приставки у-. Среди грамматических конструкций выявлены, в первую очередь, кальки с идиша, а также украинский субстрат. Влияние идиша проявляется в копировании порядка слов, подразумевающего характерную интонацию, калькировании словосочетаний с глагольным управлением, употреблении глагола *иметь* в качестве десемантизированного вербализатора с модальным значением и в посессивных конструкциях. Кроме того, характерной калькой с идиша является употребление инфинитива в роли объекта.

Украинский грамматический компонент представлен соответствующими конструкциями в падежном управлении, спецификой согласования, также отмечено использование звательного падежа. Кроме вышеуказанного, употребляются грамматические формы и фонетические варианты слов из русского городского просторечия, а в некоторых случаях граффоны, иллюстрирующие речь иностранцев. Данные компоненты встречаются преимущественно в монологической и диалогической речи персонажей и являются лингвокультурным маркером, характеризующим их этническую принадлежность или как носителей одесского койне.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бабель, И. Э.* Одесские рассказы / И. Э. Бабель. – СПб. : ООО «Издательская группа “Азбука-Аттикус”». – 2013. – 284 с.
2. *Сквирская В.* Одесса: «скользящий» город и ускользящий космополитизм / В. Сквирская, К. Хэмпфри // Вестн. Евразии. – 2007. – № 1. – С. 87–117.
3. *Мечковская, Н. Б.* Русский язык в Одессе: Вчера, сегодня, завтра / Н. Б. Мечковская // Russian linguistics. – 2006. – С. 263–281.
4. *Вершик, А.* О русском языке евреев / А. Вершик // Die Welt der Slaven. – 2003. – Vol. XLVIII. – С. 143–144.
5. *Пальянова, Г. В.* Десемантизированные глаголы в составе устойчивых глагольно-именных сочетаний / Г. В. Пальянова // Язык и социум : материалы IX Междунар. науч. конф., Минск, 3–4 дек. 2010 г. : в 3 ч. / редкол. : Л. Ф. Гербик (отв. ред.). – Минск : РИВШ, 2011. – Ч. 3. – С.159–162.
6. *Важнік, С. А.* Беларуская літаратурная мова: паміж esse - i habere - мовамі / С. А. Важнік // Лінгвістыка, лінгводидактыка, лінгвокультуролагія: актуальныя пытанні і перспектывы развіцця : матэрыялы IV Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 19–20 марта 2020 г. / редкол. : О. Г. Прохоренко (отв. ред.). – Минск : БГУ, 2020. – С.53–55.
7. *Кабанен, И.* Одесский язык: Больше мифа или реальности / И. Кабанен // Instrumentarium of Linguistics: Sociolinguistic Approaches to Non-Standard Russian / сост. : А. Mustajoki, Е. Protassova, N. Vakhtin. – Хельсинки, 2010. – С. 287–298.
8. *Смирнов, В. П.* Одесский язык / В. П. Смирнов. – Одесса : Полиграф, 2008. – 95 с.

Поступила в редакцию 01.12.2022

Карпук Галина Владимировна

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры иностранных языков
Гродненский государственный
университет им. Я. Купалы
г. Гродно, Беларусь

Galina Karpuk

PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Foreign Languages
Yanka Kupala State University of Grodno
Grodno, Belarus
halina-karpuk@yandex.ru

СРЕДСТВА ИНТЕНСИФИКАЦИИ
РЕЧЕВЫХ АКТОВ НЕПРОЩЕНИЯ
В РУССКОЯЗЫЧНОЙ МЕЖЛИЧНОСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ

MEANS OF THE INTENSIFICATION
OF SPEECH ACTS OF UNFORGIVENESS
IN RUSSIAN INTERPERSONAL COMMUNICATION

Статья посвящена рассмотрению вербальных и невербальных средств интенсификации речевых актов непростения в русскоязычных диалогических контекстах. В числе вербальных средств, обладающих интенсифицирующим значением, выделены и рассмотрены местоименные слова, наречия времени, существительные-пейоративы; метакоммуникативные РА; негативно окрашенные РА упрека, угрозы, обвинения, божбы; негативная интерпретация мыслей и действий адресата; стилистические средства. Фонационные, физиологические и кинесические элементы выступают в роли невербальных средств интенсификации речевых актов непростения.

Ключевые слова: непростение; речевые акты непростения; интенсификация; вербальные и невербальные средства интенсификации.

The article is devoted to verbal and non-verbal intensification of speech acts of unforgiveness in Russian dialogical contexts. In the paper, the following verbal intensifying means are identified and considered: pronouns, adverbs of time, nouns (pejoratives); metacommunicative speech acts; negative speech acts of reproach, threat, accusation, swearing; negative interpretation of the thoughts and actions of an addressee; stylistic means. Phonation, physiological and kinesic elements act as non-verbal intensifying means and are characterized by negative colouring.

Key words: unforgiveness; speech acts of unforgiveness; intensification; verbal and non-verbal means of intensification.

Проблематика непростения является междисциплинарной: находится на стыке лингвистики и психологии, философии и теологии. Непрощение проявляет себя в эмоциях гнева, отвращения, презрения, в ситуациях фрустрации, в злопамятстве, в желании мщения, в чувствах зависти и ревности. В частности, субъект гнева зачастую испытывает низкий уровень самоконтроля и высокую степень импульсивности, уверенности, напряжения [1, с. 253], что способствует порождению речевых актов (РА) непростения. Данные речевые акты, будучи конфликтогенными по своему происхождению, могут сопровождаться выражением вербальной и/или невербальной агрессии.

В христианстве прощение и злопамятство часто рассматриваются как синонимы. Непрощение, месть, клятва (в том числе божба как ее разновидность) связаны с ветхозаветным мышлением: «Кто сделает повреждение на теле ближнего своего, тому должно сделать то же, что он сделал: Перелом за перелом, око за око, зуб за зуб...» (Лев. 24 : 20) [2, с. 144]; «Господа, Бога твоего, бойся, и Ему одному служи, и Его именем клянись» (Втор. 6 : 13) [Там же, с. 206]. Новозаветный подход иной. Христианское мировоззрение предполагает прощение людьми своих обидчиков, и именно при этом условии возможно прощение Богом самих обидчиков (слова в молитве «Отче Наш»: «И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим») (Мф. 6 : 12) [Там же, с. 8]. Иисус Христос также отменил клятву («А Я говорю вам: не клянись вовсе...») (Мф. 5 : 34) [Там же, с. 7].

В настоящей статье рассматриваются вербальные и невербальные средства интенсификации речевых актов непростения в русскоязычных диалогических контекстах, взятых из художественных произведений. Интенсификаторы – слова, «предназначенные для усиления признака, выраженного другими словами»; «средства, обеспечивающие движение от ординарного уровня в пределах положительного вектора шкалы интенсивности» [3]. Смысловое содержание языковой категории интенсивности формируется посредством понятийных категорий качества, количества, меры и степени [Там же]. Категория интенсивности тесно связана с категориями экспрессивности, эмоциональности, оценочности [4]. Ситуация непростения – это эмоционально негативная ситуация. В речевом акте непростения говорящий субъект проявляет свое злопамятство (*не прощаю, помню*). В рассматриваемых речевых актах зачастую используются тематические глаголы в отрицательной форме: *не оставлю, не прощу/не прощаю, не забуду* и т.д. Под тематическим нами соответственно понимается глагол, имеющий значение непростения.

Как свидетельствуют исследуемые контексты, вербальные и/или невербальные реакции адресата на выражение адресантом своего непростения могут быть следующими: самооправдание; робость, удивление, непонимание; гнев, ярость; совет-поучение; призыв к действию и т.д. В ряде ситуаций выражение вербальной и/или невербальной реакции адресата на речевой акт непростения может отсутствовать.

Как показал проведенный анализ, в русскоязычных диалогических контекстах вербальные средства интенсификации речевых актов непростения включают лексику, представленную местоименными словами, наречиями времени, существительными-пейоративами. Речевые акты непростения усиливаются и другими РА: метакоммуникативными РА; негативно окрашенными РА упрека, угрозы, обвинения, божбы; негативной интерпретацией мыслей и действий адресата. РА непростения насыщены разнообразными стилистическими средствами, имеющими интенсифицирующий потенциал: восклицательные конструкции, градация и т.д. Вышеперечисленные средства интенсификации различным образом сочетаются между собой. Фонационные

(слезы злобы в голосе и т.д.), физиологические (побледнение) и кинесические (дрожь и т.п.) элементы выступают в роли невербальных средств интенсификации речевых актов непростения, могут сопровождать и усиливать вербальные средства. Невербальные средства интенсификации исследуемых речевых актов имеют преимущественно подсознательное выражение (их проявление находится вне сферы контроля сознания) и характеризуются преобладанием негативной окраски.

Интенсификация посредством местоименного слова может быть проиллюстрирована фрагментом (1):

(1) – *Пустите руку! Как вы смеете! Мне больно! **Негодяй!***

Ниночка Ряднова вырвалась из жилистых дрожащих рук старого Мишкина и выбежала в общую комнату, где занимались другие служащие службы тяги.

Волосы у нее сбились в сторону и левая рука, выше локтя, немилосердно ныла.

– *Мерзавец, – прошептала Ниночка. – **Я тебе этого так не прощу*** (А. Аверченко. Ниночка).

В данном контексте в сочетании с пейоративами (*негодяй, мерзавец*) местоименное слово *так* привносит в высказывание экспрессию [5].

В роли интенсифицирующих элементов выступают наречия времени:

(2) *Пропустив графиню в палатку, король Карл сказал ему сквозь зубы:*

– ***Этого я вам долго не прощу.** – И Беркенгельму: – Найдите, черт возьми, какой-нибудь говядины для этой особы...* (А. Н. Толстой. Петр Первый).

Наречие *долго*, используемое в приведенном контексте, имеет значение ‘в течение продолжительного времени’ [6, с. 404], т.е. значение неопределенной длительности, некоторой степени признака действия непростения. Фонационные особенности речевого акта непростения представлены отрицательным компонентом (*сказал ему сквозь зубы*).

В определенных случаях в целях интенсификации используется наречие *никогда*, имеющее значение бесконечной длительности со знаком «минус»:

(3) *Возвратясь в гостиную, Варвара Петровна сначала молчала минуты три, что-то как бы отыскивая на столе; но вдруг обернулась к Степану Трофимовичу и, бледная, со сверкающими глазами, процедила шепотом:*

– ***Я вам этого никогда не забуду!***

На другой день она встретила со своим другом как ни в чем не бывало; о случившемся никогда не поминала. Но тринадцать лет спустя, в одну трагическую минуту, припомнила и попрекнула его, и так же точно побледнела, как и тринадцать лет назад, когда в первый раз попрекала (Ф. М. Достоевский. Бесы).

В контексте (3) наблюдается предельная степень признака действия непростения: *никогда* = *ни в какое время, ни при каких обстоятельствах* [Там же, с. 1041]. В свою очередь, невербальные средства выражения непростения включают неискренние и резкие движения (*что-то как бы*

отыскивая на столе; вдруг обернулась), мимические (*со сверкающими глазами*), физиологические (*бледная, побледнела*) и фонационные средства. Последние характеризуются тоном голоса (*шепотом*), темпом (*звукотрагическим глаголом говорения процедила*) и восклицательной интонацией.

В качестве средств интенсификации также функционируют метакоммуникативные РА, негативно окрашенные РА упрека, негативная интерпретация мыслей адресата, пейоративы. Интенсифицирующие элементы в речевом акте непростения в рамках контекста могут взаимодействовать в реализации такого средства усиления, как градация. В контексте (4), насыщенном средствами интенсификации выражаемого непростения, градация реализуется через числительное, наречие, повтор, инверсию, пейоратив и метакоммуникатив (*И десять лет проси – не прощу. Никогда я тебя, развратница, не прощу. Слышишь, никогда!..*):

(4) – *Что же, Иван Сидорыч, я как перед Богом... Моя вина... Пятый год прошу прощения у вас.*

Она заплакала тихо, тоненько и жалобно. Но ее слезы только еще более раздражили мужа. Он от них пришел в ярость.

– И десять лет проси – не прощу. Никогда я тебя, развратница, не прощу. Слышишь, никогда!.. Зачем ты мне не призналась? Зачем ты меня обманывала? Ага! Ты думала, я чужие грехи буду покрывать? Вот, мол, дурак, слава богу, нашелся, за честь сочтет чужими объедками пользоваться. Да ты знаешь ли, тварь, я на купеческой дочке мог бы жениться, если бы не ты... Я бы карьеру свою теперь сделал. Я бы...

– Да ведь не сама я, Иван Сидорыч, – отвечала, всхлипывая, женщина, – не своей охотой я пошла-то за вас. Вы сами знаете, как меня маменька была в то время (А. И. Куприн. Ночлег).

В анализируемом контексте раскрывается сильное недовольство субъекта непростения, наблюдается вербальная агрессия. Через пейоратив (*развратница*) супруг акцентирует недостойное поведение супруги до замужества. Иными словами, «возмущающаяся языковая личность <...> выражает внутреннее чувство злости, гнева, вызванное нарушением принятых в данном социуме норм» [7, с. 8]. В дореволюционный период общественной нормой было отсутствие между мужчиной и женщиной интимных отношений до венчания. За собственно речевым действием непростения следуют упреки и интерпретация мыслей адресата. Последнему приписываются мысли отрицательного характера: *Ага! Ты думала, я чужие грехи буду покрывать? Вот, мол, дурак, слава богу, нашелся, за честь сочтет чужими объедками пользоваться.* Разговорное междометие *ага* передает определенное торжество и злорадство [6, с. 9] супруга в связи с раскрытием замысла супруги. Упреки усиливаются повтором, инверсией, метакоммуникативом (*знаешь ли*), пейоративом (*тварь*). Реакция адресата – самооправдание.

В следующем контексте несмотря на свой смягчающий потенциал литота, посредством которой реализуется речевой акт минимизации, может выступать в роли интенсифицирующего элемента, привнося в речевой акт контрастность:

(5) *Когда брякнула: «Мамаша всегда меня ненавидела, с самой свадьбы, мало я слез пролила», – Петр резко оскалился и начал надевать башмаки...*

– Петруша, дырявый – гляди, перемени чулки, господи...

– Видал дур, но такой... Ну, ну... (У него тряслись руки). Это я тебе, Дуня, попомню – маменькину смерть. Раз в жизни у тебя попросил... Не забуду...

И, выйдя, так хватил дверью, – Евдокия съежилась. И долго еще дивилась перед зеркалом... Ну что такое сказала?.. Бешеный, ну просто бешеный (А. Н. Толстой. Петр Первый).

В данном контексте интенсификация происходит за счет того, что неуспешной оказалась единственная просьба субъекта непростения (*Раз <...> попросил*) в очень тяжелый для него момент жизни. На вербальном уровне в контексте присутствует пейоративная характеристика, содержащая интенсификатор (*такой*) и негативную оценку-градацию (*Видал дур, но такой... Ну, ну...*). Междометие разговорного характера *Ну, ну* выражает удивление, неодобрение [Там же, с. 1053] и осуждение адресата. Наблюдаются и такие стилистические средства, как инверсия и синонимический повтор в функционировании тематических глаголов (*попомню, не забуду*). Невербальные средства интенсификации речевого акта непростения реализуются через негативно-агрессивные мимические средства (*резко оскалился*) и жесты. Последние представлены дрожью (*тряслись руки*) и применением силы в движении (*так хватил дверью*). Наблюдается невербальная реакция адресата – робость, удивление и непонимание ярости адресанта (об этом свидетельствуют: глаголы *съежилась, дивилась*; риторический вопрос; повтор прилагательного *бешеный* и интенсификатор *ну просто*):

Речевой акт непростения может интенсифицироваться негативными речевыми действиями угрозы (является средством выражения агрессии) и божбы:

(6) *– Все это ты врешь, отец! – взвизнула Илька, топнув ногой. – Ты врешь! Твоим губам нет дела до ее уродства, до ее природы! Нам нет дела! Ты все это говоришь только потому, что мне вредно сердиться. Но я ей покажу! Я ей не... не прощу! Пусть меня Бог накажет, если я прощу ей эту обиду!*

– Кому бы другому, а не тебе, ягненок, так храбриться! Ягненку храбриться против волка – значит только терять напрасно слова... Замолчим лучше!

Илька поднялась, накинула на плечо ремень арфы и подбородком указала на тропинку.

– Отдохнуть разве не хочешь? – спросил отец.

Илька промолчала (А. П. Чехов. Ненужная победа).

В представленном контексте непростение, адресованное третьему лицу, не участвующему в разговоре (графине), может быть рассмотрено в качестве соответствующего речевого акта непростения. События, предшествующие контексту (6) в произведении А. П. Чехова «Ненужная победа», содержат неоднократные указания на состояние обиды и гнева, желание мести со стороны субъекта непростения (Ильки) во время пребывания с адресатом (отцом). Иными словами, адресат с самого начала знает о данном состоянии непростения, поэтому анализируемый речевой акт содержит в большей степени не сообщение о непростении, а само непростение, сопровождаемое эмоционально-экспрессивными средствами.

В приведенном контексте (6) божба, выступающая как средство усиления речевого акта непростения, относится нами к отрицательно окрашенным речевым актам. Непрощению (*Я ей не... не прощу!*) предшествует угроза: *Но я ей покажу!* За непростением следует божба, содержащая, в свою очередь, элемент непростения: *Пусть меня Бог накажет, если я прощу ей эту обиду!* Последовательность данных речевых действий (угрозы, непростения, божбы) в определенной степени носит градиционный характер. В анализируемом контексте речевой акт непростения также интенсифицируется повтором отрицательной частицы, повторяющимся обвинением во лжи (*ты врешь*) и последовательностью восклицательных конструкций. В контексте также присутствует интерпретация речевых действий собеседника (*Ты все это говоришь только потому, что мне вредно сердиться*), обладающая интенсифицирующей окраской. Невербальные средства интенсификации речевого акта непростения являются в данном контексте негативно-агрессивными и включают фонационные (звукоподражательный глагол *взвизгнула*) и кинесические (*топнув ногой*). Реакция адресата – совет-поучение и призыв к совместному действию (*Замолчим лучше!*), оказавшийся успешным речевым актом. Об успехе свидетельствуют кинесический компонент дейктического характера (*подбородком указала на тропинку*) и прекращение речевых действий (*промолчала*).

В числе интенсифицирующих средств может выступать отрицательно окрашенная интерпретация собственно действий адресата:

(7) *Когда они кончили фигуру, ее лицо опять сразу приняло сердитое выражение, «точно у разозленного насекомого», – подумал Ромашов.*

– Я этого не прощу вам. Слышите ли, никогда! Я знаю, почему вы так подло, так низко хотите уйти от меня. Так не будет же того, что вы затеяли, не будет, не будет, не будет! Вместо того чтобы прямо и честно сказать, что вы меня больше не любите, вы предпочитали обманывать меня и пользоваться мной как женщиной, как самкой... на всякий случай, если там не удастся. Ха-ха-ха!..

– Ну хорошо, будем говорить начистоту, – со сдержанной яростью заговорил Ромашов. Он все больше бледнел и кусал губы. – Вы сами этого захотели. Да, это правда: я не люблю вас (А. И. Куприн. Поединок).

В приведенном фрагменте (7) наблюдается усиление через метакоммуникативный РА (*слышите ли*), наречие времени (*никогда*) и интерпретацию действий адресата. Данная интерпретация принимает форму обвинения, указания на низкое, подлое поведение собеседника (*Я знаю, почему вы так подло, так низко хотите уйти от меня*) и обман с его стороны; обвинение содержит некоторый оттенок градации (*вы предпочитали обманывать меня и пользоваться мной как женщиной, как самкой*). Присутствует повторяющееся так, выступающее в роли интенсификатора (градатора) [3] и имеющее предельную степень проявления признака действия. В приведенном контексте наблюдается повтор глагола *быть* с отрицательной частицей и восклицательные предложения. Вербальное выражение гнева сопровождается негативными мимическими (*сердитое выражение, «точно у разозленного насекомого»*) и фонационными (*Ха-ха-ха!..*) средствами. Ответной реакцией на непростительное стала сдержанная ярость собеседника, переданная через физиологическую реакцию усиливающегося побледнения (*все больше бледнел*) и мимику (*кусал губы*).

Таким образом, вербальные средства интенсификации речевых актов непростительного включают лексику, представленную местоименными словами, наречиями времени, существительными-пейоративами. РА непростительного усиливаются метакоммуникативными РА, негативно окрашенными РА, негативной интерпретацией мыслей и действий адресата. РА непростительного пронизаны интенсифицирующими стилистическими средствами, из которых значимую роль играют восклицательные конструкции и градация. Фонационные, физиологические и кинесические элементы выступают в роли невербальных средств интенсификации речевых актов непростительного.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Изард, К. Э.* Психология эмоций / К. Э. Изард. – СПб. : Питер, 2008. – 464 с.
2. Библия, или книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. В русском переводе с параллельными местами и приложениями. – М. : Российское библейское общество, 1995. – 1197 с.
3. *Ревенко, И. В.* Языковая категория интенсивности и ее экспликация в идиостиле В. Астафьева : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 [Электронный ресурс] / И. В. Ревенко ; Кемеров. гос. ун-т. – Кемерово, 2004. – Режим доступа : <http://cheloveknauka.com/yazykovaya-kategoriya-intensivnosti-i-ee-eksplikatsiya-v-idiostile-v-astafieva#ixzz77ytWrjc3>. – Дата доступа : 19.02.2021.
4. *Безрукова, В. В.* Интенсификация и интенсификаторы в языке и речи (на материале английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 [Электронный ресурс] / В. В. Безрукова ; Воронеж. гос. пед. ун-т. – Воронеж, 2004. – Режим доступа : <http://cheloveknauka.com/intensifikatsiya-i-intensifikatory-v-yazyke-i-rechi>. – Дата доступа : 25.02.2021.

5. Лабзина, С. В. Слова «так» и «такой» в современном русском языке – их синонимика и изофункциональность : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 [Электронный ресурс] / С. В. Лабзина; Ростов. гос. пед. ун-т. – Ростов н/Д, 2005. – Режим доступа : <http://cheloveknauka.com/slova-tak-i-takoy-v-sovremennom-russkom-yazyke-ih-sinonimika-i-izofunktsionalnost>. – Дата доступа : 23.02.2021.

6. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : в 2 т. / Т. Ф. Ефремова. – 2-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 2001. – Т. 1. – 1232 с.

7. Якищенко, Е. А. Возмущающаяся языковая личность: коммуникативно-прагматический подход (на материале английского и французского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Е. А. Якищенко ; Кемеров. гос. ун-т. – Кемерово, 2014. – 19 с.

Поступила в редакцию 11.11.2022

Ляшчынская Вольга Аляксандраўна
доктар філалагічных навук
прафесар кафедры беларускай мовы
Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя Францыска Скарыны
г. Гомель, Беларусь

Volga Liahshchynskaya
Habilitation Doctor of Philology
Professor of the Department
of Belarusian Language
Francisk Skorina Gomel State University
Gomel, Belarus
zshvedova@mail.ru

КУЛЬТУРНА-МОЎНАЯ СПЕЦЫФІКА
ФРАЗЕАЛАГІЗМАЎ-ХАРАКТАРЫСТЫК ЧАЛАВЕКА
ПАВОДЛЕ ЎЖЫВАННЯ СПІРТНОГА

CULTURAL-LINGUISTIC SPECIFICITY
OF PHRASEOLOGICAL CHARACTERISTICS
OF PEOPLE REGARDING THE USE OF ALCOHOL

У артыкуле на матэрыяле літаратурных і дыялектных фразеалагізмаў беларускай мовы з кампанентам-найменнем дзеяння, эталоннага стану чалавека паводле яго ўжывання алкагольных напояў устанаўліваецца каштоўнасць змест культуры, яе катэгорый і сэнсаў, выяўляецца ўзаемадзеянне мовы і культуры народа. Выдзяляюцца і аналізуюцца фразеалагізмы, што вобразна прадстаўляюць ужыванне спіртнога, яго ўздзеянне на чалавека, спосабы, колькасную і якасную меру ўжывання, стан ап'янення, выяўляюцца ўласцівыя беларусам культурна-нацыянальныя негатывы да прыхільнікаў выпіць, даецца характарыстыка і ацэнка чалавека.

К л ю ч а в ы я с л о в ы : *фразеалагічная адзінка; вобраз; кампанент; напоі; чалавек; стан; сімвал; эталон; стэрэатып.*

In the article, the valuable content of culture, its categories and meanings, the interaction of the language and culture of the people are established on the material of literary and dialectal phraseology of the Belarusian language with the nominal action component, the reference state of a person according to his consumption of alcoholic beverages. Phraseologisms that figuratively represent the use of alcohol, its effect on a person, ways, quantitative and qualitative measures, the state of intoxication are distinguished and analyzed, cultural and national negativity characteristic of Belarusians towards drinkers is revealed, a characterization and assessment of a person is given.

Key words: phraseological unit; image; component; drinks; person; state; symbol; standard; stereotype.

Задача даследавання фразеалогіі ў наш час – выяўленне культурнай інфармацыі, што канатуе з сістэмай эталонаў, стэрэатыпаў, сімвалаў, народным светапоглядам, практычным вопытам, правіламі і нормаў, выпрацаванымі народамі ў ходзе свайго гістарычнага развіцця. І як вынік такога вывучэння – пазнанне народа, засваенне правіл і норм і магчымасць параўнання з іншымі народамі для вызначэння агульнага і адметнага. Даследуючы фразеалагічныя адзінкі (ФА) беларускай мовы як рэпрэзентанты ўжывання ежы [1; 2; 3; 4; 5; 6], напояў [7; 8], дапоўнім культурную інфармацыю, якая

даводзіцца ў створаных народам другасных адзінках мовы, выявім характарыстыку чалавека. У межах прапанаванага артыкула аб'ектам вывучэння абраны літаратурныя і дыялектныя ФА, што рэпрэзентуюць веды, устаноўкі і правілы ўжывання спіртных напояў, выражаюць ацэнку, даюць характарыстыку чалавеку, яго паводзінам.

Сабраныя ФА з розных фразеаграфічных крыніц (гл. прынятыя скарачэнні крыніц ФА) сведчаць пра вялікую ўвагу беларусаў да гэтага аспекту жыцця, усебакова характарызуюць чалавека адносна ўжывання спіртных напояў. І пачнём з дз е я с л о ў н ы х ФА, паколькі вядома, што найбольш важную характарыстыку чалавеку ўвогуле даюць яго дзеянні. Да таго ж, у фразеалогіі дзяслоўныя ФА таксама складаюць «самы шматлікі семантыкаграматычны тып» [9, с. 118]. І гэта падмацоўваюць выяўленыя дзяслоўныя ФА як вобразныя абазначэнні ўжывання чалавекам спіртнога (амаль 100 ФА), якія называюць гэтае дзеянне чалавека (= *піць, выпіваць*) і сваімі вобразамі, унутранай формай, абранымі кампанентамі, іх спалучэннямі даводзяць разнастайную дадатковую інфармацыю, надаюць розную экспрэсіўна-эмацыянальную афарбоўку, выяўляюць адносіны да такіх дзеянняў і даюць ім ацэнку.

Так, паводле дэфініцыі ФА *браць у губу* (Л-2008-1: 146), *заліваць чарвяка* (Л-2008-1: 456), *засініць дзюбу* (Д-2020: 173), *з карчмаром прывітаўся* (С-1991: 87), *наступіць на корак* (Л-2008-1: 91), *нюхаць у бутэльку/бутылачку чарку/чарачку* (Ю-1974: 195), *панюхаць корак* (Л-2008-2: 177), *прамачыць горла* (Л-2008-2: 246), *прамачыць/прапаласкаць горла/глотку* (Ю-1974: 259), *стаць на пробку* (Ю-1977: 84), *у чуб укінуў* (С-1991: 87), *чарку ўзяць/кульнуць* (С-1991: 64) аб'яднаны агульным значэннем 'піць, выпіваць спіртное', а іх вобразы, кампанентны склад даносяць неадабрэнне, нярэдка насмешку, іронію да такога дзеяння чалавека. Кожная ФА перадае стэрэатыпнае ўяўленне пра чалавека, адным з заняткаў якога становіцца ўжыванне спіртнога. У аснове вобразаў ФА ляжаць метафары, якія прыпадабняюць названыя дзеянні (*браць, заліваць, наступаць, нюхаць, панюхаць, стаць, кінуць, узяць*) з прадметамі (*корак, бутылка, чарка, пробка*), часткамі цела чалавека (*глотка, горла, чуб*), птушкі (*дзюба*) да выпівання спіртнога як перадачы стэрэатыпных уяўленняў народа пра ўжыванне спіртных напояў і негатыўных адносін да такога. Напрыклад: *Яшчэ ў магазін ні аткрывалі, а яны ўжэ недзі засінілі дзюбу.* (Д-2020: 173); – *Нешта ты сённа кіслы, – заўважыў Уладзік. – Няўжо нідзе не давлялося панюхаць корак?* (У. Дамашэвіч).

Асабліва колькасна і разнастайна прадстаўлены ФА, аб'яднаныя значэннем 'напівацца, п'янстваваць', якія выражаюць не толькі неадабрэнне, але і яўнае асуджэнне. І гэта даводзяць створаныя вобразы ФА з шкляным богам, якога выпівоха бачыць і якому служыць: *бачыць шклянога бога* (Л-2008-1: 102), *з шкляным богам пабачыцца /убачыцца/сустрэцца* (С-1991: 64), *шклянога бога ўгледзець* (Д-2020: 46), *шкляному богу пакланіцца* (С-1991: 64), *сцякляннага бога відзець* (Ю-1977: 97), *сцякляннаму богу служыць/кланяцца/пакланяцца/укланяцца* (Ю-1977: 97), з бутэлькай, шклянкай, чаркай, келішкам

як вядомым посудам для ўжывання гарэлка, шклом, у якія чалавек, што п'янствуе, пастаянна заглядае, глядзіць, бачыць: *глядзець/заглядаць/заглядваць у бутэльку/чарку* (Л-2008-1: 307), *глядзець у шклянку* (Д-2020: 580), *заглядаць у келішак* (Д-2020: 255), *у бутэльку/пляшку зірнуць* (С-1991: 64), *у бутылку заглядаць* (Д-2020: 61), *у бутэльку глядзець* (Д-2020: 61), *у чарку заглянуць* (Д-2020: 563), *ішло ўбачыць/пабачыць* (С-1991: 64). Або гэта вобразы ФА з нязвычайным заліваннем, закідваннем, закладваннем за каўнер ці гальштук як негатыўным дзеяннем чалавека: *закідаць за гальштук* (Л-2008-1: 447), *закідаць за каўнер* (Л-2008-1: 448), *закладаць за каўнер* (Л-2008-1: 449), *закладаць/закладаваць/заліваць за галстук* (Ю-1972: 238), *заліваць за каўнер/гальштук* (Л-2008-1: 455) ці паасобныя ФА пра ваджэнне казы як адгалосак з мінулых часоў пра калядаванне і працяглае п'янства калядоўшчыкаў: *вадзіць казу* (Л-2008-1: 166), або проста *гары набрацца* (С-1991: 77), *піць да гузіка* (М-К-1972: 212) як адзнак пастаянства дзеяння і высокай ступені яго праяўлення. Напрыклад: *Ні рас казалі маці бацьку: табе абы ў бутылку заглядаць* (Д-2020: 61); *Прывык сьцікляннаму богу пыкльняцца, нійдзе ні прапусціць* (Ю-1977: 97).

Да папярэдніх далучаецца група аднаструктурных ФА з агульным апорным дзеяслоўным кампанентам *зالیць/заліваць/наліць/пазаліваць*, якія больш рэзка ў параўнанні з вышэй названымі выражаюць асуджэнне дзякуючы словазлучэнню дзеяслова з саматызмам-кампанентам, які валодае функцыянальна значным для культуры сэнсам. І такім у большасці ФА выступае назоўнік *вочы* ці яго экспрэсіўна-эмацыянальныя эквіваленты, што разам з дзеясловам служаць для выражэння негатыву ў грубай форме да таго, хто п'янствуе, залішне ўжывае і знаходзіцца ў стане моцнага алкагольнага ап'янення: *вочы/бельмы заліваць* (Ю-1972: 99), *заліваць вочы* (Л-2008-1: 454–455), *зالیць бельмы* (Д-2020: 36), *зالیць вочы/слепакі* (М-К-1972: 97), *зالیць зеграчы* (Д-2020: 212), *зالیць зегры* (Д-2020: 212), *зالیць зрэнкі* (Д-2020: 216), *зالیць лыпакі* (Д-2020: 298), *зالیць слепакі* (Д-2020: 485), *зенкі зالیць* (Д-2020: 212), *зрэнкі зالیць* (Д-2020: 212), *пазаліваць вочы* (Л-2008-2: 153). У ФА называецца дзеянне з вачамі як квазісімвалам і сродкам успрымання чалавекам рэчаіснасці, але з прычыны іх залівання і адпаведна немагчымасці бачыць і ўспрымаць ФА паказваюць немагчымасць, з аднаго боку, п'янага чалавека правільна і адэкватна ўспрымаць і ацэньваць свет ці вобразна называюць такое дзеянне; з другога боку, выступаюць паказчыкам выражэння негатыву і абурэння да такога дзеяння і адпаведна яго выканаўцы. А ўжыванне розных дыялектных лексем-найменняў вачэй дадаткова ўносіць адценне грубасці і знявагі: *Ужэ зранку зенкі пасьпеў зالیць, сьвіня гэта!* (Д-2020: 212); *Ізноў ты заліў лыпакі, і дзе толькі грошы на гэтую вотку бярэш?* (Д-2020: 298), *дзе лыпакі* – аказіянальнае ўтварэнне ад *лыпаць*. Іншыя ФА маюць залежным таксама саматычны кампанент, але гэта толькі грубыя ў адносінах да чалавека найменні твару: *зالیць лыч* (Д-2020: 299), *зالیць мызу* (Д-2020: 331), *зالیць хару* (Д-2020: 541), *зالیць храпу* (Д-2020: 552), якія выклікаюць асацыятыўную сувязь з рознымі відамі жывёл, што і служаць

негатыву ацэнкі і абразлівасці выказвання: *Пайшла с хаты, бо мой заліў лыч, ні хачу бачыць* (Д-2020: 299); *Зноў заліў хару, а дома жывіна ні кормляна стаіць* (Д-2020: 541). І яшчэ зафіксавана ФА з залежным кампанентам-найменнем унутранага органа чалавека або жывёлы – *горла/глотка*, які мае непасрэднае дачыненне да ўжывання напояў: *горла заліваць* (Ю-1972: 148) ці *заліць горла* (Д-2020: 153), *наліць горла* (Л-2008-2: 82), дзе выпіванне гарэлкі метафарычна прыпадабняецца да дзеяння чалавека з горлам і асацыятыўна нагадвае заліванне гаручага ў бак, каністру і іншую вялікую ёмкасць: *Ні ўгаворіш і ні ўпросіш, горла заліваіць і больш нічога* (Ю-1972: 148).

Звернута ўвага і на такія асаблівасці гэтай заганнай звычкі, як пастаянна напівацца, п'янстваваць: *не высыхае* (Д-2020: 117), *не прасыхаць* (Л-2008-2: 249), быць у запой: *дацца ў чарку* (Д-2020: 563), *на буталь сесці* (Д-2020: 61), *сесці на шклянку* (Д-2020: 580), празмерна многа піць, напівацца: *піць горкую* (Ю-1974: 248), *набрацца як бэля/бэйля*, *набрацца як жаба твані/мулу/гразі*, *набрацца як свіння гразі/брагі*, *насыябацца як свіння/вяпрук* (С-1991: 76), *набрацца/насыябацца як павук*, *набрацца як Марцін за рубля*, *набрацца як Марцін мыла* (С-1991: 77), *набрацца як чоп* (М-К-1972: 150), *напіцца ў дыміну* (М-К-1972: 161), *напіцца/набрацца як зямля* (С-1991: 77), часта піць: *заглядаць у бутэльку* (М-К-1972: 92), многа і часта піць: *мокнуць у гарэлцы* (Л-2008-2: 47) ці *ў гарэлцы мокнуць* (Я-1968: 374). Усе названыя ФА даводзяць неадабрэнне, іронію: *Сюды прыслалі егента. Месяцы два ў гарэлцы мок, дык прагналі. І бацька яго мок у гарэлцы* (Я-1968: 374), ужываюцца для выказвання рэзкага асуджэння, пагарды, знявагі, што асабліва выразна даносяць ФА праз параўнанне чалавека з народнымі вобразамі-эталонамі зямлі, жабы, павука, свінні, што і службыць выражэнню высокай ступені экспрэсіі і негатыву.

Не адабраюцца і такія праявы п'янства, як 'прапіваць': *заганяць/уганяць у бутылку/бутылачку* (Ю-1972: 233) ці 'спойваць каго-небудзь': *заліваць вочы каму, заліваць горла/рот каму* (Л-2008-1: 455), напрыклад: *Сколька чаго увыгнаў у бутылку, ён ба мог азылаціцца* (Ю-1972: 233); *Самагоначкай рот залілі гэтаму злыдню. Самагоначка цяпер – сіла* (В. Быкаў).

Адзінкавыя дзеяслоўныя ФА служаць для вобразнага вызначэння 'выпіць крышку': *у роце прамачыць* (Ю-1977: 137) і 'апахмяляцца пасля моцнага ап'янення' (*направіць/налячыць галаву/галоўку* (Л-2008-2: 183), якія не нясуць выразнага негатыву: *Пасля начной бессані, дачакаўшыся рання, курьлі, некаторыя, мабыць, мяркуючы, як і Гаворка, дзе направіць галоўку* (В. Быкаў).

Даволі колькасна і разнастайна прадстаўлены дзеяслоўныя ФА, якія называюць, характарызуюць і ацэньваюць уздзеянне ўжытага алкаголю на чалавека. Так, пры невялікай колькасці ўжывання спіртное злёгка ахмяляе чалавека, што даводзіцца ў выніку самапазнання: *кружыць/круціць у галаве – Градусы ёсьць, кружыць у галаве ладна* (Ю-1974: 55). Затым чалавек п'янее, хмель ап'яняе і адурманьвае: *біць па галаве* (Л-2008-1: 108), *стукнуць у галаву* (Л-2008-2: 468), *удараць у галаву* (Л-2008-2: 552), што перададзена

ўжо праз фізічнае дзеянне з галавой, якая з'яўляецца сімвалам розуму чалавека, метанімічна прадстаўляе самога чалавека, таму такое дзеянне дазваляе ацаніць вынік ужывання алкаголю і стан чалавека: *Неўзабаве верамейкаўцы зрабіліся п'яныя – хоць Хвядос і разбаўляў спірт у Дзяржынкі адзін да трох, але і гэта прапорцыя моцна біла па галаве...* (І. Чыгрынаў).

У ФА адлюстраваны і такія тып уздзеяння алкаголю на чалавека, як немагчымасць гаварыць, ці вобразна перададзена страта маўленчых здольнасцей: *язык не варочаецца і языком не варочаць*, дзе язык метафарычна асэнсоўваецца як самастойны орган маўленчага апарата, які не дзейнічае як гэта звычайна пры маўленні чалавека: *Ні чынай, у яго ж, відзіш, язык ні варочыіцца* (Ю-1977: 207). Яшчэ адно ўздзеянне алкаголю на чалавека – гэта адсутнасць звычайнай роўнай яго хады (*выдзелываць крындзялі*), дзе хадзьба чалавека зігзагамі метафарычна прыпадабняецца да адметнага дзеяння чалавека – вырабу вітой булкі – крэндзеляў, якія па форме нагадваюць лічбу 8: *Відзіш, у абнімку выдзелывыюць крындзялі, нейдзе пыдвыпілі, нылізалися* (Ю-1972: 109). А яшчэ гэта даводзіцца праз метафарычны вобраз слупа, які, перабягае дарогу п'янаму і «мяшае» ісці, ехаць роўна, і ФА-сказ *слуп дарогу перабег* (Л-2008-2: 419) скарыстоўваецца найперш для выражэння іроніі да п'янага чалавека, які не можа рухацца па прамой лініі: – *Як так разбіў? – пасля кароткага здранцвення працверазела Надзя. – Нажэрся, мабыць, слуп яму дарогу перабег...* (І. Капыловіч), ці перададзена праз прыкмету няроўнага руху чалавека на аснове фразеалагізацыі параўнання з перамышчэннем па няроўным полі бараны – *як барана ісці 'няроўна, хістаючыся'*: *Ці табе ні стыдна праз усю вёску ісьці як барана* (Д-2020: 33). А яшчэ вынікам п'янства з'яўляецца ўвогуле магчымасць страціць здольнасць нармальна паводзіць сябе – *адпіць мазгі* (Л-2008-1: 72). Поўная дэмаралізацыя чалавека прыпадабняецца да адпівання мазгоў з улікам таго, што мазгі – прызнаны сімвал розуму, разумовай дзейнасці і нармальных паводзін: *Ты, бацька, часам хоць і вып'еш, але ні сям'і, ні работы не цураешся, а маё гора [муж]... Зусім мазгі адпіў. Яго ўжо нідзе на работу не бяруць* (І. Капыловіч).

Акрамя таго, у фразеалогіі беларусаў звернута ўвага на з'яўленне на твары некаторых людзей чырвоных круглых плям як выніку ці паказчыка ўжывання спіртнога – *навыкідала ў яблыкі каго: Васіль учора перапіў, то зноў у яблыкі навыкідала* (Д-2020: 592).

І заключае пералік наступстваў ужывання алкаголю вобразнае абазначэнне магчымасці міжвольнага выкідвання зместу страўніка праз рот у выніку раздражнення слізістай алкаголем: *ездзіў у Рыгу* (Л-2008-1: 415), *паехаў/з'ездзіў у Рыгу* (Д-2020: 447) і *казлы драць/дзерці* (Л-2008-1: 388) як прастамоўных вобразных адзінак мовы для эмацыянальна-вобразнага абазначэння наступства як выніку моцнага ап'янення і для выражэння неадабральных адносін: *Потым ездзіў двойчы ў "рыгу", а назаўтра ўстаў з пахмелля – праклінае Антак "зелле"* (К. Крапіва); *Стораж станавога.. бачыў і пісара з пісарыхай, і правадыра з сабакам, як каля паркана ўсёй кампаніяй, шануючы вас, казлы дзёрлі* (Ядвігін Ш.).

А яшчэ гэта выражэнне адносін і характарыстыка чалавека на наступны дзень пасля ўжывання спіртнога: *гараць буксы* ‘вельмі моцна хочацца піць (пасля выпіўкі, п’янкi, перапою’) (Д-2020: 59), дзе ў жартоўнай форме і на аснове тэхнічнай метафары назіраецца прыпадабненне неадольнага жадання выпіць да гарэння буксы, каб заглушыць гэты ўнутраны жар, і дзе кампанент *гарэць* суадносіцца з агнём і яго ўздзеяннем. Вобраз ФА суадносіцца з дзейнасным кодам культуры, з тым, што абазначае асобнае дзеянне, уяўленне чалавека пра яго і яго адносіны (*Гараць буксы пасля ўчарашняга. Мусі, трэба схадзіць на піва, заліць*).

Як відаць, у беларускай фразеалогіі выяўлены асноўныя паказчыкі як вобразныя абазначэнні ўспрымання спіртных напояў, уздзеяння алкаголю і яго вынікаў на чалавека і адпаведна характарыстыкі і ацэнкі чалавека праз гэтыя дзеянні.

Асабліва колькасна прадстаўлены ФА, што вызначаюць розныя прыкметы ўжывання спіртнога як дзеяння ці стану чалавека, даюць характарыстыку і выражаюць ацэнку колькасці, меры і ступені дзеяння, спосабам такога дзеяння чалавека і адпаведна вызначаюць, колькі, як, якім чынам, у якім стане і інш., і даводзяць важнасць для беларусаў паказаць свае адносіны да гэтага. І такіх выяўлена яшчэ амаль 100 ФА.

Так, звернута ўвага найперш на высокую ступень праяўлення такой прыкметы, паказчыка выпівання, як паху гарэлкі, перагару ад чалавека, што напіўся ці піў многа: *як з бочкі* нясе, несла (Л-2008-1: 133), *як з бражніка* нясе (Д-2020: 57), *як з бровара шылавіцкага* нясе (Д-2020: 57), дзе народнымі вобразамі-эталонамі абраны бочка як вялікая ёмкасць: *Вочы яго былі ўжо, як у салавейчыка, а з губы нясло як з бочкі* (Я. Колас), бражник як яшчэ большы посуд для брагі як пітва дамашняга вырабу з хмелем і цукрам: *Нашто ты піў гэту гарэлку, ціпер нясе як з бражніка* (Д-2020: 57) ці бровар як найменне вінакурнага завода: *Ну баба, нацюкакалася, нясе як з бровара шылавіцкага* (Д-2020: 57), дзе прыметнік *шылавіцкі* ← ад назвы вёскі Шалавічы. Гіпербалічны прыём пры ўтварэнні ФА на аснове фразеалагізацыі параўнальных зваротаў абавязаны пазнанню чалавекам вырабу, утрымання спіртных напояў у вялікай колькасці для асуджэння, незадавальнення чалавекам, які шмат ужыў спіртнога.

Большасць прыслоўных ФА прадстаўляе вобразнае ўяўленне, дае характарыстыку і вызначае ацэнку колькаснага вымярэння налівання, ужывання і інш. Так, дзве ФА, што ўзніклі, мяркуем, у асяроддзі заўзятых аматараў выпівання, служаць для жартоўнага абазначэння дастатковай і жаданай меры колькасці налівання спіртнога ў чарку ці больш звычайна ў шклянку: *з руб у руб* ‘вельмі поўна, да самага верху’ (Д-2020: 434) і *па Марусін паясок* ‘амаль да самага верху (шклянкі, чаркі), крыху няпоўна (наліваць, выпіваць і пад.)’ (Л-2008-2: 202). Напрыклад: – *Налі паўней. Хоць па Марусін паясок, – стары паказаў шызаватым пазногцем на ружовую палоску на шклянцы* (Л. Левановіч).

Яшчэ дзве ФА служаць вобразнаму абазначэнню невялікай колькасці выпівання: *па грамульцы* (Д-2020: 156) ці меры давання: *на карэньчыкі* (М-К-1972: 156). Апошняя абавязана наяўнасці адметнага віду спіртнога для аматараў выпіць: гэта настойка на карэннях аеру, валяр'яны і іншых лекавых раслін, якая прымяняецца ў народнай медыцыне. Напрыклад: *Вып'ям па грамульцы. Нічога ні зробіцца* (Д-2020: 156).

Названыя чатыры ФА выяўляюць і завяршаюць станоўчую ацэнку колькасці налітага ці выпітага, дадзенага чалавеку, бо ўсе астатнія прыслоўныя ФА характарызуюць высокі колькасны паказчык ці прыкмету дзеяння чалавека ў рознай ступені яе праяўлення, пры гэтым вызначаюцца адметнымі спалучэннямі з дзеясловамі-суправаджальнікамі і негатыўнай канатацыяй.

Так, адны з іх аб'яднаны агульным значэннем 'вельмі многа (піць)' як характарыстыка дзеяння па ўжыванні напояў: *як/што ў бочку, як/што ў бяздонную бочку* (Ю-1977: 245), *як у бочку ліць* (Д-2020: 256), дзе сродкам вымярэння абраны народны вобраз-эталон бочка, які метафарычна абазначае і чалавека, што многа п'е: *П'ець як у бочку, як у яго трібухі выдзержываюць* (Ю-1977: 245); другія – значэннем 'многа і часта': *як цэмент воду цягнуць – Міця Падлесны цягне гэту гару як цэмент воду* (Д-2020: 559) – на аснове параўнання з цэнтам, які для ўтварэння раствору патрабуе многа вады; трэція – 'многа і прагна': *як вуж піць і пад.* (Д-2020: 108), *як жаба да гразі/мулу дабрацца, дапасці і пад.* – *Дабраўся дзесьці да воткі як жаба да гразі* (Д-2020: 194).

Больш колькасна прадстаўлены прыслоўныя ФА для вызначэння рознай ступені і меры выпівання ці ап'янення. Гэта найперш ФА, якія ўжываюцца ў спалучэнні з суправаджальнымі дзеясловамі *напіцца, набрацца* і аб'яднаны значэннем 'празмерна, залішне': *як Валера Вацеў* (Д-2020: 71), *як дурны мыла* (Д-2020: 183), *як жаба ілу/калу/мулу* (Д-2020: 194), *як каморнік, як рамізнік, як шавец* (С-1991: 92), *як кот маслянкі* (Д-2020: 269), *як Мурза маслянкі/жому/заціркі/кішак/костак* (Д-2020: 327), *як свіння брагі* (Д-2020: 473), *як свіння мыла* (Д-2020: 474), *як шавец* (Д-2020: 577), *як шавец на Божса цяля* (Д-2020: 577), *як/што жаба гразі* (Л-2008-1: 420), *як/што свіння гразі* (Ю-1977: 243), *як цэп* (Д-2020: 559).

Да папярэдніх далучаем дыялектныя ФА з тым жа значэннем, але з нерэальнымі вобразамі і гіпербалічным прыёмам утварэння: *аж бацвінне/бурак праз вушы лезе* (Д-2020: 60), *аж праз вушы лезе* (Д-2020: 141), якія даводзяць дадатковую інфармацыю пра гарэлку, вырабленую з буракоў (дыял. лексема *бурачанка*), пра высокую меру выпітага, а яшчэ сваімі вобразамі іронію і негатыў да такой прыкметы дзеяння і адпаведна яго выканаўцы: *Рая была ў Якубовічах, напілася бурачанкі аш бурак праз вушы лезя* (Д-2020: 60).

Некалькі ФА вызначаюць найвышэйшую меру, называюць мяжу выпівання спіртнога і аб'яднаны агульным значэннем 'вельмі моцна, да стану бессвядомасці (напіцца)': *да божай моцы напіцца* (С-1991: 77), *да парасячага піску/віску* (Л-2008-2: 220), *да парасячага/свінскага/свінячага піску* (Д-2020: 392), *да ўсрачкі* (Д-2020: 531), *да чорцікаў* (Л-2008-2: 657), *у доску* (Ю-1977: 125).

Але незалежна ад колькаснай меры выпівання спіртнога і ступені ап'янення ўсе папярэднія прыслоўныя ФА з колькасным паказчыкам ужывання спіртнога выражаюць негатыў, асуджэнне, знявагу да гэтай прыкметы ці такога паказчыка, асабліва праз параўнанне з пэўнымі людзьмі (*Валера Вацеў, Марцін*), што вызначыліся гэтым у пэўнай мясцовасці, ці (*каморнік, рамізнiк, шавец*) сталі прызнанымі народнымі вобразамі-эталонамі вымярэння ўжывання спіртнога і стану п'янага, з прадстаўнікамі жывёльнага свету (*кот, жаба, Мурза, свiння* як заамарфізмамі, як вобразамі-эталонамі негатыву на аснове сімвалікі лексем) і далучанымі да іх злых духаў (*чорцікі*) ці праз вызначэнне абранай мяжы-эталона, стэрэатыпа для адмоўнай ацэнкі праз прыкмету (піск, візг) свiннi, найменне дошкі, цэпу і інш.

Адметную групу складаюць прыслоўныя ФА, што могуць спалучацца не толькі з дзеясловамі, але і з прыметнікам *п'яны* і служаць для вызначэння высокай ступені ці меры – ‘вельмі моцна (п'яны, напівацца і пад.)’ – і негатыўнай ацэнкі такой з'явы ці таго, хто так напіваецца: *у дрызіну* (Л-2008-1: 390), *у дрызіну/дыміну/дрызк/дым* (Ю-1977: 125), *у дрысь* (Д-2020: 177), *у дым*, *у дыміну* (Л-2008-1: 411), *як гразь* (Л-2008-1: 322), *як мара* (Д-2020: 313), *як свiння* (Л-2008-2: 380), дзе найбольш экспрэсіўна-эмацыянальнымі выступаюць кампаратыўныя адзiнкi, у якіх праз параўнанне вызначаюцца стэрэатыпы, што даносяць пазнанне чалавека і адначасова выражаюць негатыўную ацэнку ў народных вобразах-эталонах з дымам, дрызінай, гразю, марай, свiннiй і інш.: *А Міхась Крываносiк дык прыйшоў дадому п'яны як гразь ды ўсе гаршкі паматлашыў* (К. Крапіва).

Асобныя ФА як вобразныя сродкі вызначэння меры і ступені ап'янення чалавека, што і адзначана пры іх фразеаграфічнай апрацоўцы, можна падзяліць на тры групы:

1) ФА са значэннем ‘у стане лёгкага ап'янення’: *на падпiтку* (Л-2008-2: 142), *на шафэ* (Д-2020: 579), *пад газам* (Л-2008-1: 278), *пад мухаю* (Ю-1974: 209), напрыклад: *Ён прызджаў. Бачу, ён на падпiтку, і не падышоў да яго* (Я-1968: 241);

2) ФА са значэннем ‘у стане моцнага ап'янення’: *на брывах* (Л-2008-1: 151), *на вушах* (Л-2008-1: 225), напрыклад: *Гэтым разам падпiтак сярэдні, і з Генкам можна гаварыць, бо калі прыходзіў на вушах, то, акрамя лаянкі, ад яго нічога не дачакаешся, чалавечыя словы да яго не даходзяць* (Л. Арабей);

3) ФА без указання стану ап'янення, яго градацыі: *на ўзводзе* (Л-2008-2: 557), *пад газам* (Л-2008-1: 278), *пад градусам* (Л-2008-1: 321), *пад мухай* (Л-2008-2: 53), *пад п'яную руку* (Л-2008-2: 341), *пад хмяльком* (Л-2008-2: 611), *пад чаркай* (Л-2008-2: 610), *пад шафэ* (Л-2008-2: 667), напрыклад: *Марцін жа перад тым наведася к суседу, там выпіў як належыць, закусіў, ну і на ўзводзе быў, вядома* (У. Корбан).

Аналіз усіх гэтых ФА паказвае, што адна і тая ж ФА ў розных крыніцах можа адносіцца да розных груп (гл., напрыклад, *пад мухай*), не заўсёды дакладна вызначаецца іх семантыка. Так, ФА *пад хмяльком* ці *пад чаркай*

(Л-2008-2: 610) яўна прэтэндуе на аднясенне да ліку ФА першай групы, што відавочна адносна ўжывання, напрыклад: *Васіль вяртаўся пад хмяльком дамоў, але з дарогі збіўся ды, прамінуўшы дом, у двор суседні заблудзіўся* (М. Скрыпка).

Сярод прыслоўных выдзяляюцца ФА як вобразныя абазначэнні разнастайных спосабаў выпівання спіртнога. Гэта такія прыкметы, як лёгка: *як за сябе закінуць* (Л-2008-1: 449), проста, без цяжкасці: *за адну шчаку* (Л-2008-2: 675), *адным духам* (Л-2008-1: 397), аднолькава з кім-небудзь, не ўступаючы каму-небудзь: *чарка (-у) у чарку піць* (Л-2008-2: 639), ахвотна і многа: *без пальцаў* (Л-2008-2: 171), запоем: *без просыпу* (Д-2020: 403), з правам дружыць і звяртацца адзін да другога на «ты»: *на брудэришафт* (Л-2008-1: 150), за чый-небудзь кошт: *на дурніцу/дурнічку* (Л-2008-1: 394), *выпіць на дурніцу/дурачка* (М-К-1972: 46). Амаль усе яны маюць празрыстую матывацыю, акрамя ФА *без пальцаў*, якая абавязана метафарызацыі свабоднага выраза, што скарыстоўваецца для абазначэння прыкметы напоя цяляці, якое само, без пальцаў гаспадыні п'е пойма. І такія падтэкст ФА ўносіць негатыў, служыць для высмейвання чалавека, які з ахвотай і многа, як скаціна, п'е спіртное.

У беларускай фразеалогіі даецца найменне і негатыўная характарыстыка самога чалавека праз створаныя вобразы, адабраныя кампаненты: *бяздонная бочка* 'чалавек, які можа, не п'янеючы, выпіць шмат спіртнога' (Л-2008-1: 132), *не дурань* 'вялікі аматар, ахвотнік (выпіць, паесці і пад.)' (Л-2008-1: 394), *горла смяляное* 'хто-н. любіць вельмі часта і многа выпіць, напіцца (спіртнога)'; 'п'яніца' (Д-2020: 153), *горла шкляное* 'хто-н. схільны да выпіўкі, п'яніца' (Д-2020: 153) і як *Бронька станілкава* 'аматар выпіць, схільны да п'янства' (Д-2020: 57), дзе такімі выступаюць *бочка, горла* з іх азначэннямі ці вобраз-эталон у параўнанні з вядомым у пэўнай мясцовасці п'яніцам Бронькам.

Сярод ФА, што характарызуюць і даюць прыкметы аматара выпіць ці ступені ўзроўня п'янага чалавека, маюцца супрацьлегласці: *лыка не вяжа* 'такі п'яны, што ледзь гаворыць' (Л-2008-1: 270), *як цэп* 'вельмі п'яны' (Д-2020: 559) і *ні ў адным воку* 'зусім, нікольні не п'яны' (Л-2008-1: 207). Да апошніх далучаем дзеяслоўную ФА *каплі ў рот не браць* 'не піць спіртнога' (Ю-1974: 33) і ФА-сказ *хоць бы ў адным воку* 'хто-н. зусім не п'яны' (Л-2008-1: 207). І калі ў першай ФА ўзровень ап'янення перададзены праз вобраз немагчымасці чалавекам нават лыка вязаць як самай простай работы ў мінулым ці праз параўнанне з цэпам як прыладай працы для малацьбы, у якой біч прымацаваны да цапільня-дзяржальна гужом, то ў процілеглых ФА такім паказчыкам выступае саматызм *вока* як квазісімвал ацэнкі рэчаіснасці і сродак пазнання чалавекам сябе праз самога сябе.

Такім чынам, аналіз ФА пра розныя акалічнасці ўжывання чалавекам спіртных напояў паказвае іх значную колькасць (амаль 200), вобразную разнастайнасць, структурныя і семантыка-граматычныя тыпы, з якіх найбольш тыя, што называюць дзеянне па ўжыванні спіртных напояў і вызначаюць яго

прыкметы, характарызуюць і ацэньваюць, асабліва звяртаючы ўвагу на колькасць і спосабы ажыццяўлення. Амаль усе ФА ілюструюць негатыў, служаць для выражэння неадабрэння, іроніі, насмешкі да чалавека, які ўжывае спіртныя напоі як адно з яго гастранамічных дзеянняў і шматлікіх прыкмет гэтага, асабліва колькаснага вымярэння – многа, вельмі многа, празмерна, да бессвядомасці, а таксама наступстваў такога дзеяння, менш для вобразнага азначэння чалавека з яго прыкметамі, схільнасцямі і пад. Толькі зрэдку выражаецца адабрэнне мінімальнай колькасці ўжывання спіртнога ці ўвогуле адсутнасць яго ўжывання.

ПРЫНЯТЫЯ СКАРАЧЭННІ КРЫНІЦ ФА

- Д-2020 – *Даніловіч, М. А.* Фразеалагічны слоўнік гаворак Гродзеншчыны / М. А. Даніловіч. – Гродна : ГрДУ, 2020. – 607 с.
- Л-2008-1 – *Лепешаў, І. Я.* Слоўнік фразеалагізмаў : у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2008. – Т. 1: А–Л. – 672 с.
- Л-2008-2 – *Лепешаў, І. Я.* Слоўнік фразеалагізмаў : у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2008. – Т. 2: М–Я. – 704 с.
- М-К-1972 – *Мяцельская, Е. С.* Слоўнік беларускай народнай фразеалогіі / Е. С. Мяцельская, Я. М. Камароўскі. – Мінск : БДУ, 1972. – 320 с.
- С-1991 – *Санько, З.* Малы руска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем / З. Санько. – Мінск : Навука і тэхніка, 1991. – 218 с.
- Ю-1972 – *Юрчанка, Г. Ф.* І коціца і валіца (Устойлівыя словазлучэнні ў гаворцы Мсціслаўшчыны) / Г. Ф. Юрчанка. – Мінск : Навука і тэхніка, 1972. – 288 с.
- Ю-1974 – *Юрчанка, Г. Ф.* І сячэ і паліць (Устойлівыя словазлучэнні ў гаворцы Мсціслаўшчыны) / Г. Ф. Юрчанка. – Мінск : Навука і тэхніка, 1974. – 296 с.
- Ю-1977 – *Юрчанка, Г. Ф.* Слова за слова (Устойлівыя словазлучэнні ў гаворцы Мсціслаўшчыны) / Г. Ф. Юрчанка. – Мінск : Навука і тэхніка, 1977. – 272 с.
- Я-1968 – *Янкоўскі, Ф. М.* Беларуская фразеалогія: Фразеалагізмы, іх значэнне, ужыванне / Ф. М. Янкоўскі. – Мінск : Выш. шк., 1968. – 451 с.

ЛІТАРАТУРА

1. *Лещинская, О. А.* Национальные представления о капусте в зеркале фразеологических образов / О. А. Лещинская // *Українські студії в європейському контексті* : зб. навук. праць. – Мелітополь, 2021. – Вып. 3. – 387 с. – С. 252–258.
3. *Лещинская, О. А.* Белорусские фразеологизмы с тропонимами животного происхождения: образы, оценка / О. А. Лещинская // *Когнитивные исследования языка* / гл. ред. Н. Н. Болдырев ; М-во науки и высш. обр. РФ, Рос. акад. наук, Ин-т языкознания РАН, ТГУ им. Г. Р. Державина, Рос. ассоц.

лингвистов-когнитологов. – М. : Ин-т языкознания РАН; Тамбов : Издат. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. – Вып. 2 (45) : Знаки языка и смыслов культуры : сб. науч. тр., посвящ. памятному юбилею В. Н. Телия / отв. ред. выпуска М. Л. Ковшова. – Тамбов : Издат. дом «Державинский», 2021. – 696 с. – С. 353–364.

4. *Ляшчынская, В. А.* Ці заўсёды салодкі мёд: нацыянальныя ўяўленні пра мёд у люстэрку вобразаў беларускіх фразеалагізмаў / В. А. Ляшчынская // *Известия ГГУ им. Ф. Скорины.* – 2021. – № 4(127). – С. 118–123.

5. *Ляшчынская, В. А.* Раслінныя трафонімы ў складзе фразеалагізмаў як транслятары культуры беларусаў / В. А. Ляшчынская // *Беларуская лінгвістыка.* – 2021. – № 86. – С. 10–18.

6. *Ляшчынская, В. А.* Культурна-моўная спецыфіка фразеалагізмаў-характарыстык ежы / В. А. Ляшчынская // *Весці БДПУ. Сер. 1, Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія.* – 2021. – № 2. – С. 69–73.

7. *Лещинская, О. А.* Голод не тётка. Образы фразеологизмов о состоянии голодного человека / О. А. Лещинская // *Українські студії в європейському контексті : зб. наук. праць.* – Мелітополь, 2021. – Вып. 4. – 387 с. – С. 127–135.

8. *Лещинская, О. А.* Знания и опыт человека: об употреблении спиртных напитков в белорусской фразеологии / О. А. Лещинская / *Когнитивная лингвистика: новые парадигмы и новые решения : сб. ст. / отв. ред. М. В. Пименова.* – М. : ИЯ РАН, 2011. – 896 с. – С. 244–250.

9. *Ляшчынская, В. А.* Адзін фрагмент фразеалагічнай карціны свету беларусаў: аб напоях і іх ужыванні // В. А. Ляшчынская // *Весн. Брэсц. дзярж. ун-та імя А. С. Пушкіна. Сер. 3, Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія.* – Брэст : БрДУ імя А. С. Пушкіна, 2012. – № 2. – С. 42–53.

10. *Лепешаў, І. Я.* Фразеалогія сучаснай беларускай мовы : вучэб. дапам. для філал. фак. ВНУ / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Выш. шк., 1998. – 271 с.

Поступила в редакцию 31.10.2022

ИССЛЕДОВАНИЯ ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКОВ

УДК 811.581'35

Филимонова Марина Сергеевна
кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры теории и практики
китайского языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Marina Filimonova
PhD in Pedagogy, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Theory and Practice of the Chinese Language
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
marinfill@yandex.ru

ИДЕОГРАФИЧНОСТЬ КИТАЙСКИХ ФОНЕТИКОВ

(на примере фонетиков 相 и 取)

**THE IDEOGRAPHIC NATURE
OF PHONETIC COMPONENTS IN A CHINESE CHARACTER**

(on the example of phonetic components 相 and 取)

В данной статье рассматривается структура фоноидеограммы в китайском языке, представлены степени реализации фонографичности фонетиков в китайских фоноидеограммах, а также описана функция идеографа как смыслового компонента. Автор осуществляет анализ этимологии иероглифических единиц 相 и 取, которые являются фонетиками, образующими целый ряд иероглифов, а также этимологический анализ всех иероглифов, входящих во фреймы «фонетик 相 (xiāng)» и «фонетик 取 (qǔ)». В результате анализа автор приходит к выводу о наличии высокой степени идеографичности фонетиков 相 и 取 в составе иероглифов, которые они образуют, а также о двойственности природы производного от фонетика 相 иероглифа 霜, который в большинстве иероглифов, образованных от него, выступает одновременно как фонетик и как идеограф.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *китайский язык; иероглиф; фонетик; идеограф; фрейм.*

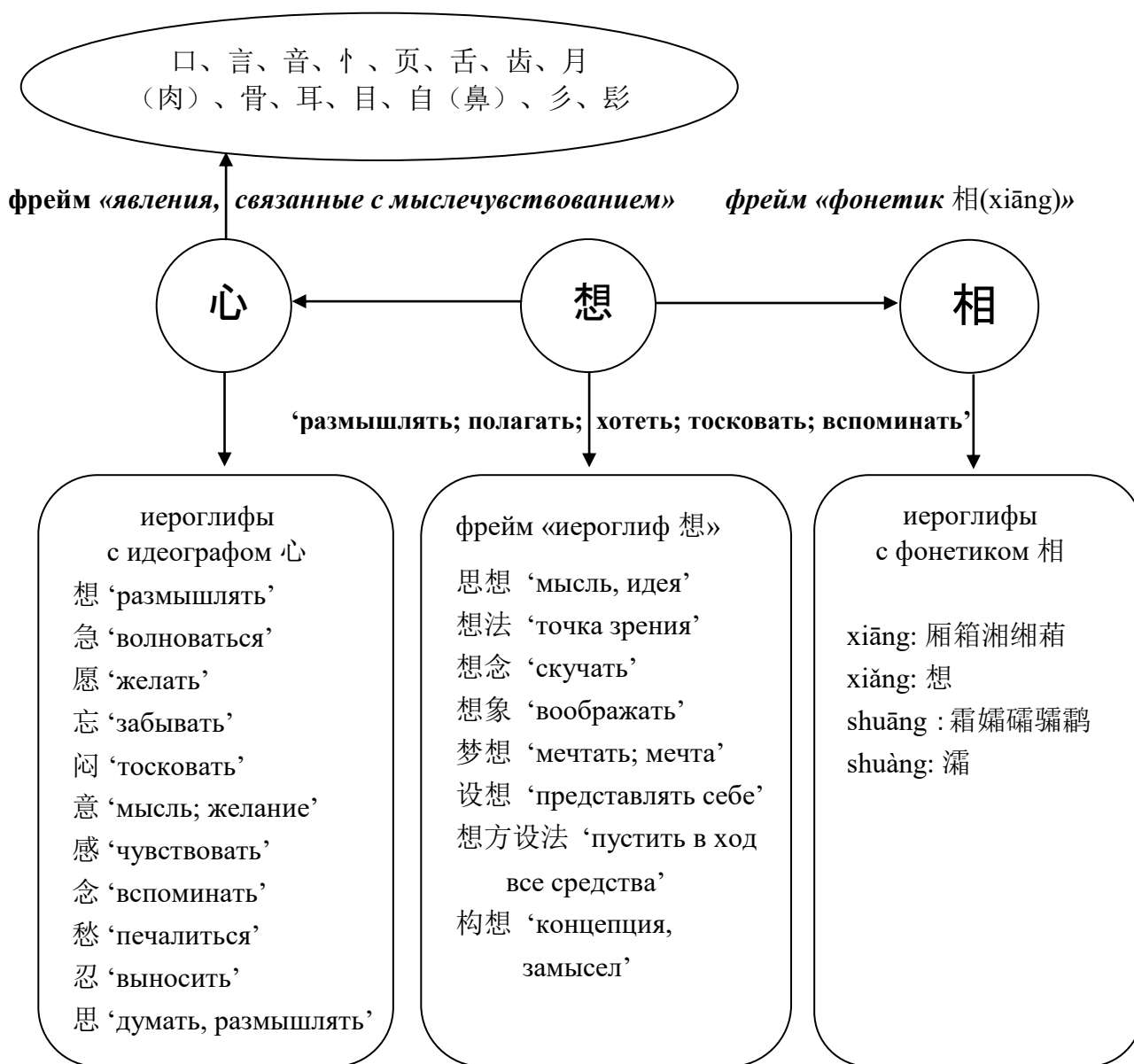
This article reveals the structure of the Chinese phonoideogram, the mechanism of realization of the phonographic nature of its phonetic component as well as the function of its ideographic component. The author defines the etymology of the hieroglyphic units 相、取, which are phonetic components of a series of Chinese characters, as well as the etymology of Chinese characters included in the frames “phonetic component 相 (xiāng)” and “phonetic component 取 (qǔ)”. The analysis demonstrates a high degree of realization of the ideographic nature of phonetic components 相、取 as well as the duality of nature of the Chinese character 霜, which acts both as a phonetic and ideographic component in the Chinese characters derived from it.

Key words: *Chinese language; character; phonetic component; ideographic component; frame.*

На современном этапе своего развития *фоноидеограммы* представляют собой основной пласт языковых единиц иероглифической системы китайского языка. Они состоят из двух компонентов: *фонетика*, передающего информацию о звучании иероглифа, и *идеографа*, передающего информацию о его значении [1; 2].

Например, иероглиф 想 (xiǎng), который имеет целый ряд значений: ‘размышлять; полагать; хотеть; тосковать; вспоминать’ состоит из идеографа 心 со значением ‘сердце’ и фонетика 相 со звучанием [xiāng]. Идеограф 心 выступает как гиперонимический маркер, относящий данное понятие к классу психических (духовных) концептов [3], которые представлены явлениями, связанными с мышлечувствованием. Он входит в состав иероглифов 想、厢、箱、湘、绡、箱、霜、孀、礲、灂、骠、鸮. Однако мы видим, что звучание иероглифа не на 100 % совпадает со звучанием фонетика 相, образующего его (рисунок).

мегафрейм «смысловая группа “Человеческие органы”»

Иероглиф 想

Несмотря на то, что в современном китайском языке иероглифы, относящиеся к данной категории, составляют более 80 %, фонографическая функция входящих в их состав фонетиков может быть довольно слабой: коэффициент фонографичности фонетиков, образующих 4000 общеупотребительных иероглифов, составляет лишь 54 % [4, с. 120]. Из 1325 фонетиков, входящих в состав 5631 единицы из «Списка общеупотребительных иероглифов современного китайского языка», лишь 37,51 % в своем чтении полностью совпадают с чтением иероглифа [5, с. 67]. В современном китайском языке выделяют различные степени совпадения звучания фонетика и фоноидеограммы [6], что обусловлено фонетическими и структурными изменениями, произошедшими в процессе развития китайского языка (табл. 1):

Т а б л и ц а 1

Степени фонографичности фонетика в фоноидеограммах
современного китайского языка

№	Степень совпадения			Пример
	инициаль	финаль	тон	
1	+	+	+	相(xiāng) — 厢(xiāng)
2	+	+	—	相(xiāng) — 想(xiǎng)
3	+	—	+	录(lù) — 绿(lǜ)
4	—	+	+	相(xiāng) — 霜(shuāng)
5	+	—	—	立(lì) — 垃(lā)
6	—	+	—	相(xiāng) — 灞(shuàng)
7	—	—	+	生(shēng) — 星(xīng)
8	—	—	—	也(yě) — 地(dì)他她(tā)

Фонологическая система китайского языка представлена различного рода когнитивными структурами, а именно фреймами, в качестве вершин которых выступают чтение данного фонетика и совокупность всех его вариантов чтения в иероглифах, отражающих различные степени совпадения его звучания и фоноидеограмм, в состав которых он входит. Таким образом, информация о фонетике и его вариантах звучания позволяет определить примерное звучание незнакомого иероглифа-фоноидеограммы.

При этом некоторые фонетики образуют два и более фрейма-системы, что обусловлено наличием нескольких чтений у самого фонетика либо процессом фонетического распада и эволюции языка.

Очень часто в одном иероглифе фонетик также имеет значение, которое проявляет в иероглифе логическую взаимосвязь с семантическим компонен-

том. Это обусловлено тем, что он этимологически ведет свою историю от пиктограммы. Значение всего знака оказывается мотивированным значениями его составляющих. Так, анализ этимологии иероглифической единицы 相 показал, что изначально, в глубокой древности, этот иероглиф был чистой идеограммой, значение слагалось из совокупности значений ее компонентов: 木 ‘дерево’ + 目 ‘глаз’ = 察看; 仔细看 ‘всматриваться, разглядывать’, а более конкретно: ‘смотреть на дерево’. У других исследователей ‘забраться на верхушку дерева и смотреть вдаль’ (в цзягувэнь графема 目 ‘глаз’ сдвинута и помещена поверх графемы 木 ‘дерево’).

Во фрейм «фонетик 相 (xiāng)» входят следующие иероглифические единицы: 想 (xiǎng) ‘думать, мыслить, размышлять’, 厢 (xiāng) ‘боковая пристройка, флигель’, 箱 (xiāng) ‘ящик, чемодан, сундук’, 湘 (xiāng) ‘река Сянцзян; провинция Хунань; варить’, 绡 (xiāng) ‘светло-желтый; *устар.* светло-желтая шелковая ткань’, 箱 (xiāng) (в сочетании 青箱) ‘целозия серебристая’, 霜 (shuāng) ‘иней; покрытый инеем’. Далее иероглиф 霜 (shuāng) становится вершиной фрейма «фонетик 霜 (shuāng)», в который входят следующие иероглифы: 孀 (shuāng) ‘вдова; вдовий’, 霜 (shuāng) ‘триоксид мышьяка, белый мышьяк в порошке’, 灑 (shuàng) ‘завянуть и осыпаться; зачахнуть; прийти в упадок’, 驪 (shuāng) (в сочетании 驪驪) ‘добрый скакун, хороший (резвый) конь’, 鸛 (shuāng) (в сочетании 鸛鸛) ‘дикий гусь (особый вид, с зеленым оперением); миф. сушуан, феникс Западного сектора неба; Запад’. На примере данного фрейма можно увидеть, что реализуются 1, 2, 4 и 6 степени совпадения звучания иероглифа и фонетика.

Анализ идеографичности фонетика 相 в составе иероглифов, входящих в его фрейм, показал следующее (табл. 2):

Т а б л и ц а 2

Анализ степени идеографичности фонетика 相

№	Иероглиф	Значение иероглифа	Компонентный состав	Комментарий
1	想	‘думать, мыслить, размышлять’	心 ‘сердце; разум, интеллект; мысль’ + 相 ‘всматриваться, разглядывать’	本义: 想念; 怀念; 羡慕 Всматриваться, разглядывать посредством разума, мысли, то есть размышлять
2	厢	‘боковая пристройка, флигель; производное: ложа вагон; кузов (машины)’	厂 ‘навес’ + 相 ‘всматриваться, разглядывать’	本义: 东西廊 Галерея, веранда, терраса, располагающаяся с востока на запад. В ней можно было отдыхать, спрятавшись от дождя и солнца и любоваться пейзажем (разглядывать, всматриваться вдаль)

3	箱	‘ящик, чемодан, сундук’	竹 ‘бамбук’ + 相 ‘всматриваться, разглядывать’	Исследовательский интерес вызывает модель вариативности 箱——厢, где оба иероглифа данной пары являются взаимозаменяемыми в следующем значении / 本义: 厢房, 古代居室前堂两旁的房屋 (флигель; крытая комната) В нем/ней можно было отдыхать, спрятавшись от дождя и солнца и любоваться пейзажем (разглядывать, всматриваться вдаль)
4	湘	‘река Сянцзян; провинция Хунань’	氵 ‘вода’ + 相 ‘всматриваться, разглядывать’	В древнем изображении (金文) 相 располагался над 水(водой): угол зрения, как будто человек сидит на берегу и всматривается в речные воды
5	緡	‘светло-желтый; устар. светло-желтая шелковая ткань’	糸 ‘шелковинка (выделяемая гусеницей шелкопряда); шелковинка (нитка) некрученая’ + 相 ‘всматриваться, разглядывать’	本义: 帛淺黃色 (цвет молодого тутового листа) В словаре «Шовэнь цзецзы» в иероглифе слева элемент 糸 выглядит как нить шелкового шелкопряда, а справа от нее + 相 ‘всматриваться, разглядывать’ = ‘рассматривать нить тутового шелкопряда’ ‘цвет молодого тутового листа’ ‘светло-желтый; устар. светло-желтая шелковая ткань’
6	蒨	(в сочетании 青蒨) ‘целозия серебристая’	艹 ‘трава’ + 相 ‘всматриваться, разглядывать’	Согласно «Словарю Канси» (составленному при императоре Канси (в 1710–1716 гг.), целозия серебристая – однолетнее травянистое растение с оригинальной формой листочков и цветками бледно-красного цвета. Данное растение в Древнем и Средневековом Китае считалось декоративным, то есть предназначенным для любования.
7	霜	‘иней; покрытый инеем’, переносное: 1. ‘серебристо-белый цвет; седой;’ 2. ‘справлять траур; носить траур по (кому-л.)’; 3. серебристый налет, белый пушок (на фруктах); пудра, порошок	雨 ‘дождь’ + 相 ‘всматриваться, разглядывать’	Влага (дождь), выпадающая на землю в виде инея красива, дает возможность и вызывает желание ее разглядеть, внимательно всмотреться

8	孀	‘вдова; вдовый’	女 ‘женщина’ + 霜 ‘справлять траур; носить траур по (кому-л.)’	Женщина, которая справляет траур (по мужу)
9	礪	‘триоксид мышьяка, белый мышьяк в порошке’	石 ‘камень; минерал’ + 霜 ‘серебристый налет, белый пушок (на фруктах); пудра, порошок’	Минерал в виде белого порошка
10	灑	‘завянуть и осыпаться; зачахнуть; прийти в упадок’	灑 ‘вода’ + 霜 ‘серебристый налет, белый пушок (на фруктах); пудра, порошок’	Возможно, то, что испорченное, лишённое воды, осыпавшееся (как о растении, которое зачахло без воды)
11	驕	(в сочетании 驕驕) ‘добрый скакун, хороший (резвый) конь’	馬 ‘конь’ + 霜 ‘серебристо-белый цвет; седой’	Возможно, конкретный резвый конь был белой масти
12	鵝	(в сочетании 鵝鵝) ‘дикий гусь (особый вид, с зеленым оперением); миф. сушуан, феникс Западного сектора неба; Запад’	鳥 ‘птица’ + 霜 ‘серебристо-белый цвет; седой’	本义: ‘миф. сушуан, феникс Западного сектора неба; Запад’. На западе Китая – высочайшие горные вершины Азии. Холодные снежные вершины определили и символический цвет Запада в мифологическом сознании китайцев – белый.

Таким образом, мы видим, что фонетик 相 обладает высокой степенью идеографичности в составе иероглифов, которые он образует. Более глубокий анализ этимологических значений его составных компонентов позволил прийти к выводу, что производный от него иероглиф 霜 имеет двойственную природу: в ряде иероглифов он выступает одновременно как фонетик и как идеограф.

Во фрейм «фонетик 取 (qǔ)» входят следующие иероглифические единицы: 取 (qǔ) ‘брать, забирать’, 娶 (qǔ) ‘брать в жены’, 趣 (qù) ‘интерес; устремление; поставленная перед собою цель’, 聚 (jù) ‘собираться (вместе); сосредотачиваться; собирать вместе’, 諏 (zōu) ‘обсуждать, совещаться, консультироваться’, 鰕 (zōu) ‘мелкая рыбешка, сорная рыба, непромысловые виды рыб; мелкий (ничтожный) человек; мелочь, ничтожество’, 隄 (zōu) ‘угол; окраина; подножие (горы); поселение’, 藪 (zōu, zān, chù, cuán) ‘волокна стеблей растений; густая трава; густые заросли’, 緋 (zōu) ‘красно-коричневый цвет; светло-лиловый, бледно-вишневый цвет’. На примере данного фрейма можно увидеть, что реализуются 1, 2, 6 и 8 степени совпадения звучания иероглифа и фонетика.

Согласно некоторым словарям в данный фрейм входит иероглиф 最 (zuì) ‘очень, чрезвычайно; самый; лучше всего, в высшей степени’. Однако данный иероглиф относится к категории чистых идеограмм, в которых оба компонента (в данном случае 冂, 取) – идеографы. Этимологическим значением данного иероглифа является 取 + 冂 ‘взять, завладеть’ + ‘несмотря ни на что’. В современном китайском языке данное значение развилось в понятие в ‘в высшей степени’.

Анализ этимологии иероглифической единицы 取 показал, что изначально в глубокой древности, этот иероглиф был чистой идеограммой, значение слагалось из совокупности значений ее компонентов: 又 ‘ладонь’ + 耳 ‘ухо’ = ‘отрезать ухо рукой’, а более конкретно: ‘поймать дикого зверя или захватить военнопленного и отрезать у него ухо’. Данное значение обусловлено исторически: в древнем Китае во времена войн подсчет убитых врагов и вклад в победу над вражеской армией определялся количеством голов или левых ушей, отрезанных у трупов вражеских солдат. То есть подразумевается обобщенное значение ‘брать силой, покорять кого-то (что-то), овладевать’ в современном китайском языке иероглиф 取 (qǔ) ‘брать, забирать’ сохранил этимологическое значение, правда, без конкретизации.

Анализ идеографичности фонетика 取 в составе иероглифов, входящих в его фрейм, показал следующее (табл. 2):

Т а б л и ц а 2

Анализ степени идеографичности фонетика 取

№	Иероглиф	Значение иероглифа	Компонентный состав	Комментарий
1	娶	‘брать в жены’	女 ‘женщина’ + 取 ‘брать силой, покорять’	И в древнем, и в средневековом Китае, а также вплоть до XX в. (в некоторых регионах и в наши дни) существовала традиция насильно выдавать дочь замуж
2	趣	‘интерес; устремление; поставленная перед собою цель’ Этимологическое значение ‘быстро, торопиться, побуждать’	走 ‘направляться, устремляться’ + 取 ‘брать силой, покорять’	Здесь: интерес – это то, к чему стремишься душой и телом, устремляешься, чтобы овладеть
3	聚	‘собираться (вместе); сосредотачиваться; собирать вместе’	(人+人+人) ‘три человека, т.е. много людей’ + 取 ‘брать силой, покорять’	Здесь: насильно собрано вместе много людей
4	讵	‘обсуждать, договариваться, совещаться, консультироваться’	言 ‘язык, речь, разговор’ + 取 ‘брать силой, покорять’	Здесь: с помощью языка, разговора овладеть ситуацией, т.е. договориться

5	𩺰	мелкая рыбешка, сорная рыба, непромысловые виды рыб; мелкий (ничтожный) человек; мелочь, ничтожество'	魚 'рыба' + 取 'брать силой, покорять'	Здесь: схватить рыбу, т.е. она становится «пленником», более низким по социальному статусу созданием, чем-то ничтожным. Также служит для выражения уничижительного отношения к самому себя и другим людям
6	隄 (традиц. вариант 隄)	'угол; окраина; подножие (горы); поселение'	阜 'холм' + 取 'брать силой, покорять'	Здесь: насильно собрано много людей у подножия холма, на окраине государства (в древнем Китае часто поселения образовывались на недавно покоренных территориях на дальних рубежах, где проживали гарнизоны и их семьи для охраны границ)
7	藪	'волокна стеблей растений; густая трава; густые заросли'	艸 'трава, заросли' + 取 'брать силой, покорять'	Одно из этимологических значений: рогожка, циновка из трав. Можно вывести, что травы были сорваны против их воли и из них сделана циновка.
8	緋	'красно-коричневый цвет; светло-лиловый, бледно-вишневый цвет'	糸 'шелковинка (нитка) некрученая' + 取 'брать силой, покорять'	Можно вывести значение: травы, волокна цвета крови, как цвета поверженных врагов на войне

Таким образом, мы видим, что фонетик 取 обладает той или иной долей идеографичности в составе иероглифов, которые он образует.

Идеографичность фонетика может быть выявлена путем более глубокого анализа этимологических значений его составных компонентов, все из которых имеют пиктографическую природу.

Очевидно, что нецелесообразно выделять в структуре китайского иероглифа фонетические компоненты, противопоставляя их идеографическим, вследствие того, что фонетические компоненты обладают этимологически обусловленной идеографичностью. При этом степень идеографичности фонетика варьируется в рамках знаков, в состав которых он входит.

В отличие от буквенных языков, где сначала возникает связь графического образа знака с его фонетической составляющей, и затем только осуществляется переход к семантической составляющей, в иероглифических языках связь графических характеристик знака с его значением намного сильнее, чем со звучанием [7; 8; 9]. В процессе декодирования иероглифа осуществляется прямой переход к семантической составляющей (пониманию значения графической информации) без ее озвучивания, выпадение одного из трех звеньев процесса опознания малознакомой/незнакомой иероглифи-

ческой единицы/информации ускоряет и облегчает процесс ее понимания (осмысления). Что, возможно, и объясняется большой степенью идеографичности всех компонентов иероглифа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Готлиб, О. М. Основы грамматики китайской письменности / О. М. Готлиб. – М. : АСТ: Восток–Запад, 2007. – 284 с.
2. Кондрашевский, А. Ф. Практический курс китайского языка: пособие по иероглифике : в 2 ч. / А. Ф. Кондрашевский. – М. : АСТ: Восток–Запад, 2009. – Ч. 2. – 102 с.
3. Сапегина, И. А. Концепт сердце как доминанта эмоциональной картины мира в русском языке в зеркале китайского языка : автореф. ... дис. канд. филол. наук : 10.02.01 / И. А. Сапегина ; Гос. ин-т. русск. яз. им. Пушкина. – М., 2011. – 21 с.
4. 李大遂。简明实用汉字学 = Ли Дасуй. Практическая китайская грамматология. Пекин / 李大遂。 – 北京 : 北京大学出版社, 2003。 – 315 页。
5. 张静贤。汉字教程 = Чжан Цзинсянь, Лян Яньминь, Чжао Лэй. Китайская письменность / 张静贤, 梁彦民, 赵雷。 – 北京 : 北京语言大学出版社, 2004。 – 174 页。
6. 对外汉语教学研究 = Исследования в области методики преподавания китайского языка как иностранного / 孙德金主编。 – 北京 : 商务印书馆 2006。 – 481 页。
7. Коршунов, Д. С. Модели чтения и единицы чтения: поиск универсального / Д. С. Коршунов // Вестн. Воен. ун-та. – М., 2011. – № 4 (28). – С. 60–67.
8. Коршунов, Д. С. Общее и специфическое в буквенном и иероглифическом чтении: экспериментальное исследование / Д. С. Коршунов // Вестн. Череповец. гос. у-та. – Череповец, 2012. – № 1 (36). – Т. 1. – С. 71–76.
9. Коршунов, Д. С. Психолингвистические модели чтения в буквенных и иероглифических языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Д. С. Коршунов ; ФГБОУ ВПО Моск. гос. лингв. ун-т. – М., 2012. – 24 с.

Поступила в редакцию 17.10.2022

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 811.161.3

Дзігадзюк Валянціна Паўлаўна
выкладчык кафедры замежных моў
і методыкі выкладання замежных моў
Мазырскі дзяржаўны педагагічны
ўніверсітэт імя І. П. Шамякіна
г. Мазыр, Беларусь

Valentsina Digadyuk
Lecturer at the Department of Foreign Languages
and Methods of Teaching Foreign Languages
Mozyr State Pedagogical University
named after I. P. Shamyakin
Mozyr, Belarus
Valya.digadyuk@mail.ru

КАТЭГОРЫІ ПРАСПЕКЦЫІ І РЭТРАСПЕКЦЫІ
Ў ПРОЗЕ У. ГНІЛАМЁДАВАCATEGORIES OF PROSPECTION AND RETROSPECTION
IN THE PROSE OF V. GNILOMEDOV

У артыкуле даследуецца рэпрэзентацыя тэкставых катэгорый праспекцыі і рэтраспекцыі на матэрыяле беларускай мастацкай прозы У. Гніламёдава. Распрацавана канцэпцыя даследавання моўнай рэпрэзентацыі праспекцыі і рэтраспекцыі; вызначаны тыпы і віды катэгорый; зроблены аналіз і сістэматызацыя сродкаў моўнага выражэння праспектыўнай і рэтраспектыўнай прастор; устаноўлены праспектыўныя і рэтраспектыўныя адносіны; выяўлены значэнні камунікатыўнай і мадальна-сэнсавай маркіроўкі праспектыўных кампанентаў – меркавання, неабходнасці, просьбы і інш.; апісаны прыёмы рэпрэзентацыі кампазіцыйна-тэкставай рэтраспекцыі; вызначана структурная арганізацыя праспектыўных і рэтраспектыўных частак.

К л ю ч а в ы я с л о в ы : *катэгорыя рэтраспекцыі; катэгорыя праспекцыі; форма дыскантынуума; праспектыўныя адносіны; рэтраспектыўныя адносіны; пра- і рэтра-спектыўна абумоўленыя кампаненты; мастацкі тэкст.*

The article examines the representation of the text categories of prospection and retrospection on the material of the Belarusian fiction by V. Gnilomedov. The concept of the study of the linguistic representation of prospection and retrospection is developed; types and subtypes of the categories are defined; the analysis and systematization of the means of linguistic expression of prospective and retrospective spaces is made; prospective and retrospective relations are established; the meanings of communicative and modal-semantic marking of prospective components such as likelihood, obligation, requests, etc. are revealed; techniques of representation of compositional-textual retrospection are described; the structural organization of prospective and retrospective parts is determined.

Key words: category of retrospection; category of prospection; form of discontinuum; prospective relations; retrospective relations; pro- and retrospectively conditioned components; fiction.

Функцыянаванне тэкставых катэгорый і сродкаў іх рэпрэзентацыі сведчыць пра іх стабільны і рэгулярны характар, прагрэс у моўных формах выражэння, эвалюцыю моўнай сістэмы ў цэлым і аўтарскай мастацкай

стылістыкі ў прыватнасці. Гэта ўказвае на неабходнасць фундаментальнага даследавання названых катэгорый на аснове якасна новай сістэмы комплекснага аналізу.

У сучасным мовазнаўстве тэкставая катэгорыя разглядаецца як “адна з узаемазвязаных істотных прыкмет тэксту, якая ўяўляе сабой адлюстраванне пэўнай часткі агульнатэкставага сэнсу рознымі моўнымі, маўленчымі і ўласна тэкставымі (кампазіцыйнымі) сродкамі” [1, с. 480]. У сувязі з тым, што розныя тыпы тэкстаў маюць свае адметныя рысы, складана ахарактарызаваць іх па адзінай мадэлі. Таму важным крытэрыем вызначэння катэгорый тэксту І. Р. Гальперын лічыць правільнае ўспрыманне тэксту, гэта значыць, разуменне не толькі яго зместу, ідэі і змястоўна-канцэптуальнай інфармацыі [2, с. 23]. Падобныя крытэрыі ўпарадкавання дазволілі І. Р. Гальперыну вылучыць 10 тэкставых катэгорый, якія ўзаемазвязаныя і маюць унутрытэкставы характар – інфарматыўнасць, кагезію, кантынуум, чляннасць, аўтасемантыю адрэзкаў тэксту, рэтраспекцыю, праспекцыю, мадальнасць, інтэграцыю, завершанасць.

Аналіз навуковых школ і кірункаў дазваляе зрабіць вывад пра неадназначнасць і шматаспектнасць трактоўкі тэкставых катэгорый праспекцыі і рэтраспекцыі. Кваліфікацыя і сістэматызацыя праспектыўных і рэтраспектыўных форм дыскантынуума цалкам залежаць ад метадалагічных прынцыпаў і тэарэтычнай базы пэўнай лінгвістычнай школы і напрамку.

Да сённяшняга часу катэгорыі праспекцыі і рэтраспекцыі вывучаліся ў адпаведнасці з тэорыяй і метадалогіяй структурнага, функцыянальнага і семантычнага напрамкаў у мовазнаўстве. Структурны падыход дазваляе выявіць формы рэпрэзентацыі дадзеных катэгорый ў мастацкім творы і вызначыць фразавую, міжфразавую і тэкставую формы [3; 4]. Пры гэтым *катэгорыі праспекцыі і рэтраспекцыі* кваліфікуюцца як “траматычныя катэгорыі тэксту, якія аб’ядноўваюць формы моўнага выражэння і адносяць чытача да змястоўна-фактуальнай інфармацыі ў мінулым (рэтраспекцыя) і будучым (праспекцыя)” [2, с. 106].

Метадалагічныя прынцыпы семантычнага напрамку ў мовазнаўстве даюць магчымасць кваліфікаваць імпліцытны спосаб выражэння часавай прасторы ў мастацкай прозе і спосабы выяўлення сэнсавай складаючай аналізуемых катэгорый. Так, Л. М. Фёдарова вызначае паўтор як адзін з вядучых прыёмаў актуалізацыі імпліцытнай рэтраспекцыі і сцвярджае, што “сістэма лексічных і семантычных паўтораў садзейнічае акцэнтацыі раней прад’яўленай інфармацыі” [4, с. 5]. Такого ж меркавання прытрымліваюцца І. У. Ціўяева [5], Я. А. Чыгоўская [6].

Функцыянальны падыход даў магчымасць выявіць асаблівасці ўжывання тэкстаструктур у тэмпаральнай прасторы мастацкага твора. На погляд Ю. Ю. Барышнікавай, фразавая рэтраспекцыя ўнутры рэтраспектыўнага сказа “паказвае на перарыўнасць паступальнага руху ў часе, вяртаючыся да падзей, якія адбыліся раней, аб’ядноўвае мінулае з сучаснасцю”. Даследчык сцвярджае, што ў межах звышфразавай адзінкі міжфразавая рэтраспекцыя

ўдзельнічае не толькі ў прадстаўленні некалькіх падзей, якія адбываюцца ў адзін і той жа час, але і ў пераходзе з адной часовай прасторы ў іншую. Гэтая форма аб'ядноўвае падзеі базіснага часу, падзеленыя тэкставай рэтра-спекцыяй (злучальная функцыя), і ўводзіць новыя факты, падзеі, дэталі з мэтай асацыятыўнага разумення зместу твора [7, с. 59].

Што датычыцца праспекцыі, то Ю. М. Глушкова ў сваіх даследаваннях вызначае некалькі функцый часовай формы дыскантынуума. Тэкставая катэгорыя, на думку даследчыцы, садзейнічае фарміраванню звязнасці тэксту і з'яўляецца інфармацыйнай. Навуковец сцвярджае, што “разам са змястоўна-фактуальнай праспекцыя ўскосна перадае змястоўна-канцэптуальную і пад-тэкставую інфармацыю” [8, с. 12].

Пры гэтым у беларускім мовазнаўстве амаль адсутнічае вывучэнне тэмпаральнага дыскантынуума, таму актуальнасць даследавання абумоўлена прыналежнасцю яго да перспектыўнага і новага напрамку ў мовазнаўстве – лінгвістыкі тэксту. Зроблена спроба вызначыць сродкі выражэння праспекцыі і рэтраспекцыі ў прозе У. Гніламёдава, іх тыпа- і відаўтварэнне, праспектыўныя і рэтраспектыўныя адносіны, прыёмы актуалізацыі рэтраспекцыі.

Канцэптуальнай асновай даследавання выступае тыпалогія камуніка-тыўна-сэнсавай рэпрэзентацыі праспекцыі і рэтраспекцыі ў межах тэарэ-тычнай базы і метадалагічных прынцыпаў лінгвістыкі тэксту. Для аналізу і сістэматызацыі сродкаў моўнага выражэння праспектыўнай і рэтра-спектыўнай прастор былі выкарыстаны наступныя метады: апісальны, дыстрыбутыўны, метады кампанентнага аналізу.

Мэта даследавання ў артыкуле – вызначыць рэпрэзентацыю праспекцыі і рэтраспекцыі ў мастацкім тэксце.

Даследаванне катэгорыі праспекцыі і рэтраспекцыі ў мастацкай прозе У. Гніламёдава заснавана на ўніверсальных і спецыфічных параметрах ўпарадкавання тыпа-відавога класа аналізаваных катэгорый. **Д а ў н і в е р - с а л ь н ы х** мы адносім наяўнасць праспектыўных і рэтраспектыўных зрухаў у мастацкіх тэкстах, адносіны паміж праспектыўна і рэтраспектыўна маркі-раванымі кампанентамі, магчымасць кваліфікацыі тыпаў, відаў праспекцыі і рэтраспекцыі, іх маркераў, значэнняў і структурнай арганізацыі, што ўплываюць на тыпа- і відаўтварэнне праспекцыі і рэтраспекцыі. **Д а с п е ц ы - ф і ч н ы х** параметраў упарадкавання адносяцца такія, якія характэрны для гістарычнай прозы – сюжэтна-кампазіцыйныя і жанрава-тэматычныя асаблі-васці (у параўнанні з іншымі жанрамі мастацкай літаратуры), што ўплывае на тыпа- і відаўтварэнне і абумоўлівае дыяпазон моўных сродкаў іх рэпрэ-зентацыі.

Аналіз фактычнага матэрыялу дазволіў вылучыць **п р а с п е к ц ы ю** *кампа-зіцыйна-тэкставую* і *сюжэтна-кампазіцыйную* на аснове функцыянальна-семантычнага падыходу да тэксту. **К а м п а з і ц ы й н а - т э к с т а в а й** лічыцца праспекцыя, кампаненты і маркеры якой знаходзяцца ў сюжэце мастацкага твора, могуць паміж сабой узаемадзейнічаць, утвараючы роз-ныя віды адносін. **С ю ж э т н а - к а м п а з і ц ы й н а я** праспекцыя характары-

зуюцца аднесенасцю аднаго з кампанентаў на перадтэкставы ўзровень, а значыць, адсутнасцю яго ў сюжэце мастацкага твора і немагчымасцю ўступаць у адносіны паміж тэкстаструктурамі.

Базавым метадалагічным прынцыпам даследавання з'яўляюцца тэарэтычныя асновы лінгвістыкі тэксту, якія істотна адрозніваюцца ад класічнай граматыкі. У структуры мастацкай катэгорыі праспекцыі мы вылучаем два кампаненты – праспектыўны і постпраспектыўны, што дазваляе абазначыць часавы план паміж названымі часткамі. Дыферэнцыяцыя адносін паміж праспектыўна абумоўленымі кампанентамі ажыццяўляецца на аснове ўзаемадзеяння праспектыўна маркіраванай інфармацыі і аб'ёму рэалізацыі намеру ў постпраспектыўнай структуры – тоеснасці, уключэння, перасячэння, неадпаведнасці. Так, праспекцыя з адносінамі тоеснасці актуалізуецца, калі намер праспектыўнай часткі рэалізуецца ў наступным кантэксце ў поўнай меры: – *Трэба ехаць (у Амерыку)! – выдыхнуў ён (Лявонка) з грудзей, нібы ачнуўшыся ад цяжкіх думак і пераадолеўшы апошнія ваганні* [ГУП, с. 119]. <...> *Білеты ўзялі да Лібавы. Іх, хто адважыўся на гэтае падарожжа да Амерыкі, трое: Лявонка і Цімоша з Піліком.* <...> *Наперадзе іх чакала Амерыка...* [ГУП, с. 126]. Праспектыўна маркіраваная структура *Трэба ехаць (у Амерыку)* з постпраспектыўнай *адважыўся на ... падарожжа да Амерыкі ... Лявонка, іх чакала Амерыка*, што пацвярджае рэалізацыю праспектыўна заяўленай інфармацыі ў мастацкім творы.

Вызначэнне маркераў праспектыўнай прасторы праводзілася на лексіка-граматычным, структурным узроўнях у межах сказа, складанага сінтаксічнага цэлага. Да маркераў адносяцца спосабы ўтварэння пэўнага тыпу і віду праспекцыі. Так, распаўсюджанымі маркерамі на лексіка-граматычным узроўні з'яўляюцца формы будучага часу, формы дзеепрыметнікаў, мадальныя дзеясловы, формы ўмоўнага і загаднага ладу: – *Да мяне заходзь! – запрасіў на развітанне Піхту Кірыла. – Дзякуй! – цыган засмяўся, бліснуўшы вачыма, – Можжа, і сапраўды зайду. Чарку рыхтуй!* (ГУП, с. 91). <...> *Пасля бяссоннай ночы з якой бы асалодай ён (Кірыл) паспаў, але якраз пад сняданак з'явіўся Піхта. Прыехаў вярхом на кані, увёў яго на панадворак і адразу ж зайшоў у хату, прынёсшы з сабой пах цыганскага табара.* <...> *Селі выніць магарыч* [ГУП, с. 94].

Цікавым для даследавання з'яўляецца рэпрэзентатыўная характарыстыка катэгорыі праспекцыі ў творах У. Гніламедава, якая ўключае кваліфікацыю з'явы з улікам маркераў праспекцыі ў выказваннях са значэннем мадальнага характару. Названы падыход дазваляе кваліфікаваць мадальна-сэнсавыя адценні значэнняў праспектыўных структур – намеру, меркавання, магчымасці, пабуджэння, неабходнасці, пажадання: ... *Хацелася, каб хутчэй дадому. Каб маці пабачыць, сястрычак...* [ГУП, с. 34]. <...> *Вось і родны падворак. Лявонка злез з санак, падзякаваў дзядзьку Назару і пакіраваў да хаты.* <...> *Не паспеў пераступіць парог, як кінуліся абдымаць Тоня з Фядоркай: – Лявонка, Лявонка, брацік!.. Лявонка любіў сяцёр, асабліва Тоню* [ГУП, с. 35].

Іншы раз дыферэнцыяцыя праспекцыі ажыццяўляецца на аснове камунікатыўнага значэння маркера праспектыўнай структуры. Праспектыўныя кампаненты могуць быць маркіраванымі камунікатыўным значэннем просьбы, прапановы, парады, забароны, пагрозы, сцвярджэння: – *Дык я сам з Польшчы! Рады сустрэць землякоў! Завуць мяне містэр Лейбе Грос! – Чалавек франтавата направіў капялюш. – Едзем на Іст-Сайд! Будзеце мець ложак і сьнеданне* (ГУП, с. 131). <...> – *Вось ваш пакой, – сказаў гаспадар (Лейбе Грос), шырокім жэстам рукі запрашаючы новых пастаяльцаў, – ложкі выбірайце самі. Будзеце забяспечаны сьнеданнем. За сьнеданне асобная плата* [ГУП, с. 133].

Аналіз моўнай рэпрэзентацыі праспекцыі і рэтраспекцыі ажыццяўляўся і на сінтаксічным узроўні. Структурны падзел праспектыўнай маркіроўкі праводзіўся на аснове метадалагічных прынцыпаў структурнага сінтаксісу, у выніку чаго маркіроўка праспектыўных кампанентаў прадстаўлена ў структуры сказаў складаназлучаных, складаназалежных, камбінаванай будовы з рознымі відамі даданых частак.

Тэорыя сінтаксічнай дэрывацыі дазваляе разглядаць структурна-сінтаксічныя мадыфікацыі як кваліфікатары структуры праспекцыі – няпоўныя, эліптычныя і рэдукаваныя канструкцыі, а таксама канструкцыі з імпліцытнай семантыкай. Напрыклад, прадстаўленая праспектыўная частка кваліфікуецца як сказ з эліпсісам праспектыўна маркіраванага выказніка. На спосаб рэалізацыі праспектыўнага намеру ўказваюць кампаненты *Сёння ў яго з ёю спатканне і Вечарам ... Лявонка пабег ... на спатканне з Ганнай: Насупраць палоскі дзядзькі Васіля, яе бацькі, стаяла купка дзяўчат і маладзіц з граблямі. Сярод іх, вядома, была і яна, Ганна. Сёння ў яго з ёю спатканне – дамовіліся яшчэ ўчора* (ГУП, с. 82). <...> *Вечарам, адвёўшы дзядзькавага каня ў начное і пакінуўшы яго на Павала Гальяша, Лявонка пабег на дамоўленае месца – за Пракопаву кузню – на спатканне з Ганнай. Доўга чакаў. Яна падышла з боку агародаў...* [ГУП, с. 126].

Іншы раз магчыма вызначэнне праспектыўна маркіраваных далучальных частак на аснове далучальных сувязяў і адносін паміж кампанентамі, якія выступаюць сродкам пераходу ў прастору будучага і ўключаюць далучальна-супастаўляльную, далучальна-мэтавую, далучальна-прычынную, далучальна-заклучальную часткі: – *Скажу вам, толькі паміж намі: я ведаю адрас, на якім можна выпісаць літаратуру...* <...> – *Ну, тую, недазволеную, нелегальную.* <...> *І тут Анатоць, па-змоўніцку павёўшы вачыма, перайшоў на амаль бязгучны шэпт: – А на чыё прозвішча выпішам? Сябрукі пераглянуліся паміж сабой. – Хай будзе на маё, – адважыўся Лявонка.* <...> – *Глядзі ж, не падвядзі (Лявонка), а то тады ўсім крышка! Могуць і выключыць...* [ГУП, с. 60]. <...> *Інспектар пагражальна патрос брашурай. – У каго я знайшоў гэту брыдоту? З-за парты падняўся дарэштты сканфужаны Лявонка. Усе павярнуліся да яго. – У мяне.* <...> *З вучылішча, аднак, не выгналі* [ГУП, с. 64].

Вылучэнне сюжэтна-кампазіцыйнага тыпу праспекцыі абумоўлена фарміраваннем праспектыўнага значэння на ўзроўні тэксту. Дыферэнцыяцыя праспекцыі маркіруецца з дапамогай імя аўтара, загалова. Так, заглавак з'яўляецца праспектыўна матываваным і ўказвае на падзеі, аб якіх будзе ісці гутарка ў пэўны перыяд часу, – “Вайна”, “Пасля вайны” або ў пэўным месце – “Расія”, вызначае галоўнага персанажа твора – “Уліс з Прускі” і г. д. Праспектыўна маркіраваны заглавак выражаецца ўласнымі імёнамі, лексічнымі адзінкамі, звязанымі з часам, месцам.

Як паказала даследаванне, аналіз катэгорыі **рэтраспекцыі** ажыццяўляецца аналагічным чынам. На аснове характару сюжэта твора, зместу, кампазіцыі і жанру вылучана рэтраспекцыя *тэкставая сюжэтная, адсылачная і кампазіцыйна-тэкставая*, якая прадстаўлена адносінамі паміж кампанентамі – тоеснасці, уключэння; відамі рэтраспекцыі – кантактным, дыстантным; прыёмамі актуалізацыі кампазіцыйна-тэкставай рэтраспекцыі – намінатыўным, інфармацыйна-дапаўняльным, каўзальным, прыёмам супастаўлення, параўнання падзей і прамой актуалізацыі мінулых падзей.

У якасці параметра сістэматызацыі адсылачнай і кампазіцыйна-тэкставай рэтраспекцыі мы абралі пазіцыю рэтраспектыўнай адзінкі ў межах твора: – **Беларусы рана прачынаюцца! Як жаўранкі**, – *пажартаваў Лявонка* [ГУП, с. 148]. <...> *Грыцько развёў рукамі. Размаўляў ён у сваёй ранейшай наблажлівай манеры. – Ты от неяк быў сказаў, што вашы беларусы рана прачынаюцца... Як жаўранкі...* [ГУП, с. 152] або яе першаснага ўжывання ў тэкставай прасторы: *Павал сеў на столак наблізу печы і стаў глядзець на агонь. <...> Дайшла чутка, што 8 жніўня 1919 года палякі захапілі Мінск і нават далей пайшлі, на ўсход. Праўда, слова Беларусь яны не ўжывалі, гаварылі ўсё больш: крэсы ўсходнія* [ГВ, с. 11].

Выяўлены структурны тэкставы параметр рэтраспекцыі дазваляе вылучыць два кампаненты – рэтраспектыўны і перадрэтраспектыўны, паміж якімі ўсталёўваюцца адносіны, на аснове якіх ажыццяўляецца рэалізацыя рэтраспектыўнага намеру. Вызначаны рэтраспектыўныя адносіны ўключэння і тоеснасці: **Хата ўрадніка стаяла першай ... Апошняму ў немай ступені садзейнічала і вялізная, на ўсю шырыню прускаўскай вуліцы, лужына перад хатаю.** <...> **Не проста праехаць праз яе чалавеку з возам. Бывае, як засядзе хто, дык доўга не можа выбавіцца, пакуль не дапамогуць людзі** [ГУП, с. 25]. <...> **Ён (Лявонка) рушыў дахаты. Насупраць сядзібы ўрадніка пад нагой мякка хруснула падмерзлая лужына, якую цяпер не трэба было абыходзіць** [ГР, с. 3]. Кампаненты *Хата ўрадніка ... лужына перад хатаю ... не проста праехаць праз яе...* і *Насупраць сядзібы ўрадніка ... хруснула падмерзлая лужына, якую цяпер не трэба было абыходзіць* змяшчаюць поўную сэнсавую ідэнтычнасць рэтраспектыўна абумоўленых канструкцый.

Дыферэнцыяцыя прыёмаў кампазіцыйна-тэкставай рэтраспекцыі заснавана на характары ўвядзення рэтраспектыўнай інфармацыі ў адносінах да ўмоўнай кропкі адліку. Пры гэтым вызначаюцца прыёмы рэтраспекцыі – намінацыі, інфармацыйнага дапаўнення, супастаўлення, параўнання, прамой актуалізацыі мінулых падзей, каўзальны. Так, інфармацыйна-дапаўняльная рэтраспекцыя фарміруецца пры ўвядзенні дадатковай паведамляльнай інфармацыі да падзеі, суадноснай з кропкай адліку: *Кастанты не без пагрозлівасці глянуў на залу. Нядаўна ён атрымаў сакрэтную паперу з Гродзенскага паліцэйскага ўпраўлення, у якой гаварылася аб хваляваннях у некаторых паветах і прадпісвалася больш пільна сачыць за настроймі насельніцтва. Цяпер ён успомніў пра гэта* [ГУП, с. 51].

У творах У. Гніламёдава мы выдзелілі ў асобны тып тэкставую сюжэтную рэтраспекцыю, якая актуалізуе асноўны сюжэт мастацкага твора і змяшчае свае ўнутраныя часавыя рэтраспектыўныя напрамкі. Рэпрэзентацыя дадзенага тыпу рэтраспекцыі залежыць ад кампазіцыі твора і лексіка-граматычнай маркіроўкі тэкстаструктуры.

Важным параметрам параўнання рэпрэзентацыі кампазіцыйна-тэкставай, адсылачнай і тэкставай сюжэтнай рэтраспекцыі ў творах У. Гніламёдава з’яўляецца моўнае выражэнне катэгорыі. Пры вызначэнні маркераў рэпрэзентацыі рэтраспекцыі неабходна ўлічваць некаторыя асаблівасці мастацкіх твораў. Вылучэнне часавых зрухаў у тэмпаральнай структуры тэксту ажыццяўляецца адносна дзеянняў і падзей, якія адбываюцца з персанажамі, у асноўным плане апавядання (базісным часе) і суадносяцца з умоўнай кропкай адліку. Такая рэалізацыя рэтраспектыўнай формы мастацкага часу характэрна для фразавай і міжфразавай рэтраспекцыі. Тэкставая рэтраспекцыя рэалізуецца адносна базіснага часу і актуалізуе свае ўнутраныя рэтраспектыўныя напрамкі.

Актуалізацыя часовага зруху ў мінулае ажыццяўляецца моўнымі сродкамі на ўзроўні тэксту, у большасці выпадкаў ва ўзаемадзеянні з іншымі лексіка-граматычнымі адзінкамі. Моўная рэпрэзентацыя рэтраспекцыі вызначаецца намі ў двух планах маўлення – у простаай мове персанажа і ў няўласна-простаай мове ад імя аўтара і персанажа. Пры выяўленні маркераў катэгорыі абапіраемся на тэорыю метафары двух планаў, калі часавыя формы атрымліваюць пераноснае значэнне [9; 10; 11].

Граматычныя маркеры рэпрэзентацыі рэтраспектыўнай формы мастацкага часу вылучаны намі на аснове граматычных катэгорый і прадстаўлены формамі дзеяслова, дзеепрыметніка, часціцай *бывала*, формай умоўнага ладу.

Цікавым з’яўляецца тое, што ктэгорыя рэтраспекцыі структурна афармляецца ў выглядзе розных відаў складаных сказаў, канструкцый з сінтаксічнай непаўнотай і імпліцытнай семантыкай, эліптычных, рэдукаваных, далучальных канструкцый: *Убачыўшы людзей, пасур’эзнеў, (Кузёмка) падышоў бліжэй і ... напракнуў: – Стаіце?! А вунь у двары кажучь – дваццатае стагоддзе пачалося! Дваццатае!* [ГУП, с. 1]. <...> – Дык што

новага на гэтым свеце чуваць? – першы азваўся Міхаль Госць (Кузёмка), не задумваючыся, адказаў: – Што новага? Канец свету ідзе. Страшны суд. Кажуць, на дваццатым стагоддзі ўсё і скончыцца. – **Дык ты (Кузёмка) казаў пра гэта. Той раз. Добра нашых прускаўцаў напалохаў!** [ГУП, с. 39].

На тэкставым узроўні рэтраспекцыя ажыццяўляецца з дапамогай форм інтэртэкставых уключэнняў – пераказу чужога тэксту, устаўных канструкцый.

Аналіз фактычнага матэрыялу паказаў, што тэкставая сюжэтная рэтраспекцыя ажыццяўляецца з дапамогай лексічных адзінак рэтраспек-тыўнай семантыкі. Наяўнасць рэтраспектыўнага сюжэта ў творах аўтара абумоўлівае спецыфічную актуалізацыю тэмпаральнай прасторы тэкстаў – адну часавую прастору з унутранымі рэтраспектыўнымі спасылкамі.

Такім чынам, катэгорыі праспекцыі і рэтраспекцыі ўяўляюць сабой неад’емную частку мастацкага твора. Рэпрэзентацыя праспекцыі ўключае тыпы катэгорыі – кампазіцыйна-тэкставы, сюжэтна-кампазіцыйны; а д н о с і н ы паміж пост- і праспектыўным часткамі – тоеснасці, уключэння, перасячэння, неадпаведнасці; п р а м ы я м а р к е р ы праспектыўнага плана – формы будучага часу дзеясловаў, формы дзеепрыметнікаў, загаднага і ўмоўнага ладу дзеясловаў, мадальныя дзеясловы; с т р у к т у р н у ю а р г а н і з а ц ы ю – розныя тыпы складаных сказаў, далучальныя канструкцыі; сінтаксічныя мадыфікацыі; з н а ч э н н і кампанентаў праспекцыі – мадальна-сэнсавая і камунікатыўна маркіраваныя. М а р к е р ы тэкставай сюжэтнай праспекцыі прадстаўлены імем аўтара, загалоўкам.

У ходзе даследавання былі вызначаны тыпы рэтраспекцыі – адсылачная, кампазіцыйна-тэкставая, тэкставая сюжэтная рэтраспекцыя; в і д ы – кантактная, дыстантная; а д н о с і н ы паміж рэтраспектыўна абумоўленымі кампанентамі – тоеснасці і ўключэння; п р ы ё м ы – інфармацыйна-дапаўняльны, каўзальны, супастаўлення падзей, параўнання падзей, прамой актуалізацыі мінулых падзей; м а р к е р ы – формы дзеяслова, дзеепрыметніка, часціца *бывала*, форма ўмоўнага ладу і с т р у к т у р н а я а р г а н і з а ц ы я – складаныя сказы, далучальныя канструкцыі, сінтаксічныя дэрываты; інтэртэкставыя ўключэнні.

ЛІТАРАТУРА

1. *Матвеева, Т. В.* Текстовая категория / Т. В. Матвеева // Полный словарь лингвистических терминов / Л. М. Алексеева [и др.]; под ред. М. Н. Кожинной. – Ростов н/Д : Феникс, 2010. – С. 480.
2. *Гальперин, И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин ; отв. ред. Г. В. Степанов. – Изд. 5-е. – М. : КомКнига, 2007. – 114 с.
3. *Брускова, Н. В.* Категории ретроспекции и проспекции в художественном тексте: на материале немецкого языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Н. В. Брускова ; Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. – М., 1983. – 22 с.

4. Федорова, Л. Н. Категория ретроспекции в художественном тексте: на материале английского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Л. Н. Федорова ; Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. – М., 1982. – 21 с.
5. Тивьяева, И. В. Ретроспективные сверхфразовые единства: формы и функции: на материале английского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / И. В. Тивьяева ; Воронеж. гос. ун-т. – Тула, 2007. – 19 с.
6. Чиговская, Я. А. Стереотипность в средствах выражения категорий ретроспекции и проспекции в научных текстах / Я. А. Чиговская // Текст: стереотип и творчество : межвуз. сб. науч. тр. / Перм. гос. ун-т ; редкол.: М. П. Котюрова (гл. ред.) [и др.]. – Пермь, 1998. – С. 151–166.
7. Барышникова, Ю. Ю. Особенности функционирования ретроспекции и проспекции в тексте художественного произведения / Ю. Ю. Барышникова // Филол. науки. Вопр. теории и практики. – 2017. – № 3–3. – С. 58–61.
8. Глушкова, Ю. Н. Категория проспекции и ее нарушение в нарративе новеллы : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Ю. Н. Глушкова ; Челяб. гос. ун-т. – Челябинск, 2002. – 22 с.
9. Веденькова, М. С. Система времен и два плана речевого высказывания в современном немецком языке : спецкурс по теорет. грамматике / М. С. Веденькова. – Днепропетровск : Днепропетр. ун-т, 1976. – 107 с.
10. Гулыга, Е. В. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке / Е. В. Гулыга, Е. И. Шендельс. – М. : Просвещение, 1969. – 184 с.
11. Weinrich, H. Textgrammatik der deutschen Sprache / H. Weinrich. – Mannheim : Dudenverlag, 1993. – 1111 S.

КРЫЊІЦЫ ПРЫКЛАДАЎ

- ГУП – Гніламёдаў, У. Уліс з Прускі / У. Гніламёдаў. – Мінск : Маст. літ., 2006. – 382 с.
- ГВ – Гніламёдаў, У. Вяртанне / У. Гніламёдаў. – Мінск : Маст. літ., 2008. – 429 с.
- ГР – Гніламёдаў, У. Расія / У. Гніламёдаў. – Мінск : Маст. літ., 2007. – 672 с.

Поступила в редакцию 13.10.2022

Пань Гаодзинь

магистр филологических наук,
аспирант кафедры зарубежной литературы
Белорусский государственный университет
г. Минск, Беларусь

Pan Gaojin

MA in Philology,
PhD Student of the Department
of Foreign Literature
Belarusian State University
Minsk, Belarus
2568674766@qq.com

**ВЛИЯНИЕ С. Т. КОЛЬРИДЖА И Т. С. ЭЛИОТА
НА КИТАЙСКИХ ПОЭТОВ**

**CHINESE POETS UNDER THE INFLUENCE
OF S. T. COLERIDGE AND T. S. ELIOT**

В статье анализируется влияние теорий литературного творчества С. Т. Кольриджа и Т. С. Элиота и их методов создания поэзии на китайских поэтов XX века. В первой половине прошлого столетия с углублением китайской колонизации увеличивалось влияние иностранной культуры. Стали доступны в том числе литературные произведения поэта-романтика Т. С. Кольриджа и поэта-модерниста С. Т. Элиота. Ай Цин и Бянь Жилин, представители китайского модернизма, подверглись их значительному воздействию. В данной статье ставится задача проанализировать некоторые произведения Ай Цин и Бянь Жилиня, испытавшие влияние теоретических концепций и поэтических приемов С. Т. Кольриджа и Т. С. Элиота.

К л ю ч е в ы е с л о в а: романтизм; модернизм; китайская поэзия; Ай Цин; Бянь Жилин; постколониальная литература.

This article analyzes the profound influence of S. T. Coleridge's and T. S. Eliot's literary creation theories and poetry creation techniques on the Chinese poets in the 20th century. In the first half of the 20th century, with the deepening of Chinese colonization, the influence of foreign culture continued to deepen, and various cultural thoughts continued to flow in, including the literary works of the Romantic poet T. S. Coleridge and Modernist poet S. T. Eliot. Ai Qing and Bian Zhilin, the representatives of Chinese modernism, were deeply influenced by them. This article aims to analyze the specific works of Ai Qing and Bian Zhilin, influenced by theoretical concepts and poetic techniques of T. S. Coleridge and S. T. Eliot.

Key words: Romanticism; Modernism; Chinese poetry; Ai Qing; Bian Zhilin; Post-colonial Literature.

China, before the Xinhai Revolution (1912) was a poor and weak semi-colonial and semi-feudal country. Traditional ancient concepts in literature continued to decline, followed by new trends and new cultures. At that time, many emerging poets and writers drew nourishment from the Western European literature and produced excellent works. The modernist Chinese poets Ai Qing (1910–1996), Bian Zhilin (1910–2000), the modern western poetry translator Mu Dan (1918–1977) and a group of the “Nine Leaf” poetry school poets (Xin Di, Chen Jingrong, Hang Yohe, Zheng Min, Tang Qi, Tang Di, Yuan Kejia, Mu Dan, and Du Yunxie) were all deeply influenced by T. S. Eliot (1888–1965). They evolved also into the romantic literary trend (theory of Imagination by

S. T. Coleridge (1772–1934)) and stimulated the growth and development of the modernist literary movement in China. So, the theory of Imagination by S. T. Coleridge and the theory of Objective Correlative and Depersonalization by T. S. Eliot have not only expanded to the European continent, but also affected other countries and regions in the world.

During the 1900–1930s, the popularity of Coleridge in Chinese academia was undergoing a process of changing the perception of him as a *rebellious poet* and an untimely *dreamer* to an artistic and spiritual *core figure*. The changes in the construction and acceptance of Coleridge’s Symbol are not only related to the time of new social and political “factors, but to the new literary trend with specific imagery and creative process, led and promoted by the main writers in the literary field. At the same time, it reflects the modern Chinese writers’ literary function” [1, p. 52]. In the 1930s, the Anglo-American modernist poetry represented by T. S. Eliot, like a larger magnet, attracted the attention of a group of modern Chinese poets. T. S. Eliot’s name was introduced to China already in the 1920s, but it was truly accepted and recognized in Chinese poetry in the 1930s [2, p.19]. It can be said that the spread of S. T. Coleridge’s and T. S. Eliot’s literary thoughts in China was almost simultaneous. In this long process, along with the widespread popularity of Romanticism and Modernism in China, Ai Qing and Bian Zhilin came into contact with the European poets’ literary ideas and applied them to their own literary practice, especially in the creation of symbolic images. *Symbol* is often presented as an external form of subjective consciousness, articulating the hidden emotions and thoughts that are the main purpose of the symbol, “which sustains and modifies the images, thoughts, and emotions of the poet’s own mind” [3].

Ai Qing often uses a large number of symbol groups in his own poetry. Through the combination, arrangement and unification of a series of symbols, coupled with the poet’s own imagination, he formed his own unique literary style. In *Snow Falling on the Land of China* he wrote: *Snow falling on the land of China / The cold is blocking China / Wind / Like an old woman who is too sad / Following tightly / Stretching out cold fingers / Pulling on the clothes of pedestrians / In words that are as old as the land / Doing it all the time / The one who appeared from the forest / Driven the carriage / Your Chinese farmer / Wearing a fur hat / Breaking heavy snow* [4, p. 157]. Poetry is composed of symbols, which embody the inner emotions and outer life of the poet. The poet integrates a series of independent symbols: *snow, land, old women, pedestrians, and farmers* into an observable and sensible reality through imagination. The symbol of land is commonly used by Ai Qing, which runs through his entire poetry. He endowed the word *land* with a very profound symbolic meaning: first, the land symbolizes the troubled China. At that time, the war in China continued, people were displaced, and this land was being destroyed. The land symbolizes hope, everything is born and raised from the land; life will lose its resource and support without the land. Fundamentally, it will be destroyed. The land symbolizes a kind of religious love and attachment. Based on an ancient, deep and extensive cultural foundation, civilization will accommodate,

renew and establish a new order, which brings light and hope for this world. “The Land is a fertile soil for the reproduction of life, a symbol of the regeneration of life” [5, p. 81]. Therefore, a simple *land* symbol carries three meanings at the same time, which is evident in the superb application of its symbolism.

Another commonly used basic symbol of Ai Qing’s is *the sun*. In the poem *The Sun* he wrote: *...from the ancient tomb / from the dark age / from the side of human death / shocked and sleeping mountains / as the fire wheel whirls on the sand dunes / The sun rolls towards me / It uses an unconcealable light / It breathes life / The high trees dance to it / The river rushes towards it with wild songs* [6, p.132]. Here, the sun clearly possesses human thoughts and emotions. On the one hand, the poet has given the characteristics of the sun as active power. The sun comes to shock everything and awaken everything. At the same time, everything is singing with the sun. The unmoving things possess people. Their thoughts, feelings, actions and emotions are obviously the result of imagination experience, according to the romantic creative method. At the same time, the sun has a very rich symbolic meaning (as in Coleridge’s *Ancient Mariner*). First, the sun symbolizes light and hope. In the endless pain and darkness, people are seeking breakthroughs, hoping to bring life and peace to the land of China; second, the sun symbolizes youth and vitality, which means that a new generation will welcome this era with a newer attitude and create a brighter future; third, the sun has become the common subject of belief of the whole world and all mankind. Based on the suffering of the entire human race and the darkness of the world, a religious sentiment and belief were introduced to make people believe that the light will come and everything will pass. The meaning of the sun as symbol has deepened from a single to the universal meaning of human existence. Xu Yuan clearly stated that “a group of sun images symbolically expresses the poet’s desire for the ideal of light and the philosophical understanding of life and death, which is transferred by time and people to our literature” [7, p. 107]. Through this typical expression, we can see the profound connection between the subject (person) and the object (the sun) in Ai Qing’s poems, as well as the deep emotional experience and inner feeling of many sun symbols. It can be seen that this poem adopts the concepts of both Romanticism and Symbolism, but the result is a profound and typical Modernism. It can be said that this example of Symbol is connected with S. T. Coleridge’s Imagination theory. The romantic creative techniques of Symbol and T. S. Eliot’s Depersonalization theory are perfectly combined in the creation of this poem, so that the symbol has a dual function and achieves a good art effect. Ai Qing’s poetry successfully realized the integration of man and nature, the nation and the world, and had a significant impact on the poetry in the post-Romantic period. As T. S. Eliot said, “Poetry, in fact, is not a little magazine but an INSTITUTION” [8].

Bian Zhilin’s (1910–2000) creative process fully reflects the style of the INSTITUTION which was promoted by T. S. Eliot. Bian Zhilin’s poetry has a romantic color, but he pays more attention to the modern expression of his verse. The use of symbol in Bian Zhilin’s poetry has some influence of T. S. Coleridge,

but more obviously – of T. S. Eliot. Bian Zhilin's poem *White Conch Shell* has such lines: *ethereal white conch shell / no trace of dust in the holes / leaked into my hand / but there are a thousand emotions: the waves in the palm of the hand / I lament your work / your wisdom Ah, the sea / You are so thin that you can wear beads / But I can't help it: you are a cleanliness addiction* [9, p. 54]. The poet used a large number of symbols: *white snail shells, sea, waves, beads, holes*, and collected individual symbols into a unity. T. S. Eliot's method of Objective Correlative includes the opportunity of indirect expression of a poet's emotion with the help of juxtaposition of things (diaphora), and a *white snail shell* is such a typical example of Objective Correlative. Therefore, in Bian Zhilin's poetry T. S. Eliot's Depersonalization theory and the related Objective Correlative theory have been reflected and developed. A *white snail shell* is first of all pure, just like an ideal life without a trace of impurities; at the same time, a *white snail shell* grows out of the sea, which means that everyone grows out of life, metaphorically called mentality, embracing the sea. More importantly, a *white snail shell* is a musical instrument that can blow out pure sounds, symbolizing all beliefs that purify people's hearts. Huang Yingbei said that "The white snail shell is not only the white snail shell, but also refers to the splendid spiritual value that many people think is worthless, but actually it contains a rich spiritual meaning. A natural object, a *white snail shell* also symbolizes an ideal person, an ideal life, or some kind of understanding... Maybe it is the tempering of life, maybe it is the forging of time, maybe it is the divine work of nature..." [10, p. 14–19]. In Bian Zhilin's famous poem *Loneliness* there are such lines: *Country children are afraid of loneliness / Raise a grasshopper by the pillow / Grow up and work in the city / He bought a luminous watch / When he was a child, he used to be envious / Grave grass was the home of grasshopper / Now he has been dead for three hours / Time table which means dawn has never stopped* [11, p. 41]. The symbol of a *grasshopper* in the poem is the result of the Objective Correlative method of creativity. The *grasshopper* triggers the imagination of the poet, who associates his personal life with the short life of the *grasshopper*, and the *grasshopper* becomes the reflection of the poet's feelings and thoughts, expressed indirectly. Most of Bian Zhilin's literary works show a strong influence of modernity. He is deeply concerned with the serious changes in people's hearts, realistic anxieties and living conditions. Through the use of symbols, he guides people to think about themselves, reflect on themselves, and construct themselves.

In the social background and cultural context of China in the 1930s, the poetry of Ai Qing and Bian Zhilin presents the characteristics of a new type of comprehensive modern native poetry, demonstrating the synthesis of Romanticism and Modernism.

S. T. Coleridge's concept of Imagination and the definition of poetry, T. S. Eliot's principle of Objective Correlative and Depersonalization are all centered on the choice, use and function of symbols. They all explain that different symbols should be comprehensively balanced into a new self-expression and

through the principle of Imagination or the principle of the Objective Correlative. “Fundamentally speaking, modernist Chinese poetry is not a question of inheritance or rebellion against tradition; thanks to the intervention of modernity, the overall development trend of world history, the penetration of multiculturalism, and the changes in social structure, it appears as a new tradition. A new aesthetic space is becoming more and more open” [12, P. 191], and the integration of S. T. Coleridge and T. S. Eliot is a significant representative factor.

In the 1930s, with the overall influence of world literature in postcolonial China, Romanticism represented by S. T. Coleridge and the Modernism of T. S. Eliot entered simultaneously and influenced the generation of Chinese poets. Ai Qing’s and Bian Zhilin’s literary creations are not only influenced by the two of them separately, but by the simultaneous and comprehensive effect of the two European poets. Therefore, in the literary creation of modern Chinese poets, the modes of allegory (myth) and symbol (metaphor) appeared in Chinese literature at the same time in the context of synthetic romantic-modernist creativity mode, which became common essence for modern Chinese poets.

REFERENCES

1. 周青, 1900–1930 年代中国文学场域中柯勒律治的传播与接受, 南通大学学报 社会科学版 35卷第4期, 2019 年, 52 页。
Zhou Qing, The Spread and Acceptance of Coleridge in the Field of Chinese Literature in the 1900s and 1930s / Zhou Qing // Journal of Nantong University : Social Science Edition. – 2019. – Vol. 35, iss. 4. – P. 52.
2. 张颖利, 艾略特对袁可嘉诗学思想的影响研究, 青海民族大学, 2010年, 19 页。
Yingli Zhang, Research on Eliot’s Influence on Yuan Kejia’s Poetic Thoughts / Yingli Zhang. – Qinghai : Qinghai University for Nationalities, 2010. – P. 19.
3. *Coleridge, S. T.* Biographia Literaria, Chapter XIV / S. T. Coleridge. – Mode of access : <https://www.poetryfoundation.org/articles/69385/from-biographia-literaria-chapter-xiv>. – Date of access : 24.04.2022.
4. 艾青, 艾青全集第一卷: 《雪落在中国的土地上》, 人民文学出版社, 1937 年, 157页。
Ai Qing, The Snow Falling on the Land of China / Qing Ai // The Complete Works of Ai Qing.– Beijing : People’s Literature Publishing House, 1937. – Vol. 1. – P. 157.
5. 王泽龙, 中国现代诗歌意象论, 华中师范大学, 2004年5月, 81页。
Zelong Wang, The Symbol Theory of Modern Chinese Poetry / Wang Zelong. – Wuhan : Central China Normal University, 2004. – P. 81.

6. 艾青，艾青全集第一卷：《太阳》，人民文学出版社，1937年，132页。
Qing Ai, The Sun / Ai Qing // The Complete Works of Ai Qing. – Beijing : People's Literature Publishing House, 1937. – Vol. 1. – P. 132.
7. 徐源，在大地的中央向世界遥望——论艾青诗歌的现代性，社科纵横，第25卷第七期，2010年07月，107页。
Yuan Xu, Looking to the World in the Center of the Earth / Xu Yuan // On the Modernity of Ai Qing's Poetry : Social Science Review. – 2010. – Vol. 25. – № 7. – P. 107.
8. *Eliot, T. S. A letter from T. S. Eliot, May, 1950 / T. S. Eliot. – Mode of access : <https://www.poetryfoundation.org/poetrymagazine/browse?contentId=60009>. – Date of access : 15.04.2022.*
9. 卞之琳，卞之琳诗选：白螺壳/世界名诗大系第三辑（1937年），抚琴居制作，54页。
Zhilin Bian, White Conch Shell / Bian Zhilin // The Selected Poems of Bian Zhilin : The Third Series of World Famous Poems Series. – Beijing : Fuqin Ju, 1937. – P. 54.
10. 黄瑛蓓，卞之琳诗歌意象及意象思维的西方化，广东技术师范学院，2014年，14 - 19页。
Yingbei Huang, Bian Zhilin's Poetry Symbol and the Westernization of Symbol Thinking / Yingbei Huang. – Guandong : Guangdong Technical Teachers College, 2014. – P. 14–19.
11. 卞之琳，卞之琳诗选：寂寞/世界名诗大系第二辑（1933–1935年），抚琴居制作，41页。
Zhilin Bian, Loneliness / Bian Zhilin. The Selected Poems // The Second Series of World Famous Poems Series. – Beijing : Fuqin Ju, 1933–1935. – P. 41.
12. 减棣，现代性与新诗的评价，《文艺争鸣》，1998年第3期，191页。
Jiandi, Modernity and the Evaluation of New Poetry / Jiandi // Journal of Literary Controversy. – 1998. – № 3. – P. 191.

Поступила в редакцию 07.10.2022

Чарота Кацярына Міхайлаўна
магістр мастацтвазнаўства,
аспірант аддзела беларускай літаратуры
XX–XXI стст.
Цэнтра даследаванняў беларускай
культуры, мовы і літаратуры
Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі
г. Мінск, Беларусь

Katsiaryna Charota
Master of Art History
PhD Student of the Department of Belarusian
Literature of the 20–21st centuries
Center for Belarusian Culture, Language
and Literature Research of the National
Academy of Sciences of Belarus
Minsk, Belarus
katherine988@mail.ru

МАЛАДЗЁЖНАЕ ПАДПОЛЛЕ І ЯГО ЎДЗЕЛЬНІКІ
Ў РАМАНАХ “МАЛАДАЯ ГВАРДЫЯ” А. А. ФАДЗЕЕВА
І “САСНА ПРЫ ДАРОЗЕ” І. Я. НАВУМЕНКІ

YOUTH UNDERGROUND ORGANIZATIONS AND THEIR PARTICIPANTS
IN THE NOVELS *THE YOUNG GUARD* BY A. A. FADEYEV
AND *A PINE TREE BY THE ROADSIDE* BY I. J. NAVUMIENKA

У артыкуле пры дапамозе кампаратыўнага метаду даследуюцца раманы “Маладая гвардыя” А. А. Фадзеева і “Сасна пры дарозе” І. Я. Навуменкі. Дадзены метады дазваляюць вызначыць агульнае і адрознае ў падыходах рускага і беларускага пісьменнікаў да паказу маладзёжнага падполля і да раскрыцця тэмы барацьбы юнакоў з акупантамі, высветліць, якія асаблівыя мастацкія сродкі і прыёмы выкарыстаў кожны з пісьменнікаў для стварэння вобразаў маладых падпольшчыкаў і адлюстравання іх ўнутранага свету.

К л ю ч а в ы я с л о в ы : *кампаратыўны метады; ваенная проза; мастацкія сродкі; вобраз героя.*

In the article, the author examines the novels *The Young Guard* by A. A. Fadeyev and *A Pine Tree by the Roadside* by I. Y. Navumienka using the comparative method. This method made it possible to determine the common and distinctive features in the approaches of Russian and Belarusian writers to showing the youth underground organizations and to developing the theme of the struggle of young people against the invaders, to find out which special literary devices and techniques each writer used to create the images of young underground fighters and reveal their inner world.

К e y w o r d s : comparative method; war prose; literary devices; image of the character.

Шырокую вядомасць Івану Якаўлевічу Навуменку (1925–2006) як пісьменніку прынеслі творы пра Вялікую Айчынную вайну. Пры гэтым ён знайшоў арыгінальны падыход для адлюстравання яе жорсткага і крывавага аблічча, паказаўшы яго праз прызму бачання сямнаццацігадовых хлопцаў і дзяўчат, учарашніх школьнікаў. Тэма юнацтва, якое “не паспела расквітнець і было абпалена полымем вайны” [1, с. 146], стала адной з асноўных у творчасці беларускага празаіка, таму літаратуразнаўцы часта называюць І. Я. Навуменку “песняром сямнаццацітай вясны” [2, с. 4], “песняром юнацтва” [3, с. 10]. На думку айчынных і замежных даследчыкаў літаратуры, адным

з найлепшых твораў народнага пісьменніка Беларусі, які “дэманструе такую самую псіхалагічную глыбіню і сінтэз лірызма з рэалізмам, як і найлепшыя ягоня апавяданні” [4, с. 146] і ў якім “шматгранна, пераканаўча, псіхалагічна абгрунтавана” [1, с. 146] паказаны трагічны лёс цэлага пакалення маладых людзей, іх падпольная барацьба супраць акупантаў, зроблена “ўдалая спроба сказаць шчырую праўду пра людзей і падзеі гэнага часу” [5, с. 127], з’яўляецца раман “Сасна пры дарозе” (1962).

І. Я. Навуменка лічыў, што “... якім бы арыгінальным, самабытным ні быў пісьменнік, так ці іначай ён адштурхоўваецца ад пэўнай традыцыі, творчага ўзору” [6, с. 219]. На наш погляд, адным з такіх “узораў”, на які арыентаваўся сам Іван Якаўлевіч пры стварэнні “Сасны пры дарозе”, быў раман “Маладая гвардыя” А. А. Фадзеева (1901–1956). Як сцвярджае беларускі даследчык літаратуры В. А. Каваленка, у гэтым “буйным творы аб вайне”, што аказаў “моцны ўплыў на ўсю савецкую літаратуру”, “упершыню героямі ... сталі школьнікі, яшчэ падлеткі, якія здолелі кінуць выклік ворагу” (Тут і далей пераклад з рускай, англійскай моў наш. – К. Ч.) [7, с. 63]. Няма ніякіх сумненняў, што І. Я. Навуменка чытаў раман рускага пісьменніка і, па словах літаратуразнаўца С. С. Лаўшука, земляка і калегі Івана Якаўлевіча, аўтар “Сасны пры дарозе” “быў перакананы, што Васілевіцкае камсамольска-маладзёжнае падполле ні ў чым не саступала Краснадонскаму” [8, с. 58].

У дадзеным артыкуле мы вырашылі пры дапамозе кампаратыўнага метаду даследаваць раманы “Маладая гвардыя” і “Сасна пры дарозе”, каб вызначыць агульнае і адрознае ў падыходах А. А. Фадзеева і І. Я. Навуменкі да паказу маладзёжнага падполля і да раскрыцця тэмы барацьбы юнакоў супраць акупантаў, выявіць мастацкія сродкі і прыёмы, якімі карысталіся рускі і беларускі пісьменнікі для стварэння вобразаў маладых падпольшчыкаў і раскрыцця іх ўнутранага свету. Гэта дазволіць аб’ектыўна ацаніць унёсак кожнага з іх у распрацоўку тэмы і належным чынам асэнсаваць самабытнасць іх раманаў.

Перш за ўсё звернемся да гісторыі стварэння абодвух твораў, а таксама вызначым, які матэрыял лёг у іх аснову.

Пра з’яўленне твора рускага пісьменніка вядома наступнае: у 1943 г. Цэнтральны Камітэт камсамола прапанаваў А. А. Фадзееву напісаць кнігу аб маладзёжнай падпольнай групе “Маладая гвардыя” горада Краснадона. Спачатку пісьменнік вагаўся, спасылаючыся на тое, што яму “цяжка пісаць па замове” [9, с. 663], але потым усё ж такі пагадзіўся. Перш чым прыступіць да работы над раманам А. А. Фадзееў вывучаў дакументы, якія тычыліся дзейнасці падпольнай арганізацыі Краснадона, і збіраў інфармацыю пра маладых падпольшчыкаў. Дзеля гэтага ён сам выехаў на месца падзей, наведаў сем’і маладагвардзейцаў і азнаёміўся з іх асабістымі лістамі, дзённікамі, запісамі, вершамі, апытаў таварышаў па школе і настаўнікаў маладых герояў, партызан і падпольшчыкаў [9, с. 664]. У выніку, па словах аўтара “Маладой гвардыі”, ён назапасіў матэрыял, які “мог бы камень расплавіць”, і ўбачыў на

ўласныя вочы “вельмі шмат такога, што, будзь у цябе хоць лоб на сем пядзей і якім бы ты ні быў таленавітым, выдумаць гэта або дадумаць немагчыма” [9, с. 663]. Напісаны ў 1943–1945 гг. раман выйшаў асобнай кнігай праз год пасля заканчэння Вялікай Айчыннай вайны. Але і пасля гэтага работу над ім А. А. Фадзееў працягваў: перапрацоўваў твор і дапаўняў яго новымі главамі. Другая рэдакцыя рамана была апублікавана ў 1951 годзе.

Падсумуем сказанае: А. А. Фадзееў, якому да пачатку Вялікай Айчыннай вайны ўжо споўнілася сорак гадоў, пісаў свой твор па гарачых слядах і пры рэканструкцыі падзей 1942–1943 гг. у Краснадоне абапіраўся як на дакументы, так і на ўспаміны непасрэдных удзельнікаў і сведкаў.

Зусім іншая гісторыя з’яўлення “Сасны пры дарозе” (1962). Як распавёў у адным са сваіх інтэрв’ю Іван Якаўлевіч, на думку стварыць раман яго навяло наступнае: “Мы ў адным пакоі жылі з Адамовічам, а ён усё пісаў тады сваю «Войну под крышами». Гэта ў нейкай ступені падштурхнула і мяне. Думалася, што і я ж не менш сябе ведаю: партызаны, падполле... Вось і напісаў «Сасну пры дарозе»” [10, с. 207]. Да стварэння маштабнага твора аб маладзёжным падполлі І. Я. Навуменка ішоў дастаткова доўга. Тэму “беларускіх маладагвардзейцаў” ён пачаў распрацоўваць яшчэ ў сваіх апавяданнях “Эх, махорачка...” (1955), “Сямнацатай вясной” (1956), “Вераніка” (1957), аповесцях “Снежань” (1958), “Мой сябар Пятрусь” (1958). Раман “Сасна пры дарозе” ўбачыў свет, калі ўжо прайшло больш за дваццаць гадоў з часоў падзей, адлюстраваных у ім. “Маючы багацце фактаў, не зазіраючы ў архівы” [10, с. 225], у сваім творы беларускі прэзізік апісаў дзейнасць Васілевіцкай падпольнай камсамольскай групы “За радзіму”, у якую сам уваходзіў будучы юнаком, падзяліўся з чытачом тым, што ім было асабіста перажыта і ўбачана, калі яго родны горад знаходзіўся пад нямецкай акупацыяй у 1941 годзе.

Нават ужо самі гісторыі стварэння раманаў “Маладая гвардыя” і “Сасна пры дарозе” наводзяць на думку, што падыходы да раскрыцця тэмы падпольнай барацьбы, творчыя ўстаноўкі рускага і беларускага пісьменнікаў, ідэйна-эмацыянальная накіраванасць іх твораў павінны адрознівацца, што абумоўлена як паходжаннем матэрыялу, так і часам напісання.

Як мы ўжо адзначалі, А. А. Фадзееў пісаў свой твор, калі яшчэ вяліся актыўныя ваенныя дзеянні. Таму, здаецца, асноўнымі задачамі рускага пісьменніка былі: пераканаўча паказаць маштаб падпольнай народнай барацьбы супраць захопнікаў, адлюстраваць мужнасць, гераізм і самаадданасць моладзі ў змаганні з акупантамі, апісаць шматлікія зверствы, бясчынствы фашыстаў і жудасныя пакуты бязвіннага мірнага насельніцтва Краснадона. На нашу думку, гэты літаратурны помнік подзвігу маладагвардзейцаў прызначаўся ў першую чаргу сучаснікам. Рускі пісьменнік ставіў сабе за мэту падняць патрыятычны дух чытачоў і выклікаць у іх праведны гнеў. Пры гэтым ён не імкнуўся у рамане расказаць ва ўсіх падрабязнасцях пра жыццё маладагвардзейцаў падчас акупацыі і дэталёва даследаваць унутраны свет сваіх герояў, а засяродзіўся на адлюстраванні змагання юнакоў з фашыстамі і іх маральных якасцей, якія рэльефна выявіліся і рас-

крыліся ў “складаны і востры” ваенны перыяд. “Паказваючы маладагвардзейцаў, – прызнаваўся А. А. Фадзееў, – прыйшлося адкінуць дробнае, лішняе, паўсядзённае і сказаць галоўнае” [11, с. 453].

Раман “Сасна пры дарозе” І. Я. Навуменкі ўбачыў свет праз шаснаццаць гадоў пасля першай публікацыі твора рускага пісьменніка пра падпольную групу моладзі Краснадона. Беларускі празаік, калі браўся за яго стварэнне, відаць, сапраўды ўсведамляў, што “прайшоў час, і стала зразумела, што яшчэ адну «Маладую гвардыю» пісаць не варта, бо наспела пара новых падыходаў у асэнсаванні героікі мінулай вайны” [8, с. 58]. Зразумела, Іван Якаўлевіч вельмі добра валодаў матэрыялам, таму што звесткі былі аўтабіяграфічнымі. У параўнанні з А. А. Фадзеевым, розніца ва ўзросце якога з яго маладагвардзейцамі складала больш за дваццаць гадоў, айчыннаму пісьменніку лягчэй было пранікнуць у псіхалогію маладых падпольшчыкаў, зразумець іх матывы, жаданні, імкненні, бо ён належыў з імі да аднаго пакалення, а перажытыя падчас акупацыі эмоцыі і пачуцці назаўсёды засталіся ў памяці. Паколькі ад падзей 1941 г. да іх адлюстравання ў рамане “Сасна пры дарозе” прайшло даволі шмат часу, пасталелы І. Я. Навуменка меў магчымасць больш уважана, аб’ектыўна ацаніць тое, што адбывалася ў яго родным горадзе падчас нямецкай акупацыі, іншымі вачыма, ужо з вышыні ўласнага назапашанага жыццёвага вопыту паглядзець на самога сябе і іншых людзей, якія сталі прататыпамі герояў твора, пераасэнсаванне свае і іх учынкi, дзеянні.

Кажучы непасрэдна пра створанне рускім і беларускім пісьменнікамі вобразы, адзначым: у рамане “Маладая гвардыя” мы бачым жорсткае размежаванне герояў на адмоўных і станоўчых, прычым на апошніх аўтар канцэнтруе сваю ўвагу і яўна іх ідэалізуе. Сам А. А. Фадзееў згадваў выпадак, калі на адной з чытацкіх канферэнцый студэнт папракнуў яго: “Я доўга ўжо жыву на свеце, жыву сярод таварышаў сваіх, многіх з іх люблю, сябрую з імі, але вельмі шмат бачу недахопаў і ў сабе, і ў таварышах. Калі чытаў «Маладую гвардыю», не пазнаваў сябе і сваіх таварышаў. Мне здаецца, што вы маладых людзей ідэалізуеце, я такіх не знаходжу” [11, с. 452]. Бясспрэчна, забітыя фашыстамі маладагвардзейцы былі надзвычай стойкімі і моцнымі духам людзьмі, якія, вытрымаўшы катаванні на допытах, не выдалі сваіх таварышаў, і толькі дзякуючы іх мужнасці некаторыя члены падполля не былі арыштаваны і засталіся жывымі. Але, сапраўды, у рамане А. А. Фадзеева ў маладагвардзейцаў няма ніякіх заган: усе яны прыгожыя як знешне, так і ўнутрана, паводзіны іх заўсёды бездакорныя, а ўчынкi ўзорныя. Неаднаразова ў творы апісваецца выключная высакароднасць членаў “Маладой гвардыі” ў адносінах да сваіх сяброў. Здаецца, што, нягледзячы на свой дастаткова малады ўзрост, яны не адчуваюць ні кроплі страху, не сумняваюцца ў правільнасці прынятых рашэнняў.

У свой раман рускі пісьменнік увёў вялікую колькасць дзеючых асоб і паказаў маштаб падпольнай барацьбы супраць фашыстаў у Краснадоне. Менавіта дзякуючы масавасці і высокай арганізаванасці маладагвардзейцы вялі актыўную і эфектыўную падпольную дзейнасць: наносілі матэрыяльны ўрон акупантам, падрывалі іх маральны і баявы дух.

У артыкуле “На строме часу” (1973) І. Я. Навуменка згадвае: “Некалі Аляксандр Фадзееў, раздумваючы аб духоўным вобліку пакалення маладагвардзейцаў, сказаў, што яно рамантычнае і практычнае адначасова” [6, с. 283]. Мы не змаглі знайсці гэтага выказвання аўтара “Маладой гвардыі”. Не выключана, што такую трапную характарыстыку адлюстраванаму ў творы рускага пісьменніка пакаленню маладых падпольшчыкаў даў сам Іван Якаўлевіч. Але гэта не так ўжо і істотна. Цікава іншае: якім чынам у рамане “Сасна пры дарозе” прадстаўлена гэтае ж пакаленне беларускіх юнакоў і дзяўчат і паказана іх барацьба супраць захопнікаў?

Калі рускі пісьменнік, распавядаючы пра падполле ў Краснадоне і яго ўдзельнікаў, імкнуўся да дакументальнасці, максімальнай дакладнасці: у сваім творы ён захоўвае сапраўдныя назвы населеных пунктаў, імёны і прозвішчы большасці дзеючых асоб, дэтальна апісвае знешні выгляд, характары герояў “па расказах блізкіх, па фотаздымках або з асабістага знаёмства з тымі, хто застаўся ў жывых” [11, с. 425], то Іван Якаўлевіч, хоць і пісаў пра рэальныя падзеі 1941 г. ў Васілевічах, сведкам і непасрэдным удзельнікам якіх быў сам, а большасць герояў яго рамана мела прататыпаў, змяняе назву месца дзеяння, не захоўвае імёны, прозвішчы правобразаў і пакідае сабе прастор для мастацкага вымыслу. Назва выдуманых мястэчка Бацькавічы, відаць, указвае на тое, што І. Я. Навуменка хацеў паказаць не канкрэтнае Васілевіцкае падполле, а расказаць пра подзвігі і ўнёсак у перамогу шматлікіх падпольных груп, якія дзейнічалі ў розных населеных пунктах Беларусі падчас Вялікай Айчыннай вайны.

У адрозненне ад рамана “Маладая гвардыя”, дзе няма аднаго галоўнага героя, у творы І. Я. Навуменкі ён ёсць – гэта Міця Птах. Падзеі рамана “Сасна пры дарозе” падаюцца ў асноўным праз яго суб’ектыўнае, “выключна эмацыянальнае, вострае” ўспрыманне [1, с. 149]. У вобразе Міці ўгадваецца сам аўтар. Пра яго стварэнне Іван Якаўлевіч распавядаў наступнае: “... Міцю Птаху аддаў лепшае з майго ўнутранага жыцця, з маіх парыванняў, імкненняў, жаданняў, думак. Але па лініі знешняй біяграфіі Міця Птах на мяне не вельмі падобны. ... Адным словам, сувязь прататыпа з героем ёсць, але яна вельмі апасродкаваная” [10, с. 175].

Намі заўважана, што, малюючы партрэты персанажаў, у рамане “Сасна пры дарозе” аўтар падае іх не цалкам, а толькі асобныя рысы. Так, беларускі празаік звяртае ўвагу чытача на адну фізічную асаблівасць свайго галоўнага героя: ён *злёгка накульгваў, бо калі яму было тры гады, ён зваліўся з воза і зламаў левую нагу* [12, с. 5]. У мірны час гэтая загіна не дазваляла яму весці лад жыцця звычайнага хлопца яго ўзросту і зрабіла кніжнікам: *У школе ён ніколі не хадзіў на заняткі фізкультуры, не лазіў на турнік, не мераўся з хлопцамі сілай. Але там ён мог узяць другім – вучобай, кнігамі, – усё залежала ад яго самога* [12, с. 40]. Аднак, калі пачалася вайна, ні кульгавасць, ні фізічная кволасць не сталі для Міці Птаха падставамі, каб бяздзейнічаць і ціха адседзецца. Наадварот, у яго моцнае жаданне хоць як-небудзь дапа-

магчы ў барацьбе супраць ворагаў, і ён спадзяецца, што знойдзе ў ёй няхай сабе маленькае, непрыкметнае, але сваё месца, абыв толькі не стаяць збоку. Інакш ён не мог [Там жа].

Мы ўжо згадвалі трапную характарыстыку духоўнага вобліку пакалення маладагвардзейцаў, якую аўтар “Сасны пры дарозе” прыпісвае А. А. Фадзеву. Рамантыкамі і максімалістамі з’яўляюцца і героі-юнакі ў творы І. Я. Навуменкі. Напрыклад, Міця Птах, для якога не існавала сярэдзіны паміж вялікім і малым, з’явы і рэчы ў яго разуменні мелі выразную і толькі адзіную назву [12, с. 28], на вестку пра вайну адрэагаваў наступным чынам: *Да Міці не адразу дайшоў сэнс урачыстых, важных слоў. Зразумеўшы, што пачалася вайна, ён узрадаваўся. Пачыналася нешта вялікае, агромністае – яно будзе ісці на яго, Міцевых, вачах, яно – працяг той гераічнай хвалі, якая даўно закліснула яго грудзі* [12, с. 28–29]. Падобнае стаўленне маладых людзей да вайны знаходзім і ў рамане “Маладая гвардыя”. Яна ўспрымаецца не як агульначалавечая трагедыя, не як масавае забойства людзей, а як магчымасць праверыць самога сябе і час, калі можна здзейсціць мару аб гераічным подзвігу. Так, Алег Кашавы, адчуваючы горыч і смутак з-за таго, што вымушаны эвакуіравацца і не зможа прыняць актыўны ўдзел у барацьбе супраць фашыстаў, прамаўляе: *... колькі мы ў школе пісьмовых прац напісалі пра тую вайну, марылі, зайздросцілі бацькам нашым, – і вось яна прышла, вайна, да нас, быццам знарок, каб даведацца, якавы мы, а мы выязджаем ...* [13, с. 65].

А вось практычнымі назваць летуценных і даволі наіўных падпольшчыкаў з рамана “Сасна пры дарозе” нельга. Пасля акупацыі мястэчка Бацькавічы немцамі Міця Птах разам з сябрамі Іванам Лобікам, Шурам Гарнаком, Базылём Вілюгам, Сяргеем Амельчанкам і Міколам Цябутам ствараюць сваю падпольную арганізацыю, кіруючыся перш за ўсё юнацкай рамантыкай і не ўсведамляючы ўсёй сур’ёзнасці і цяжкасці гэтай справы. І. Я. Навуменка не прыхарошвае маладых барацьбітоў з ворагам, паказвае іх звычайнымі, са сваімі слабасцямі, людзьмі, якія, сутыкнуўшыся з суровай ваеннай рэчаіснасцю, спачатку больш разважалі, чым дзейнічалі. І ў цэлым аўтар твора не адлюстроўвае звышгераічных ўчынкаў юнакоў Бацькавіч, а піша пра іх “звычайны подзвіг” [10, с. 166]. Міця Птах прадстаўлены не як бясстрашны і нязломны герой. Як вядома, ён быў схоплены паліцаямі і трапіў у турэмную камеру. Па намеры юнака атруціцца хлоркай і думках, якія прыходзяць яму ў галаву, можна здагадацца, што і ў яго няма цвёрдай ўпэўненасці ў сваёй духоўнай моцы: *Многіх хапіла б на тое, каб памерці гераічна, за хвіліну, думае Міця. Ён сам так памёр бы. А паспрабуй – за тыдзень... Ніхто нічога не можа пра сябе ведаць – пра сваю волю, мужнасць, – пакуль не трапіць у гэтае страшнае месца. Ніхто не можа сказаць: “Вытрымаю”* [12, с. 328–329]. Пасля вызвалення з турмы малады чалавек адчувае сябе пераможцам, хоць яго і не катавалі. *Галоўнае – не спалохаўся* [12, с. 342]. Айчынныя даследчыкі літаратуры адзначаюць, што “выключнай шматграннасці, псіхалагічнай напоўненасці” вобраз галоўнага

героя рамана “Сасна пры дарозе” – “творчая ўдача І. Навуменкі” [1, с. 148], і што “на старонках, прысвечаных Міцю, мы сустракаем з прыкладамі глыбокага і дакладнага псіхалагічнага пісьма” [14, с. 259]. Справа ў тым, што яго, як і вобразы яшчэ некаторых іншых персанажаў твора, пісьменнік падае “не гатовым і духова складзеным, а ў працэсе фармаваньня й дасьпяваньня” [5, с. 127]. Эвалюцыю Міці Птаха крытык і літаратуразнаўца П. К. Дзюбайла апісаў наступным чынам: “Ад разгубленасці і распачы праз страшэнныя выпрабаванні герой ішоў да ўсведамлення трагічнай праўды вайны, сутнасці палітыкі фашыстаў, ад дзіцячай нявопытнасці ў падпольнай рабоце, гульні ў вайну да сапраўднай барацьбы супраць ворага” [1, с. 147]. Вартасць рамана “Сасна пры дарозе” ў тым, што пісьменнік не абмяжоўваецца аднабаковым паказам юнакоў толькі як падпольшчыкаў, барацьбітоў з фашысцкімі акупантамі. Як слухна адзначыў Н. Е. Пашкевіч, у гэтым творы “героіка ... спалучаецца з дэталёвым, удумлівым паказам чалавечага і грамадзянскага ўзмужнення юнацтва ў надзвычайных абставінах ваеннага часу” [14, с. 258]. Беларускі пісьменнік імкнуўся стварыць жывыя і праўдзівыя вобразы маладых людзей, ва ўсіх падрабязнасцях, не выпускаючы з-пад увагі ніводнай дэталі, апісаць як знешняе, так і ўнутранае іх жыццё. Сваім раманам І. Я. Навуменка яшчэ раз пацвердзіў, што ён “празаік лірыка-рамантычнага складу”, а выявілася гэта “ў своеасаблівай адухоўленасці і прыўзнятасці апавядальнай інтанацыі, у пачціва-паэтычным, задушэўным стаўленні аўтара да сваіх герояў” [14, с. 257]. Гэта можна назіраць, напрыклад, калі пісьменнік распавядае пра каханне Міці Птаха да Сюзаны, якая, дарэчы, не прымала актыўнага ўдзелу ў змаганні з ворагам. Аўтар рамана піша: пачуцці Міці да дзяўчыны настолькі моцныя, што, калі той сядзеў з каханаю, для яго *адразу знікла вайна, немцы, Вера, якая аддала яму вінтоўку, хлопцы, што, сабраўшыся ў Лобіка, мабыць, гавораць пра міну. Ёсць адна толькі Сюзана. Яна запоўніла сабой увесь свет. Яна побач з ім. Ён яе любіць* [12, с. 223]. Пісьменнік па-бацькоўску спагадліва і з разуменнем ставіцца да ўсёпаглынальнага кахання хлопца, нягледзячы на тое, што яно ўзяло верх над пачуццём абавязку і падпольная барацьба з ворагам адышла для яго на задні план.

У рамане А. А. Фадзеева таксама закранаецца тэма кахання маладагвардзейцаў, але і яна падпарадкавана асноўнай задачы: паказаць духоўную моц, самаадданасць, вернасць ідэалам і грамадзянскаму абавязку моладзі. Так, напрыклад, Алег Кашавы, убачыўшы, што Лена Позднышава, з-за якой ён адчуў *хваляванне першага кахання* [13, с. 226], фліртавала з немцамі і спявала ім песні, палічыў гэта за здраду, прычым не толькі яму, і пасля гэтага бачыў у ёй выключна *прадажную тварыну* [13, с. 254]. Далей чытач рамана “Маладая гвардыя” даведваецца, што маладагвардзеец пакахаў іншую дзяўчыну – падпольшчыцу Ніну Іванцову, якая *ўгадвала кожны яго позірк, рух і – без нярэчання, без страху, дакладна – выконвала ўсякае яго даручэнне* [13, с. 498]. Калі І. Я. Навуменка паказваў узнёслае сардэчнае пачуццё двух

маладых людзей і ва ўспрыманні Міці надзвычай прыгожая Сюзана была незвычайнай, асаблівай, незямной істотай, то ў рамане А. А. Фадзеева каханая камісара маладзёжнага падполля Краснадона – гэта *дзяўчына надзвычайнай прастаты, бястрашная, маўклівая і рамантычная* [13, с. 497], аднадумец, саратніца, сяброўка, разам з якой марыў *помсціць... за любімы мілы край* [13, с. 498].

Звернем яшчэ ўвагу на тое, што ў творах рускага і беларускага пісьменнікаў пейзажы выконваюць розныя функцыі. У рамане “Маладая гвардыя” малюнкi прыроды, апісанні мясцовасцей не адыгрываюць значнай ролі і з’яўляюцца толькі фонам, на якім разгортваецца дзеянне. А вось І. Я. Навуменка, які ў ранейшай творчасці ўжо паспеў зарэкамендаваць сябе як майстар пейзажу, у рамане “Сасна пры дарозе” яшчэ раз даказаў, што краявіды ён умее “апісваць пранікнёна, настраёва і ў цесным дачыненні да духоўнага свету персанажаў” [14, с. 259]. Каб пераканацца ў тым, што яго “яркія пейзажныя замалёўкі ўскосна дапамагаюць таксама паказваць душэўны стан герояў” [1, с. 150], звернемся да васьмi якога ўрыўка з твора беларускага пісьменніка: *Міцём валодае дзіўны, упершыню зведаны настрой, калі ўсё навакольнае здаецца не сапраўдным, не рэальным, а толькі сном, цьмяным адбіткам нечага сур’ёзнага, вялікага, што, атуліўшыся бачнасцю звычайнасці, стаілася ў шматзначнасці сваёй і раскрыецца па часе. Лес той самы, знаёмы і блізкі з дзяцінства, і, разам з тым, ён зацяўся, хавае ў паўзмроку штосьці загадкавае, таямнічае; вершаліны сосен шумяць па-асабліваму, трывожна і насцярожана* [12, с. 97–98].

Праведзенае даследаванне дазваляе сцвярджаць, што ў раманах “Маладая гвардыя” і “Сасна пры дарозе” дакладна перадаецца цяжкая і гнятлівая атмасфера жыцця пад акупацыяй і шматпланавы паказваецца гераічная барацьба моладзі супраць захопнікаў. Абодва творы заснаваны на рэальных падзеях і фактах. Адрозненне ў тым, што пры напісанні рамана А. А. Фадзееў абапіраўся на дакументы і ўспаміны сведкаў, а І. Я. Навуменка – на ўласны жыццёвы вопыт. Кожны з іх па-свойму апрацаваў жыццёвы матэрыял, у выніку чаго рускі пісьменнік стварыў літаратурны помнік подзвігу маладагвардзейцаў, а беларускі празаік напісаў праўдзівую і кранальную гісторыю пра трагічны лёс цэлага пакалення маладых людзей, якім давялося змагацца з ворагам.

ЛІТАРАТУРА

1. *Дзюбайла, П. К.* Беларускі раман аб Вялікай Айчыннай вайне / П. К. Дзюбайла. – Мінск : Навука і тэхніка, 1964. – 160 с.
2. *Піскун, Л. А.* Іван Навуменка / Л. А. Піскун. – Мазыр : РВФ «Белый ветер», 1997. – 182 с.
3. *Кароткая, Л.* Ад імя пакалення / Л. Кароткая // Збор твораў : у 6 т. / І. Навуменка. – Мінск, 1981. – Т. 1. – 559 с.

4. *Макмілін, А.* Беларуская літаратура ў 50–60-я гады ХХ стагоддзя / А. Макмілін ; пер. з англ. А. Літвіноўскай. – Мінск : Беларускі кнігазбор, 2001. – 330 с.
5. *Станкевіч, С.* Беларуская падсавецкая літаратура першай палавіны 60-х гадоў / С. Станкевіч. – Нью Ёрк ; Мюнхэн : [б. в.], 1967. – 169 с.
6. *Навуменка, І.* Збор твораў : у 6 т. / І. Навуменка. – Мінск : Маст. літ., 1984. – Т. 6 : Літаратурная крытыка. – 535 с.
7. *Коваленко, В. А.* Общность судеб и сердец: Белорусская проза о Великой Отечественной войне в контексте русской и других литератур / В. А. Коваленко. – Минск : Наука и техника, 1985. – 352 с.
8. *Лаўшук, С. С.* Слова ад імя пакалення, што не стала на калені / С. С. Лаўшук // Кулуарамі творчай майстэрні Івана Навуменкі / С. С. Лаўшук [і інш.] ; навук. рэд., аўтар прадмовы А. А. Манкевіч. – Мінск, 2020. – С. 18–66.
9. *Апухтина, В. Л.* Примечания / В. Л. Апухтина // Фадеев, А. А. Собрание сочинений : в 7 т. / А. А. Фадеев. – М., 1970. – Т. 3 : Молодая гвардия. – С. 659–678.
10. *Навуменка, І. Я.* Збор твораў : у 10 т. / І. Я. Навуменка. – Мінск : Маст. літ., 2017. – Т. 10 : П'еса, вершы, інтэрв'ю, анкеты, выступленні, водзвывы на дысертацыі, некралогі, аўтабіяграфія, успаміны, дзённікавыя запісы, лісты / падрыхт. тэкстаў, камент. і паслясл. Н. Пыско. – 989 с.
11. *Фадеев, А. А.* Собрание сочинений : в 7 т. / А. А. Фадеев. – М. : Худож. лит., 1970. – Т. 5 : Статьи и речи, 1928–1947. – 592 с.
12. *Навуменка, І. Я.* Збор твораў : у 10 т. / І. Я. Навуменка. – Мінск : Маст. літ., 2015. – Т. 5 : Сасна пры дарозе ; Вецер у соснах / падрыхт. тэкстаў, камент., паслясл. І. Шаладонава. – 878 с.
13. *Фадзееў, А.* Маладая гвардыя / А. Фадзееў ; пер. з рус. М. Лужанін. – Дапоўн. і перапрац. выд. – Мінск : Дзяржвыд БССР. Рэд. мастац. літ., 1953. – 681 с.
14. *Пашкевіч, Н. Е.* На шырокіх шляхах жыцця : Літаратурна-крытычныя артыкулы / Н. Е. Пашкевіч. – Мінск : Беларусь, 1965. – 398 с.

Поступила в редакцию 08.11.2022

ВЕСТНИК МГЛУ

Серия 1. Филология

№ 6 (121), 2022

Научно-теоретический журнал

Ответственный за выпуск *Л. А. Тарасевич*

Редакторы: *В. М. Василевская, Л. А. Каштанова, Е. И. Ковалёва*
Ст. корректор *С. О. Иванова*

Журнал зарегистрирован
Министерством информации Республики Беларусь 26 апреля 2010 г.
в Государственном реестре средств массовой информации за № 1333.

Адрес редакции: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск
E-mail: vestnik@mslu.by

Подписано в печать 27.12.2022. Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Ризография. Усл. печ. л. 8,14. Уч.-изд. л. 8,72. Тираж 100 экз. Заказ 63.
Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2017 г. № 3/1499. ЛП № 02330/458 от 10.07.2020 г. Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.

Индекс подписки 75017/750172